

Небо и Твердь

Новая кровь. Часть 1

Женя Овчаренко

16+

Женя Овчаренко

Небо и Твердь.

Новая кровь. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67946294

SelfPub; 2022

Аннотация

О том, что жизнь несправедлива, знают даже степные суслики! Кому-то сильно везёт – родиться на Небесах, сделать первый вдох среди облаков и солнечных лучей. Кого-то, чуть менее удачливого, сопровождают от детства до старости страсти и сомнения, столп каждой души на смятенной Тверди. А кого-то судьба и вовсе ненавидит – трудно назвать счастливой долю уррайо, всеми презираемого народа насылателей кошмаров... Проклятый Тьмой мальчик из Края Соснового, сын царя Тверди земной, наследник рода Тёмных повелителей – они начинают свой путь с разных пристаней, и пускай пока что они лишь дети, покорные чужой воле, но как сложатся их судьбы – зависит лишь от них самих.

Содержание

Глава 1. Тёмные Небеса. Сын Тёмного повелителя готов ко встрече с отцом	8
Глава 2. Речная Твердь. В терем, затерянный среди сосен, ходит кошмар	40
Глава 3. Сын Тёмного повелителя встречает своего отца	76
Глава 4. Каменная Твердь. Уроки жизни для молодого царевича	107
Глава 5. Сын Тёмного повелителя и суд над предателем	142
Глава 6. Маленький стайе из Края Соснового видит путь к спасению	174
Глава 7. Юность будущего велле в лучах Солнца	217
Глава 8. Тёмные Небеса. Сын Тёмного Повелителя отправляется в Никуда	245
Глава 9. Речная Твердь. Маленький стайе из Края Соснового распоряжается своей судьбой	270
Глава 10. Тёмные Небеса. Сын Тёмного Повелителя теряет старого друга и находит нового	315
О царевиче Тверди	353
О детях Тёмного повелителя	378

Женя Овчаренко

Небо и Твердь.

Новая кровь. Часть 1

Небеса всегда влекли к себе тех, кто не умел летать, разве не так? От злого степного гиеноволка и до ядовитого змея – все обитатели Тверди, задрав однажды голову, ловили себя на безумном желании разогнаться, помчаться к какому-нибудь крутому склону и со всех сил ринуться вниз, чтобы, не долетая до земли, воспарить подобно птице, взмыть вверх, танцевать среди облаков с холодными древними ветрами, ловить клубки новорождённых молний, пить студёную влагу созревающих в утробах туч дождей. Эта священная мечта давно уже похоронена под сердцами тварей земных, на самой заре мира, и потому мало кто из ныне живущих даёт себе в ней отчёт. Волки и олени, змеи и люди – мы давно уже решили для себя, что Небеса недосыгаемы для нас так же, как и вечная жизнь, что рождённому ползать в грязи не дано узреть чертоги облачных дворцов, что есть черта, за которую не заступит никому. Убеждая себя в этом из поколения в поколение, мы и вовсе разучились мечтать, а мечтой зовём обыкновенное стремление выжить. Однако каждому из нас, самому далёкому от Неба зверю – каждому нужен свой Бог, чтобы не потерять и это стремление...

Вот из-за таких психологических особенностей нашего брата на Тверди и появился культ эвелламе.

Эвелламе стали для людских княжеств Тверди и ангелами-хранителями, и идолами, – Богами, просто говоря. Как неуклюжий пингвин завидует парящему орлу, так любой земной житель – мальчишка и воин, земледелец и князь, невинная дева и почтенная старица – завидует искренне, с восхищением и отчаянной страстью, тем, под чьими ногами перья облаков стелются покрывалами, чьи песни слышатся в лёгком рассветном ветерке, как будто долетая сквозь миры и время. Животным – и человеку в особенности – нужнее всего на свете среди множества звёзд, ярких и тусклых, звезда путеводная, та, что горит при его рождении, освещает всю жизнь его и будет гореть после смерти. Зная о том, что путеводная звезда всегда где-то там, на Небесах, житель Тверди идёт по своей дороге спокойно и с верой в себя – не для него разве сжигает жизнь свою эта звезда? Пусть трудности встречаются в пути, пусть препятствие сменяет препятствие – покуда Небесные ока сияют, надежда не покинет горячее сердце. Земные люди возводят алтари и приносят жертвы эвелламе, веря, что покровительство Небесных повелителей поможет им преодолеть все трудности, что высшие братья защитят народ Тверди от всех бед. И пусть неурожаи длятся годами, пусть склоки среди местных владык всё не утихают, это лишь потому, что Небесные покровители всё это время были заняты, да?.. Сейчас-сейчас, пройдёт несколько лет, и

спустятся с облачных зыбей войны в сверкающих доспехах, и всевышние судьи воздадут по заслугам всем злодеям земным, и получит вечную жизнь и пуд медяков благоденственный и духом смиренный...

На всякую путеводную звезду найдётся свой чёрный провал в ночной мгле. В противоположность эвелламе, владыкам Светлых Небес, существуют уррайо, повелители Тёмных Небес. По сравнению со своими сиятельными собратьями, столь любимыми у земного народа, уррайо являют из себя отбросов-неудачников. Предания гласят, что в стародавние времена у Света и Тьмы были не только равные зоны влияния, но и равные силы. Но вот прошло время... да как-то так вышло, что злобные порождения чёрной половины Небес особых восторгов не вызывали ни у Тверди, ни у своих собратьев со светлой половины, так что объединёнными усилиями земных колдунов-войдошей и эвелламейских военачальников несчастные уррайо несколько раз здорово отхватили за свои злодейские замашки, и потому к настоящему времени уже давно сидят смиренно, робко скалясь в прорехи меж ночных облаков, и не высовываются. Если прежде, в те времена, когда добро и зло как-то уравнивали друг друга, тёмное время суток знаменовалось разгулом нечисти, нисхождением на Твердь разнообразных жутких порождений, – словом, дьявольским весельем, – то нынче, спустя столетия, всё здорово изменилось. Теперь единственное, что грозит загулявшемуся после заката пьянчуге, рухнувшему

спать в канаве, – от силы пара-тройка слабеньких бесов. В былые времена от ночного гуляки бы и косточек не осталось. Да, полностью уничтожить уррайо оказалось не под силу и всему светлонебесному воинству. По Тверди до сих пор бродят кошмары, порождённые некогда стараниями уррайо да позабытые собственными родителями и теперь растерявшие былую мощь. По-прежнему они мучают не одну сотню несчастных под звёздным покровом ночи, и проклятые стародавним присутствием Тёмной силы города, дома и курганы источают тлетворную энергию, отравляя жизнь всем вокруг. Однако же это совиный писк по сравнению с тем, что творилось в Нижнем мире полтысячи лет назад.

Сейчас куда более, чем атаки львов-людоедов на чёрных крыльях и приходящая к полуночи безголовая бабка с кладбища, простых обитателей Тверди волнуют всё-таки отсутствующий урожай и междоусобицы озверевших от безделья и жажды крови благородных князей.

Глава 1. Тёмные Небеса. Сын Тёмного повелителя готов ко встрече с отцом

В давние времена одним из главных козырей в дырявых рукавах уррайо была способность насылать на жителей нижних земель то, что впоследствии стали называть незамысловато – «ночные кошмары». Будучи существами крайне зловредными, любителями отведать чужого страха, хозяева тёмной половины Небес, не в силах дотянуться до твердынцев, находившихся под надёжной защитой эвелламе, просто посылали вниз тайными путями примитивных бесов, злых духов. Эти самые духи, повелевающие ненавистью, отчаянием и страхом, самыми ужасными из чувств, которые способно испытывать живое существо – до сих пор встречаются на Тверди... Впрочем, в нынешние времена навряд ли сыщется и полсотни уррайо, способных не то что создать сколько-нибудь могущественного беса, а хотя бы разобраться в инструкциях по этому ремеслу, записанных в древних книгах.

Анэйэ это прекрасно знал с детства. Вернее, с раннего детства. Ему было всего-то десять, он, как и все мальчишки его лет, был любознателен и сильно увлекался историей своих великих предков и сильнейших из их порождений. Но у него были также причины интересоваться этим всем намного и

намного глубже, чем это принято у его сверстников, причины весьма весомые. Первая из них – Анэйэ намеревался создать свой кошмар, сам призвать беса, чтобы его лапами терроризировать соседей с Тверди, и в своём намерении был весьма твёрд. Вторая – не знай он имён всех основных героев старинных легенд из рода уррако, ему бы влетело от наставника. Третья – он был, как никак, сыном самого настоящего владыки Тёмных Небес, для него было просто неприлично не вникать в историю предков! Так что, будучи учеником послушным и сыном примерным, Анэйэ смиренно сидел над толстой книгой второй час подряд, прилежно заучивая всё необходимое. И вялый свет помирающей звезды озарял ему путь в дорогу знаний – сочась сквозь тонкие прутья старой пыльной клетки.

Анэйэ любил читать и слыл среди наставников способным мальчиком. Но его кое-что сильно расстраивало, когда он зубрил теорию памяти Небес, чтобы на следующий вечер пересказывать её снова и снова под строгим присмотром айэ, старших учеников... Он родился и вырос в Тёмной столице, Уррэйва, Мрак был его Родиной – ненавистной всему миру, угрюмой и унылой, но Родиной, и он любил свою Родину. Быть может, любовью сына к матери-потаскухе, которая возвращается поздно ночью вся в синяках, избивает свой выводок, затем, извиняясь, плачет часами и засыпает под утро с бутылкой в обнимку. Но чувство это было в нём сильно – а как же иначе? Самоотверженная преданность отечеству

– ценность всеобщая, даже демоны-уррайо с Тёмных Небес её признают. Так вот же, как преданному юному сыну своей непутёвой, всеми презираемой и всеми униженной матери, Анэйэ было страшно обидно. Каждый урок памяти становился для него испытанием. Старичок-учитель рассказывал нудно и монотонно, но наследник уррайо слушал внимательно и вдумчиво. А затем, мучаясь дневной бессонницей, задавал себе один вопрос: «Почему у нас всё так плохо?»

Действительно – где же равновесие? Если Светлые Небеса живут и процветают, шпили их облачных дворцов пронзают голубую высь, а слава бежит далеко впереди них самих, то почему их извечные противники с тёмной половины Неба представляют из себя лишь назойливую муху, которую давно прихлопнули, но она до сих пор не потеряла раздражающую волю к жизни и дёргает изломанными крылышками? Где справедливость в этом мире? Священнослужители Тверди слагают красивые учения, в которых целые трактаты посвящаются тому, как важно противостояние зла и добра, Тьмы и Света, как естественно для мира, что день сменяет ночь, а Нижний мир видит над собой то сияние лика Лунного, то чёрный диск столицы уррако. Но о каком противостоянии может идти речь, если в последние века битва между двумя небесными царствами скорее напоминает иллюстрацию к известной детской сказке: получивший крылья обманом жадный волк рвётся взмыть ввысь и вскочить на облако, но небесный царь – крылатый лев – раз за разом спихивает

зарвавшуюся дворнягу вниз, не глядя, лишь лениво взмахивая гигантским белоснежным хвостом. В конце сказки лев произносит морализаторскую речь – напутствие для юных слушателей и читателей: «Как устремится тварь земная оседлать гребень вольного океана Небес – ждёт её один позор да униженье, потому как каждому своё».

И точка! Тёмным владыкам – жизнь изгнанников, боящихся пикнуть лишний раз, чтобы Светлые Небеса не послали свои войска на соседские облака с целью усмирить вновь взявшихся за старые злодеяния неудачников. Ну а эвелламе достаются почёт и достаток в двойном объёме – за себя и за брата.

Анэйэ был мал, но порассуждать любил. Конечно, в его детском мозгу мир виделся много проще, чем он есть на самом деле. Но некоторые вещи и детям понятны.

Тяжела жизнь уррайо. Когда ты рождён нести зло, – ни мир, ни судьба не встанут на твою сторону. Всё в твоих лапах, ни в чьих больше.

Что до создания бесов и насылания ночных кошмаров... Анэйэ как раз читал книгу-справочник, в которой Тёмный летописец прошлого подробно описывал всех порождённых уррайо злых духов в первой половине века после создания Небес. Книга была тяжёлая, написанная сухим языком, но он справлялся. Что угодно прочитаешь, если у тебя наставники строгие. Что угодно выучишь, зная, что это тебе пригодится – обязательно пригодится...

– Ну что, как идёт дело, брат мой, мой повелитель?

Анэйэ слегка раздражённо выдохнул, улыбнулся и повернул голову назад. Распахнув двери, на пороге его учебной комнаты стоял мальчик двенадцати лет. Нежданный гость, хотя был старше, всем своим видом выражал покорность верного слуги. Или пытался. С рукой, прислонённой к левой части груди – так обозначают своё подчинённое положение и выказывают почтение на Небесах – он весь слегка согнулся, и широкие полы его чёрной бархатной мантии спереди коснулись каменного порога. Но глаза мальчишки смотрели прямо, и в них сверкало нетерпение.

– Риндо Эррамуэ, – учтиво приветствовал его Анэйэ. – Что-то произошло?

– Ничего особенного, – откликнулся гость. – Твой недостойный брат лишь хотел спросить, много ли тебе осталось.

– Немного, – проговорил Анэйэ. – Ты уже освободился?

– Первые уроки закончены, айэ позволили мне гулять свободно.

– Тогда слегка подожди меня, мой недостойный брат. Мне только несколько страничек. Жди у крыльца!

Эррамуэ, не разворачиваясь спиной к своему юному повелителю, отступил назад и закрыл за собой дверь. Анэйэ опять склонился над книгой, но сосредоточиться так и не вышло. В тщетных попытках заставить себя с прежним усердием поглощать знания предков мальчик несколько раз сменил позу, поковырял роскошное перо чёрного лебедя, кото-

рым выписывал на своём пергаменте особо полезные изречения из прошлого, бездумно поводил взглядом по каллиграфически ровным строкам... Собраться ему не удалось. Не особо волнуясь о том, что бездельничать – вредно для сына Тёмного Повелителя, Анэйэ подумал: «Ну что же, основные моменты-то я запомнил», аккуратно закрыл книгу, положил перо в чернильницу, пергамент – слева от книги, а затем с чистым сердцем направился к выходу из комнаты.

Коридоры в царских палатах были гнетуще мрачны. Чёрный кирпич потолка терялся где-то высоко над головой, – за завесой непроглядной тьмы. Из витражных окон под ноги ложился слабыми бледными тенями и крапинками призрачный свет, не несущий в себе жизни и тепла. Свет этот не был отголоском солнечных лучей. В стольный город Тёмного Неба никогда не приходил день. Даже когда перья ночных облаков, над которыми изредка возвышались кое-где старинные замки и усадьбы уррайо, переползали через линию горизонта, скрываясь от взглядов твердынцев, а эвелламе выводили на золотых уздечках Солнце из-за восточных границ, во всём видимом мире наступало утро, затем – день, но не в Уррэйва, Тёмной столице, и не в Хралуне, Тёмном замке. В то время как для Тверди от края до края всё небо становилось просторами Светлого круга, территории уррако парили над Ничем – поверхностью нижнего основания мира. Ничто представляет из себя Ничто абсолютное и, конечно, никакого света не излучает.

Ни Хралуна, ни Уррэйва, ни Дождеоблако с Грозоблаком, ни сын Тёмного повелителя солнечных лучей не знали.

Анэйэ шёл по коридору спокойно, как ребёнок, абсолютно уверенный в том, что ему ни за что и ни от кого не влетит. Наставники и айэ любили его и прощали ему многое. Пожалуй, даже слишком любили и слишком многое прощали. Отчего – из-за грозной фигуры отца, всегда незримо возвышавшейся рядом с наследником Тёмного трона, или из-за детского обаяния Анэйэ? – кто знает. Оставаясь пока лишь мальчишкой, он просто пользовался своим особенным положением в чужих глазах, когда ему это было выгодно. Он мог позволить себе не выучить урок, заданный одним из более мягких наставников, мог умело изобразить старательность перед строгим айэ. Словом, всегда умел выходить сухим из воды.

Вот и сейчас, пускай ночь и не близилась к своему концу, он с чистой совестью покидал учебную комнату, отправляясь навстречу ожидавшему у крыльца товарищу. Эррамуэ, Эррамуэ Лэйю, был единственным молодым уррайю, которому дозволялось обучаться у одних с Анэйэ наставников. Эррамуэ был сыном старого друга Тёмного повелителя, а также риндо наследника Тьмы, и потому обладал особыми привилегиями. С раннего детства он имел возможность ходить во владыческие палаты – во всяком случае, на первый этаж – как к себе домой. Анэйэ и Эррамуэ были не только господином и слугой, но и близкими товарищами, и время после

занятий они часто проводили вместе.

Снаружи было холодно, как и всегда. Снег, едва белый, мягко кружась, опускался на резной мрамор перил, и Анэйэ бездумно смахнул его ладонью, спускаясь по крыльцу. Ладонь тут же заледенела. Быстро спрятав руку за складками айише – длиннополого одеяния с просторными рукавами, украшенного вдоль всех вырезов мягко светлеющими во тьме рунами, – Анэйэ остановился на последней ступеньке и прищурил глаза, оглядываясь.

Мимо пропорхала, трепеща крылышками, маленькая птичка-синица. Её пёрышки, обрамлённые по краешкам россыпью светящихся крапинок, мелькнув перед лицом, разогнали непроглядную тьму и позволили сориентироваться в пространстве. На Тёмных Небесах – в Уррэйва особенно – большую часть времени царил непроницаемый мрак. Столица была самой далёкой точкой от сердца Тверди ночью, – когда Луна проходила под ней, снег здесь был чёрен как вороново перо, поскольку ничто не благословляло его. Единственным, что могло осветить улицы города, были звёзды-синицы. В самом сердце Уррэйва, совсем недалеко от Хралуны, палат властителей, они рождались каждую ночь из лунных лучей, проникавших сквозь провал в облаках, на которых стояла столица. Порхая туда-сюда, сидя на крючковых ветвях луннодрев и распевая свои песенки, юные звёзды разгоняли Небесную Тьму. Если какая-то из них залетала за пределы Уррэйва, она погибала без своей матери-Луны, хо-

лодный свет распространялся с кончиков её пёрышек на все крылья, всё туловище – и синица, замирая, навеки оставалась висеть в Небесах, обречённая вдали от родины, но рядом с сотнями мёртвых сестёр освещать чужую землю. Свет дня оттеснял звёздный свет, и каждое утро тела синиц переставали быть видны с Тверди, но, когда Тьма брала своё после заката, мир за пределами Уррэйва вновь покрывался слабыми серебристыми отсветами – тенями сияния мёртвых детей Луны. Пусть твердынцы верят в то, что звёзды – души их мертвецов, но, увы, это вовсе не так.

Каждый из рода уррайо с рождения обладает лучшим зрением, чем любой эвелламе или житель Тверди. Ночью, даже когда рядом нет звёзд-синиц, житель Уррэйва может видеть чёткие очертания предметов вокруг себя, свободно передвигаться, не врезаясь в дома и растения, даже писать и читать. Но у Анэйэ с детства были проблемы с ночным зрением. Его детство в принципе было полно чудных случайностей, и на какое-нибудь из произошедших с ним злоключений можно было спихнуть вину за то, что наследник повелителя Тьмы ориентировался в Тьме не лучше, чем испуганный шакал в лисьей норе. Может, его отвратительное зрение было следствием того, что старшая сестрица уронила его головой вниз, когда ему было пять. Может, всё из-за одного происшествия, когда в младенчестве Анэйэ едва не сверзился с Небес. Пережитый стресс тоже мог сказаться на здоровье. Словом, как бы то ни было, в темноте он был слеп, так что мелькнувшей

мимо звёздочке юный уррайо возрадовался, как старой подруге.

– Я вижу тебя, ты здесь, – позвал Анэйэ. – Выходи, мой недостойный брат.

Мальчишеская тень покорно отделилась от сугроба чуть поодаль. Проваливаясь в снег по колено, Эррамуэ приковылял к крыльцу и опёрся о мраморную колонну рукой.

– Думал, я тебя не найду? – склонил голову набок Анэйэ.

– Конечно, – подтвердил Эррамуэ. – Ты бы и не нашёл, если бы не синица. Брат мой, мне ли не знать, как туго у тебя с глазами?

Поёживаясь от холода, Анэйэ спрыгнул со ступеньки вниз, тоже провалившись в снег.

– Может, и так. Но слух-то у меня есть. Синицы не дышат, как и сугробы. А ты дышал, и громко. Твоё дыхание сбивалось, потому что ты хотел от меня спрятаться и напряжённо думал о том, как бы я тебя не обнаружил. И оно доносилось вон оттуда, – он махнул рукой в ту сторону, откуда пришёл к нему друг. – Кроме того, ты явно решил спрятаться только тогда, когда услышал, что я выхожу. Ты резко запрыгнул за сугроб, и твои следы на снегу свежие. Я слышал, как поскрипывают снежинки там, где ты пробежал буквально перед моим появлением. Синица просто осветила контуры твоего тела, но я уже знал, где именно ты находишься.

– Правда? – спросил Эррамуэ с восхищением в голосе. – То есть, ты и не видя ни дива вычислил меня без проблем?

– Именно так, – важно кивнул Анэйэ.

Они помолчали несколько секунд. Анэйэ брёл первым, огибая по кривой северное крыло своих палат.

Эррамуэ рассмеялся и сзади ударил друга под колени. Повалившись вниз, будущий правитель уррайо тут же набрал в рот снега, однако перед этим умудрился схватить старшего товарища за подол плаща-айише и утянуть за собой в сугроб. Эррамуэ быстро его обездвигил, вжав спиной в мягкую поверхность облака и завернув обе руки за голову.

– Чего дерёшься? – хохотал Анэйэ, отплёвываясь. – Не поверил мне, да?

– Конечно, поверил! – Эррамуэ, держа оба запястья противника одной рукой, второй принялся его щекотать через тонкую одежду. – Мой брат слышит скрип снежинок на морозе и дыхание животного за десять хвостов от себя. Как в это не поверить?

– Ты ещё всего обо мне не знаешь... Я ещё... слышу шум твоей крови, – изображая голосом возмущение, вопил наследник. – И вижу сияние твоих глаз, недостойный брат! Ха-ха... Хватит, ну тебя...

– Будет хватит, когда выдашь мне все свои умения.

– Я читаю твои мысли и знаю все твои страхи!

Они боролись так яростно и смеялись так громко, что явившийся на звуки этого балагана наставник не был чем-то неожиданным.

– Юный повелитель и его риндо! – прохрипел Нериани,

верховный книжник, согбенный старичок лет семидесяти с палкой в руках. Его одеяния были абсурдно длинными – тянулись за его шагами на пару хвостов, а в разветвляющейся верхушке толстого посоха среди деревянных изгибов, как среди корней, тихонько щebetала, заливаясь звоном маленьких ледяных колокольчиков, заключённая синица-звёздочка. Нериани обучал обоих мальчиков памяти Небес, знал наизусть все книги Тьмы и даже некоторые тексты Света и Тверди, а ещё был страшно брюзглив и дотошен, – пока Анэйэ не начинал изображать из себя паиньку.

Мальчики прекратили возню. Эррамуэ сел на колени, отдыхаясь, а сам юный повелитель, оперевшись о плечо друга, нетвёрдо поднялся на ноги.

– Приносим извинения за шум, наставник Нериани, – глядя себе под ноги, выдохнул Анэйэ, а потом вновь рассмеялся, не сдержавшись.

– Наставник, мой повелитель обманул меня! – обиженно заявил Эррамуэ, но его глаза сверкнули весельем – на свету, исходящем от пёрышек синички Нериани, Анэйэ это ясно разглядел. – Сказал, что слышит звуки следов на снегу. Накажите его за наглую ложь!

– Не тебе обвинять его Темнейшество во лжи, – сурово оборвал мальчика Нериани. – Не злоупотребляй своим положением, место своё помни! И разве можно так громко кричать? Разве это поведение достойно высших уррайо?

– Наставник, не указывайте моему брату, что достойно, а

что нет, – проговорил Эррамуэ. – Не злоупотребляйте своим положением.

Анэйэ мысленно закатил глаза и сжал пальцами плечо друга. Он заговорил прежде, чем кто-то успел вставить что-то ещё:

– Приношу извинения за себя и за моего риндо, наставник Нериани, – учтиво проговорил он, справившись с дыханием. – Мы и впрямь что-то разошлись. Мы больше не будем. Я как раз завершил свои первые вечерние занятия и иду на перерыв. Как только мой айэ готов будет выслушать меня, я отвечу все уроки и не подведу вас.

Резкая перемена темы и вежливый тон наследника охладили пыл старичка-книжника. Обернувшись назад, глянув на дыру, из которой вылез – маленькую открытую дверь в палатах, ведущую в его библиотеку, Нериани забеспокоился о том, что ветер загонит холод в здание, выморозит комнаты и помешает ему спать днём, и заторопился возвращаться.

– Запомню это обещание и хорошенько расспрошу завтра Вашего айэ! – последнее слово наставник выплюнул почти с презрением, развернулся и, застревая толстым посохом в снегу, направился к двери. – И чтобы больше никакого шума! Совсем скоро вернётся Ваш Тёмный отец, и Вам уже надо думать о том, как бы предстать перед ним в лучшем виде!

Проводив взглядом Нериани и дождавшись скрипа запираемой двери, Анэйэ перевёл взгляд на Эррамуэ. Пара силичек приземлилась на кровлю над входом в библиотеку,

и мягкий свет их пёрышек позволил наследнику разглядеть усмешку на лице друга.

– Ну ладно, – сказал наследник, отступая назад. – Он прав, отец действительно должен скоро вернуться. Не надо больше заниматься всякой чушью, недостойной нашего положения.

Эррамуэ поднялся на ноги, лениво отряхнул бархатную мантию и свысока посмотрел на товарища. Анэйэ не отвёл взгляда.

– Мой брат боится встречи со своим отцом? – спросил риндо. По голосу его нельзя было чётко определить, какой ответ не вызвал бы насмешку на его лице. Прождав пару мгновений, Анэйэ отвернулся и, подняв руку, пошёл дальше вдоль кирпичной стены.

– Не дело моего недостойного брата задавать такие вопросы, – произнёс он, жмурясь от удовольствия. Эррамуэ покорно брёл следом за наследником. – Но я всё же отвечу. Скорое прибытие отца вызывает во мне некоторое волнение. Мы не виделись четыре года. Вряд ли он посчитает меня неподходящим и вряд ли останется недовольным моими успехами, я волнуюсь не о том.

– Об этом тоже следовало бы волноваться, – с уверенностью знатока вставил Эррамуэ. – Отцы больше всего обращают внимание именно на успехи и на то, подходишь ты им со своими достижениями или нет.

– Твой опыт роли не играет. Я, несомненно, не разочарую отца, представ перед ним со своими умениями. Я много чего

узнал с нашей последней встречи и многому научился. Наши наставники в основном все дураки, и ты это знаешь, – Эррамуэ хохотнул, Анэйэ тоже посмеялся. – Да, нечего на них злиться, стоит благодарить Луну хотя бы за то, что на Тёмных Небесах вообще есть наставники. Но лучше моего айэ не найти во всех трёх царствах. Большую часть того, чему отец научил моего айэ, я узнал за эти четыре года. Я доверяю айэ, поэтому уверен: всё пройдёт хорошо.

– Тогда чего же волноваться, ежели думаешь, что всё обойдётся?

– Не знаю, – проговорил Анэйэ и задумчиво тронул чёрную ветку голого куста, который тянулся своими когтями к нижним окнам чернокаменных палат. – Потому что давно не виделись. Потому что всё-таки он мой отец.

– И что это значит? – зевнул Эррамуэ.

– Это значит, что он лучший человек в мире, – сказал Анэйэ и обернулся, улыбнувшись следовавшему за ним мальчику. – Ладно, прекращай задавать глупые вопросы. Моя очередь. Угадай, куда мы идём?

– Куда тебе заблагорассудится, мой Тёмный брат.

Юный наследник фыркнул.

– Это понятно, а куда именно?

– Не стану отвечать, к чему мне играть в загадки?

– Ладно, – сдался Анэйэ. – Мы идём к твоему уродцу. Сегодня у меня хорошее настроение, и он услышит всё то, о чём я прочитал в книгах.

Он остановился, потому что его риндо задержался сзади.

– Благодарю моего царственного брата, – проговорил Эррамуэ спокойным и искренним голосом. – Хвала Тьме за щедрость моего повелителя. Пусть тысячи звёзд родятся в тот день, когда ты взойдёшь на престол.

Приятное чувство, с каким, вероятно, упивающийся собственным благородством владыка швыряет горсть монет в толпу нищих, захлестнуло Анэйэ с головой. Он слегка кивнул товарищу и сделал короткий знак рукой, призывая следовать дальше.

– В тот день, когда я взойду на престол, ты будешь стоять у подножия тронной лестницы и первый принесёшь мне присягу. А теперь меньше болтай и тщательнее придумывай оправдания, с которыми ты предстанешь перед своим отцом, если он обнаружит нас. Я знаю, что твоему отцу ты неинтересен двадцать девять дней из тридцати, однако нам нужно быть готовыми ко всему.

...

Авантюра с уродцем прошла успешно. Их не заметили – во дворце Дождя было много народу, Айери Лэйо вовсю готовился к прибытию своего повелителя и старался превратить этот процесс в мучение для всех своих подданных, уже не первый день организовывая какое-то беспорядочное движение вокруг и внутри своей резиденции. Эррамуэ окончательно усыпил бдительность отца, показавшись ему на гла-

за и приняв отведённую на тот день порцию равнодушных попрёков. Дальше дело продвигалось гладко. Анэйэ ждал у задних ворот, предназначенных для прислуги и расположенных ближе всего к роще Белосмерти, пока друг не откопал где-то своего младшего брата и не привёл к месту встречи.

Эррамуэ был сыном Айери Лэйо от его законной жены Юлани Рийленэ, дамы благородного происхождения с влиятельными родственниками, не последнее место занимавшими на счету у Тёмного повелителя. Уродец Эламоно был сыном Айери Лэйо от женщины, чьего имени не знал никто, включая самого Айери. Было бы не так всё плохо, будь эта женщина всего лишь низшей уррайо, которую имел возможность себе заполучить любой из знатных господ, того не стесняясь, – тогда бы их внебрачный сын мог рассчитывать на какое-то место у отцовского двора, даже унаследовать все полномочия в случае отсутствия других наследников мужского пола.

Но мать Эламоно была эвелламе.

Она попала в руки уррайо как трофей после схватки со Светлыми Небесами. Около десяти лет назад произошла эта кровавая битва, когда уррайо надоело терпеть своё положение, и они под предводительством Тёмного Повелителя разработали хитрый план, вынудив эвелламе сражаться на своей территории. Для Тьмы всё закончилось плохо... но одному из воинов уррайо удалось украсть у врагов молодую девушку, и она приглянулась Айери Лэйо. Девушка жила в плену

год. Родив сына, она умерла через три месяца от истощения – на Тёмных Небесах не райские просторы, иные благородные господа здесь едят реже, чем последние слуги на соседних облаках. Да-да, даже когда ты демон во плоти, пища тебе необходима, чтобы жить, и, вопреки некоторым заблуждениям, недостаточно высосать чью-то жизнь и испить воды из лужи тени, чтобы насытиться. И животных, и растений на Тёмных облаках обитает куда меньше, чем на Светлых. Неблагоприятный климат и положение рабыни стали причиной преждевременной смерти юной девушки.

Жизнь, которую пленная эвелламе успела произвести на тьму, была ущербной во многих смыслах. Мальчик пошёл в мать внешнею – его локоны были чисто-белыми, как благословение снежное. У почти поголовно черноволосых уррайю считается странным, если не позорным иметь волосы цветом светлее беззвёздной и безлунной ночи. Анэйэ сам немного стеснялся того, что был тёмно-русым, что уж там говорить про этого альбиноса. Айери Лэйю только посмеялся над своим отродьем, в выживании которого не был заинтересован нисколько, – места на Тёмных Небесах не так и много, чтобы ещё кормить уродца-полукровку. Мальчику оставили жизнь исключительно для того, чтобы он развлекал истинного наследника дворца, ведь отец этим заниматься не намеревался, а Юлани Рийленэ также скоропостижно скончалась от светлой хвори спустя несколько месяцев после рождения сына. Эррамуэ и Эламоно жили в одном дворце, но отноше-

ние к ним кардинально различалось, и мальчики очень скоро это заметили. Когда им исполнилось по десять лет, Эррамуэ стал риндо Анэйэ и всё больше времени проводил вне дома, обучаясь вместе с наследником Тёмных Небес, а Эламоно вовсе выселили во двор к слугам из низших уррайо. Но только братья по-прежнему были привязаны друг к другу, несмотря на разное положение в обществе, и Эррамуэ очень хотел, чтобы Эламоно так же, как и он, постигал науку и совершенствовал свои таланты по древним книгам и урокам айэ. Пусть статус внебрачного сына от светлой женщины не позволял маленькому полукровке наравне с другими господскими сыновьями обучаться искусствам уррайо, но старший брат на протяжении нескольких лет находил способы передавать полученные знания младшему, не подвергаясь брани со стороны отца, а Анэйэ часто помогал ему в этом, так же делясь вновь приобретёнными навыками и сведениями из прочитанных книг, и даже порой умудрялся находить в этом для себя удовольствие.

До самого Эламоно Анэйэ дела особого не было, уродец был молчалив и забит, как хромой шакал среди львов, почти никогда ничего не говорил. Но Эррамуэ питал к нему совершенно странную с точки зрения наследника привязанность. Ради друга можно было несколько раз в месяц и потратить час-другой на никому не сдавшегося полукровку.

Они позанимались в заброшенной беседке на задворках дворца, куда никто давно уже не ходил за неимением пово-

да и общей неприязнью уррайо к праздному времяпрепровождению вроде бессмысленного сидения на лавочке среди снегов и гирлянд из усыпавших карнизы синичек. Холодная тишь рощи Белосмерти не таила опасности, деревья скрывали мальчиков от чужих глаз. Анэйэ пересказал уродцу прочитанное сегодня в книге, тот сидел и вдумчиво слушал, а потом, сбивчиво поблагодарив, убежал вприпрыжку к дворцу, как будто опасаясь за свою жизнь.

– Отец считает, что мой кровный брат не заслуживает знать всего этого только потому, что родился от Светлой женщины, – отстранённо проговорил Эррамуэ. – Я надеюсь, когда-нибудь у Эламоно будет возможность показать себя и свои возможности так, чтобы ни у кого больше не возникало сомнений: он настоящий уррайо, как ты и я.

– Он никогда не будет настоящим, потому что его кровь не чиста, – заметил Анэйэ, опёршись щекой на ладонь и вырисовывая пальцем на снежке, припорошившим стол беседки, слово «Кошмар».

– Быть может, – согласился Эррамуэ. – Но в душе он такой же, как мы.

– В душе он ещё страннее, чем снаружи, – с уверенностью проговорил наследник. – Ни один уррако не стал бы вести себя так, как он. Так крадётся по стенкам, как будто вор. Сидит за столом, как будто его кто-то пнёт через миг.

– Ни с одним уррайо себя не вели так, как с ним, – голос Эррамуэ был холоден. – Не говори о том, о чём не знаешь и

чего не видел, мой царственный брат.

– А ты не отдавай мне приказы, мой недостойный брат, – ответил Анэйэ строго, но ни капли не обиделся. Он стёр «Кошмар» рукавом, выпрямился, бросил взгляд туда, где сидел Эррамуэ, и улыбнулся. – Что ж, время у нас ещё есть. Чем нам заняться, как считаешь?

– Быть может, вы займётесь изобретением оправданий? Почему вы среди ночи здесь, далеко за пределами дворца?

Мальчики синхронно вздрогнули. Человек, который задал вопрос, подкрался слишком близко и незаметно.

– Мы отдыхали, – напряжённо ответил Эррамуэ. На этот раз его голос звучал с неподдельной тревогой, без плохо сдерживаемого нахальства, как было в случае разговора с наставником Нериани.

– Отдыхали, м? Разве вы так сильно устали? Господин Эррамуэ, Вы отвечаете за себя или за вас обоих? – обладатель голоса подошёл ближе, хотя его по-прежнему не было видно – синицы разлетелись кто куда, оставив занесённую снежком беседку в полной темноте. – Вам, помнится, было оставлено задание. Вы уже освоили движение танцующей пантеры?

Слово «нет» не успело сорваться с языка Эррамуэ, – Анэйэ опередил его, произнеся тихо:

– Мой айэ, вины моего недостойного брата здесь нет. Я отвлек его от разучивания движений, позвал с собой на прогулку. Прошу, если ты чувствуешь недовольство, накажи меня.

Несмотря на то, что наследник не мог разглядеть во мраке ни дива, кроме очертаний белых стволов деревьев и кустов вокруг, он смог ощутить на своей шкуре, как от глаз невидимого собеседника в его сторону холодной змейкой скользнуло строгое осуждение.

– Не пристало наследнику повелителя принимать на себя вину слуги. Господин Эррамуэ сам ответит за себя. Итак, движение не выучено?

– Нет, – признался Эррамуэ.

– Хорошо, – голос айэ слегка понизился. – Что же.

Анэйэ сидел прямо, отчаянно хмурясь в попытке углядеть хотя бы силуэт говорившего. Сердце его слегка колотилось, как часто бывало при появлении этого человека. Мальчик отчётливо чувствовал, как снег тает на его горячих пальцах.

Через несколько мгновений проблема абсолютной непроницаемости темноты вокруг решилась сама собой.

Раздался резкий «щёлк», прошла секунда, послышался звон тонкого синичьего голосочка, а трепыхание блестящих крылышек очертило холодным светом контуры беседки, сугробов и деревьев. Синичка, смешно тряся хвостиком, покорно застыла на снегу, освещая пространство вокруг. Анэйэ, наконец-то получив возможность видеть происходящее, слегка расслабился. Он посмотрел в лицо айэ, который достал откуда-то эту маленькую звёздочку, и увидел лишь глаза – нижняя часть лица была замотана гладкими лоскутами ткани.

Айэ, старший из учеников в замке повелителя, движением быстрым и аккуратным, как укус, которым кошка ломает хребет мыши, извлёк из привязанных к левому бедру ножен длинный изогнутый меч-волнорез и, обхватив его обеими ладонями и подняв рукоять к голове, принял подвешенную стойку.

– К бою, господин Эррамуэ! – приказал он.

Анэйэ поглядел на друга – тот поднял брови и медленно встал из-за лавки.

– Я не выучил движение, айэ Алийерэ, – повторил он.

– Я это понял, – бесстрастно сказал айэ. – К бою.

Пожав плечами, Эррамуэ нерасторопно выбрался из беседки. Он протянул правую руку вниз и потрогал рукоять меча, будто раздумывая, брать ему или нет. Затем, не успело минуть и доли секунды, мальчик выхватил своё оружие – короткий булат, – а следующий его выпад одной серебряной волной покрыл расстояние от беседки до лица айэ. Противник его увернулся в последний момент – это произошло так резко, что Анэйэ не успел задержать дыхание. Эррамуэ слегка потерял равновесие и был вынужден податься назад. Волнорез айэ пригвоздил бы его руку к ближайшему дереву, не удержи старший ученик остриё клинка буквально за несколько усов от плеча мальчика.

Меч Эррамуэ, опоздав, звякнул сталью о сталь айэ, а в следующий миг булат полетел вон из рук своего обладателя.

– Освойте Вы пантеру, не оказались бы обезоружены, –

произнёс айэ спокойно. Все его движения, очерченные светом одинокой звезды, были безупречно изящны и смертоносно резки, как будто сам он был клинком из чёрной стали. – Понятно, господин Эррамуэ?

– Понятно, – прошептал мальчик, часто дыша.

– Отлично, – быстро склонившись к земле, старший ученик поднял меч младшего и бросил ему точно в руки. – Поражение – всегда позор, и Вы сами довели себя до этого позора. Осознаёте, господин Эррамуэ?

– Осознаю...

– Что же. Надеюсь, это осознание поможет Вам не допустить в следующий раз подобной ошибки, – меч айэ с тихим шорохом исчез в ножнах. Чёрный силуэт выпрямился, на единственном светлом пятне в его облике, верхней части бледного лица, тёмные глаза блеснули в свете звёзды двумя морозными свечами. – Господин Эррамуэ, отправляйтесь во дворец своего отца. Через час я буду в Вашей комнате для тренировок. Если к тому времени Вы не разучите как следует движение, на Вашей совести появится ещё одно позорное поражение...

«На совести Эррамуэ в любом случае будет это поражение, – подумал Анэйэ, вспоминая с восхищением, как легко был только что повержен его друг, – ведь с айэ Алийерэ не сравниться по мастерству никому на этих Небесах».

Пожав плечами, Эррамуэ тем не менее вежливо склонил голову и в очень скором времени исчез. Когда он прохо-

дил мимо Анэйэ, наследник почувствовал, что, несмотря на весьма непринуждённую походку, друг был сконфужен. Оставшись наедине со старшим учеником, Анэйэ слегка расслабился: он был уверен, что его не будут наказывать со всей суровостью.

– Ну а ты? – спросил айэ, подходя к беседке. Когда Эррамуэ ушёл, для него не было нужды выдерживать отстранённый образ и говорить с педантичностью угрюмого учителя. – Разве ты сделал всё то, что тебе задали?

– Почти, – признался Анэйэ. – Нериани говорил мне читать «Книгу Бесов первой эпохи» до Вечерних Теней, но я сделал вид, что понял его слова как: «Читай книгу, пока не закончатся Вечерние Тени». Но глава, до которой он мне задал, довольно близко к началу. Так что я успею быстро заучить всё нужное. Когда Нериани скажет тебе спросить с меня, я отвечу всё правильно.

– Ты слишком самоуверен, как всегда, – сказал айэ. Он сел на скамью в беседке напротив Анэйэ и принялся развязывать ленту из чёрной ткани, скрывавшую его лицо. – Отец скоро вернётся. Будь серьёзнее, айле Анэйэ.

Наследник усмехнулся, внимательно следя за всеми действиями собеседника. Когда айэ аккуратно снял повязку и, тяжело вдыхая свежий воздух, положил её на стол, синичьи перья мягко осветили красивое лицо молодой девушки с правильными чертами лица, резкой линией рта и острым подбородком. Её взгляд издалека казался суровым, вблизи –

задумчивым и даже опечаленным.

– Из глаз твоих смотрит ночь, айэ Алийерэ, – сказал Анэйэ, применив выражение из стихотворения о любви, которое он читал по приказу сказителя не так давно. – Так жаль, что ты вынуждена носить эту ленту на своём лице.

Услышав цитату из знакомого стихотворения, айэ Алийерэ приподняла бровь и слегка улыбнулась.

– Ты не хуже меня знаешь, что иначе нельзя, – она не только двигалась в бою подобно разящему клинку, исполняющему танец смерти, но и сидела тоже, как сидел бы облачённый в живую плоть меч – идеально ровно, с руками, скрещёнными у груди. Действительно, иначе было никак нельзя. Вид девушки в коротком айише старшего ученика – зрелище совершенно неприличное. Чтобы избегать неудобных вопросов и удивлённых взглядов, айэ Алийерэ приходилось всегда скрывать лицо за чёрной тканью и плотно обматывать грудь, которая с некоторых пор стала её выдавать. Когда она принимала эти меры предосторожности, то становилась неотличима от юноши, возможно, слишком узкоплечего и несколько мелковатого. Но и для девушки приёмная дочь правителя Тёмных Небес Нерайэ Уррэйва тоже была высокой, так что обычно никто не подозревал её, встречая впервые, разве что некоторые спрашивали, почему её лицо вечно сокрыто под лентой. На этот вопрос было проще ответить, чем на вопрос: «Почему повелитель позволил своей воспитаннице ходить в мужском одеянии и изучать мужские искусства?»

Никто не знал о тайне айэ Алийерэ, кроме Анэйэ, отца и старого хранителя Памяти. Нериани, признавая все её достоинства, за спиной пренебрежительно отзывались о ней, как о женщине, занятой не своим делом. Эррамуэ же ни о чём не подозревал, и приходилось вести себя с айэ, как с мужчиной, пока риндо был рядом.

Айэ Алийерэ заменила ему и отца, и мать в то время, как настоящий его отец был далеко, а настоящая мать – ещё дальше, в Нигде. Наследник Тьмы был благодарен приёмной сестре, как никому на этих Небесах.

– Иначе нельзя, – со вздохом проговорил он, опираясь щекой на ладонь. – Но, когда я займу престол, станет можно.

Айэ поглядела на него, думая о чём-то своём.

– Не рано ли говорить о престоле? – спросила она, помолчав. – Отец наш жив и здравствует, не стоит тебе даже в мечтах воображать те времена, когда его не будет с нами. Луна подарит нашему отцу и повелителю ещё долгие-долгие годы властвования. Луна проведёт его к... нашей цели.

– Да, конечно, – послушно отозвался Анэйэ. – Я ничего не имел в виду. Луна хранит отца, а он хранит её. И да сбудется наша славная цель в самом скором времени.

– Тьма с нами.

При мысли о «цели» наследник ощутил лёгкое смущение, как всегда.

Не из-за того, что он не верил в неё. Ему с детства о ней твердили так часто, что в возрасте двух лет, не в силах про-

изнести букву «р», он зато мог громко и чётко сказать: «Настанет по(р)а, когда у(рр)айо будут п(р)авить всем ми(р)ом!» Отец и сестра были одержимы этим тезисом, и оба они часто говорили: «Расти большим и сильным, юный повелитель Тьмы, не волнуйся ни о чём, а мы поставим мир перед тобой на колени». Для Анэйэ мысль о том, что, хотя сейчас Тёмное Небо переживает не лучшие времена, впереди его ждёт мировое господство, была привычной. Она не подвергалась ни малейшему сомнению в детской его голове. Повелитель Тьмы, покоритель Света, Камня, Огня и Воды, Анэйэ Уррэйва... Звучало красиво. Конечно, сперва будет править отец, но потом, рано или поздно, настанет его очередь. Он был готов долго ждать.

Анэйэ ждал и готовился всю свою жизнь. И для него уже наступил тот возраст, когда ребёнок, не отвергая старых истин, впитанных с молоком, уже начинает задавать им вопросы. Только Анэйэ своих вопросов не задавал вслух, потому что таким уж человеком родился.

Отец ушёл четыре года назад. Алийерэ говорила: «Он ушёл, чтобы возвести постамент для памятника наших завоеваний». «А почему нам приходится возводить постаменты и завоёвывать, в то время как эвелламе Создатель не обделил ни властью, ни уважением?» – думал Анэйэ, ничего не говоря.

На Тёмных Небесах низшие уррайо каждый год на исходе лета собирали мех кудровенов и приносили его в жертву ма-

тери-Луне, чтобы следующий год был темнее и удачнее. Но всё, что давала им мать, – новые и новые звёзды... «Почему?» – думал Анэйэ, с улыбкой рассматривая полуразваленные поместья на проплывающих мимо облаках, под стенами которых шныряли вечно голодные люди в изорванной одежде и с худыми, как палки, руками. Он знал, что величие его родины давно истлело. И страна его несчастна – несчастны и бедняки, и знать.

«Когда отец станет правителем всего мира, ты будешь его верховным полководцем, а твои доспехи, твой меч и ошейник твоего льва будут самыми роскошными на Небесах и в Поднебесье», – с такими словами Алийерэ покидала его ранним утром, провожая ко сну. «Десять лет ты говоришь мне это, – думал Анэйэ, – но у меня нет ни ошейника, ни льва».

Он не сомневался в айэ Алийерэ, в отце и в Цели, просто удивлялся, почему судьба обошлась с ними так несправедливо.

Вот бы поговорить с Создателем и задать ему все эти вопросы!

– Он должен вернуться сегодня утром или завтра вечером, – сказала айэ Алийерэ, глядя в глаза Анэйэ. – Скорее второе. Как встретишь его?

– С почтением, – ответил Анэйэ. – Расскажу ему обо всём, что узнал от тебя. Попрошу его возвести тебя в ранг наставника всех предметов вместо Нериани, Эмено и остальных мерзавцев.

Айэ Алийерэ улыбнулась, но произнесла строго:

– Побольше почтения к достопочтенным господам, обучающим тебя, айле Анэйэ. Что же. Надеюсь, ты не ударишь в грязь лицом. Впрочем... – когда она заговорила спустя небольшую паузу, на душе Анэйэ стало тяжело, – ... что ты ему скажешь о том случае с дверью?

– Я ничего ему не скажу, – тихо сказал наследник. Сердце его слегка сдавило от прилива вязкого страха, он сжал руками комок снега так, что тот растаял за несколько мгновений.

– Обманешь отца?

– Не обману. Просто не скажу.

Айэ Алийерэ не стала его осуждать, только произнесла негромко:

– Как хочешь. Я не стану сама ему говорить. Веришь мне? Если не хочешь, чтобы он знал, то и я ничего не скажу.

– Верю, – искренне проговорил Анэйэ. – Не говори ему. Пожалуйста. И никому.

Случай с дверью был... воистину самым кошмарным за всю его жизнь. И он предпочитал о нём не вспоминать.

– А что до твоих успехов в изучении истории? – подняла айэ Алийерэ менее щекотливую тему. Холодный свет резко очерчивал её тонкие черты лица, превращая глаза в чёрные провалы. – И твои глупые вопросы, которыми ты успел замучить всех наставников?

Анэйэ широко улыбнулся.

– Не я их мучаю, а они меня. Они не дают ответов на мои

вопросы, хотя в том и суть наставника – отвечать, когда спрашивают. А моя задача – искать ответы. Вот ты, айэ Алийерэ, ты-то всегда отвечаешь на все мои вопросы.

– Да? – чёрные губы старшей ученицы слабо изогнулись в подобии улыбки. – По-моему, мне достаточно часто приходится напоминать тебе, что ты слишком увлекаешься в своих поисках истины, которой, быть может, и вовсе не существует.

– И всё же ты меня одёргиваешь, желая мне добра, а наставники – потому что они не соображают ничего и по природе своей гнусные создания, – Анэйэ вспомнил про Эррамуэ и ещё шире улыбнулся. – Спрашивай построже с Эррамуэ, когда придёт время. Он меня сегодня разозлил.

– Разозлил? – подняла брови айэ Алийерэ. – Чем же он посмел тебя разозлить?

– Я для него делал сегодня кое-что. Меня это утомило.

Вообще-то это был жест доброй воли Анэйэ, – ведь он сам предложил другу помощь для Эламоно. Однако потом Эррамуэ слишком резко отвечал своему господину. «Не говори о том, о чём не знаешь и чего не видел, мой царственный брат», – сказал он, и это не были речи риндо. Анэйэ успел пожалеть о том, что сначала попытался заступиться за друга перед айэ. Наверное, Эррамуэ снова забыл, что, пусть он и старше Анэйэ, однако не его отец – Властелин Небес. Пусть отдувается за надменность перед Алийерэ. Подумав о своём сокрытом возмездии, Анэйэ почувствовал себя хорошо.

– А об отце не волнуйся, милая айэ, – спокойно и важно сказал мальчик. – Я готов произвести на него впечатление.

Его клонило в сон – от внутреннего волнения, скрываемого так тщательно, как не каждая девица скрывает от подруг имя избранника. Он лёг спать рано, ещё когда ночь царила в Небесах, и во сне сражался с Создателем и побеждал.

Глава 2. Речная Твердь. В терем, затерянный среди сосен, ходит кошмар

Жизнь невероятно тяжела, когда никто из взрослых не желает тебя понимать.

Отец, всегда в добром расположении духа, всегда улыбающийся, всегда готовый помочь с тренировкой и в разборках с младшей сестрой, стоило признаться ему, сказать правду – начал смеяться, тряся объёмным животом под суконной домашней рубахой, и с отвратительной насмешкой, не по-отцовски, приговаривать: «Когда это мой мальчик успел заделаться в сказители? В княжеском замке ты бы обязательно пригодился со своим мастерством сплетать небылицы! Разве небопочитатели не к нам заходят утречком на каждое полнолуние, ограждая дом как раз от таких гостей?»

О матери и говорить нечего. Стейя Ринетта, отстранённая, прохладная и надменная, как звёздный купол, никогда особо и не интересовалась делами сына. Ей он даже не пробовал рассказать. Отцу пытался довериться – но отец сам первый спрашивал: «Почему у моего мальчика такие гигантские чёрные омуты под глазами? Всю ночь чертей ловил сачками?» А потом смеялся, не верил. Если уж отец не мог ему поверить, то мать не стала бы даже выслушивать до конца.

Младшая сестрица Ольтена была неутомимой пятилетней. То время, что она не проводила в глупых играх с дочерьми богатых вельмож округи, Ольтена отдавала лишь одному занятию: порче братовой жизни. Он был бы не прочь поболтать с ней по душам, вот только она на это вряд ли была способна. Если Ольтена сидела больше пяти минут, не разорвав ни одной книги и не испоганив ни одного платья (платьев у неё было много и все, несомненно, высшего качества), ей становилось очень плохо, и она торопилась удовлетворить свои естественные потребности.

Иными словами, он был одинок в своём горе, и не было ни одной души на свете, способной принять его и утешить – или хотя бы желающей.

Обо всём этом думал, ковыряя серебряной вилкой недоёденную оленинку, Сарер от роду стайе Алвемандских, сын и наследник владык Соснового Края, будущий правитель одного из трёх великих Речных стайений, а также просто угрюмый десятилетка в богатом кафтане.

Обыкновенно вся семья ела вместе и в неформальной обстановке. Но сегодня на вечер у отца был запланирован пир со зваными гостями – дворянами и богатыми купцами Края. Так что Неист Алвемандский с утра был очень занят – подготовкой, вероятно, – домой заявляясь только по делу. Стейя Ринетта с дочерью Ольтенной обедали у себя в женском теремке, а Сареру пришлось есть в одиночестве. Ну да он был и рад. Присутствия рядом с собой тех, с кем непременно при-

шлось бы взаимодействовать так или иначе, он бы сейчас не вынес.

– Шестайе желает чего-то ещё? – учтиво спросил, просунув голову в дверной проём, Мирлас, слуга и наставник Сарера. Всем взрослым мальчикам из благородных семей полагается иметь такого шута, который делает вид, будто очень нужен и полезен, а по факту не делает вообще ничего.

– Нет, не желает. Будьте так добры, прекратите называть меня «шестайе», – сказал Сарер, бросив на Мирласа косою взгляд. Если бы здесь была мать, она бы, качнув обручами на длинной тонкой руке, произнесла раздражённо: «Ты опять огрызаешься».

«Да, огрызаюсь, – со злобой подумал Сарер. – И ничего этот идиот мне не сделает».

Физиономия наставника с отвратительно узким взглядом маленьких глазок расплылась в улыбке.

– Извиняюсь, если чем-то не угодил шестайе. Просто Вы изволили говорить столь капризным тоном, когда среди бела дня не более часа назад приказали одеть вас в парадный костюм. Ваш покорный слуга не смог Вам угодить, даже не заслужил благодарных слов в свою сторону. Теперь же я из опаски расстроить шестайе решил уточнить, не надобно ли Вам чего ещё...

– Я же сказал: хватит меня так называть! – перебил Мирласа Сарер, сжав вилку в ладони, и отвернул голову от двери. Но он даже спиной почувствовал, как дурацкая улыбка

наставника стала ещё шире.

– Как Вам будет угодно. Вы желаете, чтобы я обращался к Вам, как к князю Рек и Морей? Или к царю Камней и Гор?

– Уходи и дай поесть, – Сарер с силой вонзил вилку в бурое мясо. Наслаждаясь тем, что успешно вывел из себя юного своего господина, Мирлас помолчал несколько мгновений, а потом сказал напоследок:

– Как Вам будет угодно, ваше Небесное сиятельство.

И исполнил приказ, судя по удаляющемуся старческому шарканью и скрипу затворившейся двери.

Сарер с трудом оторвал взгляд от тарелки и посмотрел на окно. Злоба, вскипевшая в нём, медленно остывала. Слишком медленно.

За окном неторопливо спускалось к земле плавными умиротворёнными движениями благословение Небесное – снежок.

Отвлекая себя от обиды на Мирласа и весь мир, Сарер около пяти минут наблюдал за тем, как белоснежные точки липнут к стеклу и тают. В углу комнаты трещали поленья. Очаг дымил вовсю несмотря на то, что был день. Деревянные стены поскрипывали вокруг, с опаской глядя на заключённый в каменную ловушку костёр, как будто боялись того, что огонь может перекинуться на них. Дух просмоленной сосны наполнял всё в комнате, даже пищу. Запах смоляка почитался за чудесное благовоние в Крае Сосновом, так что им дышали все очаги знатных господ на много вёрст кругом.

День этот был отвратителен. Но, о Небеса, лишь бы он длился как можно дольше.

Крепко держась за ворот своего богато расшитого кафтанчика, как утопающий держится за соломинку, Сарер встал из-за стола и оставил оленину недоеденной. Мысль о том, что скоро минует полдень, заставила его почувствовать прилив тошноты. Страх, какой чувствует загнанное в угол животное, не первую уже минуту осознающее, что счастливого исхода не будет, – такой страх качнул в нём распростёртыми чёрными крылами. Сарер никогда не умел как следует бороться с этим отвратительным чувством беспомощности. Он потербил себя за воротник, глядя на стол. Вид недоеденного блюда привёл его в уныние, страх превратил уныние в серую тоску. Ещё раз посмотрев на окно, Сарер обнаружил, что белые мотыльки-снежинки слегка ускорили свой танец.

На улице не было тихо – кричали дворовые ребяташки, лаяли псы, женский голос тянул верхние ноты распевной народной мелодии. Но из окна ничего этого не было видно, только снежинки кружились на фоне чёрных сосен, и потому казалось, что всё это веселье, песни и игры, и лай собак, и жизнь – всё это где-то очень далеко. Здесь, в пропахшем деревом, смолой и дымом Алвемандском теремке, кроме Сарера, будто и не было никого.

Никого...

Нет, пошла высоко в Небеса эта оленина, оставаться больше тут нельзя. Он отлично знал, что произойдёт, если долго

находиться в одной и той же комнате. Да, был день, снежный пасмурный день в глухой сосновой чаще – но день, это самое главное. Днём ничего с ним не случится... И всё же, всё же рисковать не стоит. Надо срочно куда-то пойти – желательно, чтобы с кем-то пересечься. Говорить с людьми ой как не хочется, но достаточно просто увидеть хоть кого-то, даже этого бездельника Мирласа.

Развернувшись, Сарер быстрыми шагами подошёл к тёмной деревянной двери, украшенной резными рисунками каких-то птиц и растений. Когда он отворил дверь и уже почти вышел в коридор, в спину ему беззвучно ухнуло чьё-то ледяное дыхание – вдоль хребта пробежали мурашки, затылок онемел на мгновение. Он резко захлопнул за собой дверь с такой силой, что она скрипнула высоким голосом, жалуюсь на плохое обращение. Внезапный холодок этот, исчезнувший так же резко, как и появился, дал знать Сареру, что он действительно долго засиделся за той олениной. Если бы сейчас была ночь... вместо холодка бы пришло кое-что другое.

Сарер шёл к женской половине терема. Он шагал, высоко задрав голову и широко переставляя ноги, как маленький солдатик на выступлении. Наверное, очень много шумел. За недлинным коридором начиналась зала – самое большое помещение на втором этаже, хотя из-за деревянных бревчатых стен и декора в виде длинноногих столиков с лубяными фигурками животных комната эта будто уменьшалась

вдвое и выглядела не как часть резиденции знатного стайе, а как внутренность теремка из волшебной сказки. В эту же залу снизу вела витая лестница, перила которой были украшены оскаленными рысьими головами. Пролетая мимо лестницы, Сарер мельком посмотрел вниз и встретился взглядом с поднимающимся Мирласом, в руках у которого была стопка книг.

– Шестайе намеревается потревожить свою маменьку? – протянул наставник с таким лицом, как будто застиг мальчика за свершением какого-то преступления.

Сарер не ответил ему. Книги в руках означали то, что сейчас у старого прохвоста настроение надоедать с наукой и чтением. Не желая портить день очередным лишним разговором ещё больше, Сарер бесстрастно продолжил свой путь к женской половине. Обитель стайе Алвемандских была достаточно скромной по размерам относительно дворца Тширекских стайе из Дубравы или, о Небеса, Святуманского замка Йотенсу, и народу здесь водилось в разы меньше, как и всяческих непреложных правил. Ходить на женскую половину не возбранялось, тем более, если хотелось навестить сестру.

Удача оставила Сарера. Шёл-то он к сестре, но из трапезной навстречу ему шагнула изящная высокая тень, звякнув при появлении серебряными обручами на белых тонких заплатах.

– Сарер? – слегка удивлённо спросила мать. – Что ты тут делаешь? Разве ты не должен был уже давно заниматься с

наставником в библиотеке?

– Матушка, я как раз закончил завтракать и собирался...

– Не ври мне, Сарер. Невозможно так долго завтракать. На дворе уже день. Почему ты всё ещё не с наставником над книгами?

– Я хотел зайти к...

– Твоей сестре? Ольтена занята, я дала ей работу. Она уже давно делает дело, а ты почему всё ещё прохлаждаешься, Сарер? Думаешь, книги сами себя прочтут? – когда стейя Ринетта отчитывала сына, её глаза оставались бесстрастными и холодными. С такими глазами она могла бы делать выговор крестьянскому мальчишке. – Если ты считаешь, что твои уловки помогут тебе избежать занятий, ты жестоко ошибаешься.

– Да, матушка, – процедил Сарер сквозь зубы. – Я не стану избегать занятий и уклоняться от выполнения своих обязанностей. Просто хочу зайти к Ольтене. Ненадолго. На пару минут.

– Хорошо же, – произнесла стейя Ринетта. – Зайди к ней. Просто помни, что если ты будешь отвлекать её, если я загляну к ней через час и обнаружу, что задание, которое я ей поручила, не выполнено, то наказан будешь ты.

«Потому что я старше, – хмуро подумал про себя Сарер. – Справедливее некуда».

– Да, матушка, – повторил он, не опуская взгляда, стараясь только, чтобы по выражению его глаз мать поняла, как

глубоко он не согласен с ней. Может, стейя Ринетта и углядела в сыновьем взоре тихий бунт, но только виду не подавала. Обручи её брякнули друг о друга, когда она движением, исполненным одновременно изящества и непреклонности, развернулась и двинулась в сторону главной залы с лестницей – поплыла шёлковой синей тенью. Так как зима выдалась морозная, рукава и полы её тонкого платья были утеплены меховыми подкладками, но в той лишь мере, чтобы не забирать у походки и осанки благородной стейи женственной лёгкости... Иными словами, в женском зимнем платье было потёмному холодно, и оттого, вероятно, большую часть времени, что Ринетта Алвемандская проводила в обществе (не в опочивальне мужа), она была раздражена и всем недовольна.

– Госпожа, – послышался подобострастный голос Мирласа, а его фигура появилась в другом конце коридора. Догадавшись, что сейчас на его поведение будут жаловаться, Сарер быстро скользнул в комнату сестры, благо она находилась прямо у трапезной.

Здесь, как всегда, пахло ольхой, сандалом и шафраном.

– Брат! – воскликнула Ольтена, произнося звук «р» как нечто среднее между журчанием ручейка среди камней и рыком рысёнка. Когда Сарер отворил дверь в её комнату, девочка сидела на маленьком стулике перед не по размеру гигантским мольбертом и с увлечением разглядывала свои извазюканные в жёлтом и красном пальцы. Увидев же, что за гость к ней пожаловал, она тут же вскочила с места и по-

семенила к нему навстречу. Пышные крылья светло-розового платья пестрили жёлтыми шафрановыми пятнами. Через несколько мгновений Ольтена наступила на подол собственного одеяния и непременно рухнула бы носом об пол, окончательно потеряв вид юной стейи, но Сарер вовремя успел подхватить её за ручки. Девочка рассмеялась, самозабвенно размазывая по рукавам брата жёлтых маслянистых червяков.

– Что ты тут за конец Света устроила? – серьёзно спросил Сарер, отбиваясь от попыток сестрёнки покрасить его щёки в шафран. Он покачал головой, глядя на пёстрые пятна на однотонном плетёном ковре, на приодевшиеся в рыже-алые цвета Льеффи ножки мольберта. – Святое Небо. Что тебе сказала делать мама?

Ольтена захихикала, игриво склонив головку и гордо указав пальцем на кривые сандаловые закорючки, украшавшие белую ленточку, повязанную вокруг её пояса.

– Ну тебе и влетит, – пробормотал Сарер. – Ольтена, ты как будто специально это делаешь – неприятности ищешь.

– Я беру дурной пример! – закивала сестра с важным видом и опять схватила его за рукав. – С тебя!

Вывернувшись, Сарер сел на колени и попытался оттереть краски с ковра – ничего не вышло.

– Ты юная стейя, тебе нельзя брать с меня пример. Разве так ведут себя юные стейи, Ольтена? Посмотри, что ты тут натворила. Ты же никогда не видела, чтобы мама так раз-

брасывала свои краски? – Сарер почувствовал, что головная боль, которую он сейчас испытал, несколько породнила его с недовольным взрослым, уставшим от своих чад смертельно. – Что ты должна была сделать? Какое у тебя задание от мамы?

– Пе-и-зазь, – поведала Ольтена. – Пеизазь! Хи-хи-хи!

– Небеса, даже я знаю, что пейзаж – это не то же самое, что оранжевое пятно, – закатил глаза Сарер. – Что ж, как бы ни ругались родители, это не моё дело, что ты вечно что-то делаешь не так.

Отчитав сестру, он ощутил некоторое облегчение, после чего на душе стало ясней.

– Так, – начал он, повернувшись. – У меня к тебе есть серьёзное дело, за этим я и пришёл. Слышишь? Серьёзное дело.

Ольтена подняла на него свои огромные голубые глаза – очень умные, внимательные. Жаль, что глаза вовсе не зеркало личности, как бы об этом ни вещали менестрели.

– Слышу, – подтвердила она, улыбаясь.

– Сегодня вечером у нас будет полным-полно гостей. Знаешь об этом? Много чужих людей.

– Мама говорила!

– Отлично. И мы тоже там будем, тоже будем сидеть среди чужих людей и есть еду в большом зале. Здорово?

– Да-да-да!

– Но нас, как младших, незадолго до часа Лёгкого Сна по-

гонят в постели. И тебя, и меня. Но мне не хочется уходить с такого весёлого пира, чтобы спать в своей скучной комнате. Поэтому мы с тобой отойдём в сторонку, к скамье, и я лягу на эту скамью и буду спать прямо там. А ты помоги мне, подыграй. Ложись рядышком. А если взрослые будут подходить и спрашивать у тебя – что, мол, вы делаете с братом – ты отвечай: «У Сарера болит голова, он просил не беспокоить». Понимаешь?

Тяжкий мыслительный процесс отразился на ясноглазом личике пятилетней девочки.

– Спать всегда скучно. Зачем вообще спать, даже на пире? – начала она с самого существенного вопроса. – Мы можем придумать что-то другое, допустим, убежать на конюшню.

– Так нас будут искать. А если ляжем спать прямо в зале, то, авось, и доставать не станут. Подумают: «Ай, всё равно дети спят, как и должны, ну и какая разница, где?» И дальше пойдут пировать. А мы будем лежать и одним глазком смотреть.

– Не хочу лежать и глазком смотреть. Так скучно, – возмутилась Ольтена. – Сам хочешь, вот сам и лежи, а я буду ходить.

– Ты, главное, повторяй всем, что у брата голова болит и его не беспокойте, слышишь?

– Да. Скажу всем: «У брата голова болит, не беспокойте».

– Умница! – Сарер похлопал сестру по макушке, сбив на-

бок одну из спилек в её куцей причёске, однако решил, что волноваться по этому поводу нечего – образ её безнадежно был испорчен злополучным шафраном. – Спасибо. Надеюсь на тебя.

Ольтена ещё покивала, потом предложила брату посмотреть, как она умеет делать змеек из сандаловых палочек. Но тогда дверь внезапно открылась, за порог ступила Ринетта Алвемандская, сзади неё усмехнулся наставник Мирлас, и ростки веселья были нещадно придушены.

Впрочем, угрюмая тревога слегка отступила от души мальчика. Если всё пройдет, как надо, возможно, на одну ночь он будет спасён.

...

Стукнул час Прощания, когда от количества народу, набившегося в небольшой теремок на лесной опушке, у Сарера разболелась голова.

Вплоть до этого времени Мирлас с упоением прирождённого палача измывался над разумом мальчика, заставляя его рассказывать наизусть старинные алвемандские былины трёхсотлетней давности. Язык сказителя – Маронарто из Края Соснового – был заковырист и труден для понимания не то что десятилетнему ребёнку, да и, кажется, самому наставнику. Старик Мирлас с таким торжественным пафосом читал Былину о Падении, в которой повествовалось об облачном льве, опалившем свои крылья о солнце и сва-

лившемся на Твердь, что Сарер, сам едва угадывавший сюжет между хитросплетений сложных предложений и бесконечных авторских отступлений, начинал сомневаться, а понимает ли его наставник вообще хоть слово. Вряд ли, решил он в конце концов, когда Мирлас завершил показательное чтение былины, произнеся последние строки: «По крыльям его обожжённым / один лишь огонь песни горькие пел» с таким довольным взглядом, будто ещё мгновение – и невидимые зрители рукоплесканиями и восхищёнными воплями вознесут к Небесам его талант к растягиванию гласных и бестолковой детской восторженности. «Глупец, – думал Сарер с чувством собственного превосходства. – Понятно, что эту былинку надо было читать по-другому совсем, без гадостной возвышенности, ведь и лев потому упал на Твердь, что был преисполнен чувства собственного величия!» Увы, переносить мораль произведения на реальный мир никто и не собирался, и Мирлас заставлял юного своего воспитанника читать по памяти эту скучную длиннющую былинку до тех пор, пока у мальчика не вышло хотя бы на одну десятую часть приблизиться к идеалу пафоса и внушительности речи, какой в себе видел противный старик.

После Падения Сарер учил Сказание о Царствовании, в котором всё было совсем скучно, кроме одной весёлой сцены, где медведь заломал старого деда. Сарер чувствовал, как его разум потихоньку тухнет, заучивая нескончаемые строки, не объединённые ни рифмой, ни даже ритмом. Чтение

с пафосом всё не удавалось ему, и Мирлас был недоволен, но мальчик старался больше думать о грядущем пире и медаведях, чем о наставнике и его придирках. В конце концов ему удалось довести старика до белого каления своей неспособностью запомнить две последние строфы, Мирлас с чувством выполненного долга накарябал пером на ученическом пергаменте жалобу для родителей Сарера и ушёл отдыхать от непомерно тяжких обязанностей в соседнюю комнату – маленькую свою каморку с печуркой и куцей стопкой древних книг на полу высотой по колено. Не прощаясь с наставником, Сарер вышел из библиотеки, держа руки за спиной так, чтобы шафрановые жёлтые пятна были в тени и казались всего лишь узорами на кафтане. И ему тут же захотелось вернуться обратно к книгам – вокруг было слишком, слишком много народу...

Вся Твердь земная разделена на три части, названные по именам трёх стихий – Огня, Камня и Воды. Великое Речное княжество, самое крупное на Тверди, состоит из трёх областей, каждой из которых правит знатный род. Несмотря на то, что земель больше у Реки, Льеффи и Кирина – Огненным и Каменным князьям – подчиняется большее количество мелких вассалов. У Речных правителей Йотенсу младших князей, называемых стайе, только двое – Тширекский на востоке и Алвемандский на западе. Хотя земля Алвемандов – Край Сосновый – меньше Тширеки, а родовое их гнездо – весьма скромных размеров теремок, затерянный в глу-

хом бору, предки Сарера и ныне, и двести, и триста лет назад считались крупнейшими богачами всех срединных земель, да и всей Тверди земной. Сейчас дело малость изменилось, но виной тому была лишь череда досадных случайностей, попортившая отношения между Алвемандскими стайе и Йотенсу – Верховными князьями Реки. Прадед Сарера, Инсе Алвемандский, пользуясь тяжёлым временем, наступившим тогда для Тверди, предпринял попытку захватить Речной престол. Он считал, что его богатство даёт ему право претендовать на звание Хранителя сердца стихии. Инсе дорогого поплатился за свою ошибку, а князья Алвемандские с тех пор не были в почёте у своих собратьев: за ними закрепился образ надменных аристократов, решающих все проблемы с помощью денежного положения своего рода. Неист Алвемандский, отец Сарера, даже потерял место в Речном соборе, потому что нынешний Речной князь заподозрил его в сбывании денег на оружие в южные города, к вечно ищущим повода для войны Огненным стайе. Наверяд ли отец, которого Сарер знал как человека порядочного и неспособного на низость, занимался чем-то подобным, однако с некоторых пор Алвемандские князья превратились в козлов отпущения, на которых неизбежно рушились шишки во всех затруднительных ситуациях, и с этим трудно было что-то сделать.

Несмотря на не лучшее положение в чужих глазах, стайе Края Соснового по-прежнему сохраняли за собой звание богачейшего рода Тверди, ну разве что после Кирины. По одно-

му весьма правдоподобному преданию богатству своему они были обязаны своему необычному происхождению. Мол, основателем рода Алвемандов был настоящий эвелламе!

Впрочем, сейчас мысли Сарера были очень далеко от преданий и былин, потому что вид переполненного людьми родного теремка будто выбил у него Твердь из-под ног. Стайе Алвемандский Неист был большим почитателем традиций, и сегодня, в первый день Бесовской луны, пригласил на отпечение сомнительного этого праздника всех тех, с кем был знаком хоть краем глаза. Митрес Йотенсу, Верховный князь Реки, вежливо отказался от приглашения, сославшись на недомогание и приписав под текстом отказа: «Вы же простите старика, дражайший мой друг, ибо годы берут своё неумолимо». Отец со смехом зачитывал это письмо пару дней назад на совместном ужине. Стайе Тширекский же был здесь, множество мелких удельных землевладельцев – тоже, вельможи из Святумана и Алвеманда, посадники из отдалённых городов на границах с Каменным царством, со многими – жёны и старшие дети. Несколько богато разодетых мужчин с длинными бородами стояли совсем близко к двери в учебную комнату. Сареру показалось, что, занимаясь с Мирласом, он уже слышал их голоса.

– Я спрашиваю у стайе Неиста: «Зачем Вы, всемилостивейший, забрались в эдакую даль, в эту чашу, ха-ха, нравится жить в компании волков и рысей? Моя дочка верещала не своим голосом всю дорогу, боялась, родная, что из чащи

какой медведь на нас вылезет, кони беспокойные были, снега скрипят под каретой, жуть да и только!» А он мне отвечает, брат Энрит: «Всё, брат, потому, что во стольном граде жития мне не дают». Сигнали, мол, его сюда, он и высунуть носа боится, чтобы Митрес Йотенсу не откусил. Слышал такое? Как тебе в это верится? – говорил толстый мужик с простоватым выражением лица – видно, совсем недавно выбившийся в люди и ещё не научившийся говорить то, что нужно.

– Ты бы в корни внимательнее смотрел, брат Хэтес, – отвечал ему степенно святоша-небопочитатель, обмахиваясь веером из длинных павлиньих перьев. – И не совал бы нос в дела княжеские. Снизу, как говорят у нас, и облака выглядят белым пухом. Всё не так просто, как нам с тобой кажется. Уж я-то знаю, брат, не первый год благословляю своры именем Небес... Разобраться во всех перипетиях заговоров, иллюзорных ссор и миров, которые они там плетут меж собой, ни тебе, ни мне не дано, и даже оглядываться туда не нужно. С какой мыслью прибыл сюда? – алвемандского купца получить? – вот тем и занимайся, а к ним не лезь, и вопросов лишних не задавай.

Собеседник святоши, «брат Хэтес», похожий на горбатого медведя, помотал огромной своей башкой, украшенной курчавой каштановой бородой. Сарер, держа руки за спиной, в этот момент постарался пройти мимо них незамеченным, но не вышло.

– Вы же юный шестайе Алвемандский? – лишь с тенью

подобострастия спросил небопочитатель, к которому собеседник обращался «брат Энрит». Сарер оглянулся и склонил голову в ответ на поклон взрослого мужчины.

– Так и есть, – проговорил он. – Я Сарер, сын стайе Неиста. С кем имею честь говорить, милостивые господа?

– Какие изящные манеры! – проревел брат Хэтес с восхищением. – Право же, даже дети здесь столь учтивы!

Брат Энрит улыбнулся. Видимо, он принадлежал к гильдии верховных жрецов, потому что через плечо его была перекинута широкая белая лента с голубыми краями – символ главы одной из церквей Неба и Тверди.

– Можете обращаться ко мне «брат Энрит», мой господин. Мой друг – Хэтес Эсо, один из зажиточных купцов Огнестепья. Приношу свои извинения, юный господин, Вы не подскажете нам, когда Ваш отец может быть свободен?

– Я не виделся с ним сегодня, у меня только что закончились занятия, – ответил Сарер. – Но Вы можете его поискать у главного входа, наверное, он встречает там гостей и с радостью разрешит любую Вашу проблему. Странно, что Вы не встретились с ним, когда прибыли в нашу резиденцию.

Ещё несколько знатных господ с жёнами прошли мимо них, Сарер поздоровался с каждым. Дождавшись удобного момента, брат Энрит вновь задал вопрос:

– Приношу извинения, мой юный господин, но как Вы думаете, отец Ваш поддерживает мнение о том, что купечество в Крае Сосновом приходит в упадок из-за того, что Митрес

Йотенсу не позволяет беспощадно торговать с югом?

– Не знаю, – слегка растерявшись, честно отвечал Сарер. И чего они это спрашивают именно у него? Как будто отец станет делиться взрослыми делами с маленьким сыном.

Хэтес Эсо, видимо, был одного мнения с мальчиком.

– Благодарю покорно, брат Энрит, но зачем ты пристаёшь с этим к ребёнку? – возмущённо спросил он, хватая небопочитателя за рукав с таким рвением, что бело-голубая повязка жреца слегка слезла к плечу. – Давай-ка поищем ещё кого, как будто тут недостаточно советчиков!

Брат Энрит посмотрел на товарища взглядом, в котором читалось: «Я знаю, что делаю, дурачина», но Сарер успел воспользоваться заминкой, ещё раз склонившись и проговорив громко:

– Приношу свои извинения, благородные господа, но думаю, мне пора идти.

– Конечно-конечно! – замахал на него рукой Хэтес Эсо, а брат Энрит, скрипнув зубами, лишь кивнул головой.

Сарер уже почти развернулся, когда в голову его пришла странная мысль. За одно мгновение он успел откинуть её прочь, как совершенно дурацкую, и тут же схватиться за неё опять в отчаянном рывке.

– Господин жрец, – торопливо заговорил он, глядя в глаза брату Энриту, – с Вами, должно быть, разговаривают Небеса?

...

В главной зале на первом этаже было ещё шумнее. Полсотни человек – цифра, возможно, не очень большая, но для некрупного теремка вовсе разрушительная. Старик из ближайшей деревеньки сидел в тёмном уголке у лестницы с гуслиями в руках и брынькал мелодию весёлую, но совершенно не подходящую для благородного инструмента. Служанки, все как на подбор большегрудые и стройные, порхали от одного края длинного стола к другому с винными чашами и серебряными подносами в руках. Гости пили, ели, говорили и смеялись, и громче всех смеялся Неист Алвемандский, чью тучность не могли прикрыть длинные полы расшитого бирюзовыми и золотыми птицами и цветами платья. Бирюзовый, золотой и коричневый – цвета Края Соснового, украшали и винные ставы, и мягкие высокие спинки стульев, и стол, который, казалось, от обилия яств всех сортов был готов подогнуть колени изогнутых деревянных ножек.

– Моему брату очень плохо! – говорила Ольтена Алвемандская, схватив за широкий рукав жену какого-то мелкого дворянина. Та вымученно улыбалась, стараясь не пролить вино из кубка. – У него болит голова!

– Ах, мне так жаль, мне так жаль... – бормотала бедная женщина.

– Как у нашего двора старый пёс колол дрова! – завывал старичок из своего угла. Гусли заливались плачем под его неаккуратными пальцами, мелодия вздымалась выше и вы-

ше, как готовящаяся выскользнуть за берег речная волна, смех заглушал музыку, и оттого инструмент звучал всё надрывнее с каждой минутой.

Стейя Ринетта Алвемандская выглядела ещё раздражённое, чем обыкновенно. Какой-то купчишка с юга, которого она в глаза не видывала, лопоча собачью чушь, задел локтем сосуд со Схиффским белым и забрызгал её чудесное платье, в котором и без того было прохладно. Даже смотреть в её сторону было страшно.

– У меня крестьяне к тебе все перебежали, что ты такое делаешь с ними? – хохотал кто-то без тени вражды в голосе. – Кормишь что ли со своего стола?

Трещал костёр. Слышался детский плач – один из гостей притащил на пир новорождённого своего наследника.

Оказалось, заснуть в такой обстановке было как минимум невероятно трудно.

Пользуясь тем, что каждый из людей в этом помещении был занят исключительно собой – своими дурацкими песнями, своей одеждой, своими бестолковыми рассказами и впечатлением, которое производил на других высокородных балбесов, Сарер занял деревянную длинную скамью без спинки, покрытую толстым расписным ковром, стоящую в самом дальнем углу, неподалёку от старичка-музыканта. Свечи здесь горели тусклее, чем у стола, но было так же шумно, ещё и песенка про пса-дровосека, успевшая глубоко въестся в мозги мальчика, крайне негативно действовала на

и без того отвратное настроение. В маленькое окошко справа от скамейки заглядывала зимняя ночь, и от равнодушных её глаз, без интереса наблюдавших за весельем в лесном теремке, веяло пронизывающим холодом. Стараясь настроиться на сон, Сарер какое-то время стоял у окна и смотрел в эти невидимые злые глаза, но тогда к нему подошёл молодой господин, художник из Святумана, знакомый матери, и пришлось с ним вести разговор долгие двадцать минут. Чтобы не казаться скучающим без собеседника, мальчик сел на скамью и сделал вид, что очень увлечён песенками старика. Почувствовав себя достаточно уставшим и готовым отойти ко сну хоть сейчас, он скромно прилёг на уголке скамейки, положив под голову сложенные ладонями друг к другу руки, и закрыл глаза.

«Спи, спи. Ты хочешь спать. Очень хочешь спать. Очень хочешь. Прямо сейчас заснуть...»

– Надо было подойти к нему и сказать: «Чего развалился, как медведь в берлоге?»!

Вздвогнув, Сарер поднял голову и посмотрел в сторону, откуда донёсся этот возмущённый возглас. Речь шла, конечно, не о нём, и он это быстро понял. Многие гости уже достаточно напились, чтобы злиться без причины и поучать всех вокруг, как нужно жить, и один из гостей отца что-то яростно доказывал другому, показывая на него пальцем, мерцающим в свете свечей цветными перстнями. Раздражённо выдохнув, Сарер опять лёг и опять попытался заснуть.

– Старый пёс, старый пёс, старый пёс...

«Святые Небеса, когда же ты уже замолкнешь?»

Время шло. Глаза мальчика были закрыты, но он всё равно видел перед собой пир и без конца тараторящих людей. Это было невыносимо, и бессилие сковывало ему глотку обидой. Он представлял, что сидит наверху, на одной из перекладин у потолка, как кошачий дух, и смотрит на этих людей свысока, но не равнодушно, как смотрела зима в окно, а с тихой потаённой злобой. Странно, но эта фантазия помогла ему успокоиться. Людской гомон постепенно смешивался, превращаясь в однотонный гул. Он лежал десять минут, двадцать, и наконец сознание его начало потихоньку покидать тело, отлетая куда-то – может, к той потолочной перекладине, может, наружу, в лесную глушь.

– У тебя голова болит, малыш? – ласковый женский голос, прозвучавший совсем близко, безжалостно вернул Сарера на скамейку в самый тёмный угол главной залы родного терема.

Он яростно открыл глаза и сел резким движением. Рядом стояла незнакомая женщина, сестрица Ольтена держала её за рукав – не первую уже минуту.

– Да, голова! – пропищала девочка. – И поэтому он спит!

– Может, сообщить твоим родителям? – участливо спросила незнакомка, устало улыбаясь.

– Нет! – сказал Сарер. – Пожалуйста, не сообщайте!

Видимо, женщина увидела по выражению его лица и услышала по тону голоса, что ему совершенно не хочется сейчас

кому-то что-то говорить. Возможно, она даже поверила, что у него действительно болит голова. Она тихо извинилась и отошла, – Ольтена потянула её в сторону деда, который, к счастью, завывал уже не про пса, а про рыжую корову и её телёнка.

Зверинец, проклятый зверинец.

«У меня же почти получилось, – едва не плача от обиды подумал Сарер. – Я почти заснул».

Бессмысленно было злиться на женщину и бестолковую сестру. Он лёг снова. Дед прекратил свои песнопения, что-то беззубым ртом шепелявя в ответ на щебетание Ольтены.

На этот раз посторонний шум обернулся бессмысленным гулом очень быстро. Сарер заснул по-настоящему, он успел поспать минут пятнадцать; сон этот не был крепок, но, встречая его, мальчик был счастлив.

Удача сегодня уже в который раз повернулась к нему хвостом.

Он очнулся, когда его тело оторвалось от земли. Тут же придя в себя, Сарер обнаружил, что отец несёт его на руках в сторону лестницы, одновременно со смехом что-то отвечая своим товарищам по винной чаше, остававшимся в зале. Заметив, что сын открыл глаза, Неист Алвемандский проговорил тихо:

– Спи-спи, мой мальчик. Отнесу тебя в кроватку.

– Нет, папа, – проговорил Сарер, схватившись за отцовский воротник. – Не надо.

– На тебя едва господин Эалкейский не сел, дружок. Спать на скамейках не дело, ты же не крестьянский сын. Если очень хотел спать, мог бы и сообщить маме, она бы тебя отвела.

Всё было напрасно, все усилия оказались потраченными впустую. С каждым шагом вверх по лестнице Сарер чувствовал себя покойником, в крышку гроба которого забивали новый и новый гвоздь.

Впрочем, на что же он надеялся?

Неист Алвемандский почти донёс сына до его комнаты. «Если бы сейчас всё получилось, – думал Сарер, – завтра бы мне ничего не помогло. И послезавтра. И послепослезавтра. И никогда. О чём же я переживал и о чём продолжаю переживать?»

– Разденешься сам или мне позвать Мирласа? – спросил отец, ставя его на ноги у порога.

– Разденусь сам, – тихо проговорил Сарер. – Спасибо, папа.

Неист похлопал его по плечу и улыбнулся, потом, не дожидаясь, когда сын войдёт в комнату, развернулся и направился обратно к лестнице.

– Папа, я тебя люблю! – крикнул ему вслед мальчик.

– Я тебя тоже, счастливых снов, – отвечал отец уже издалека. Ещё через мгновение раздался его утихающий смех, – не успел стайе скрыться за углом, как у него уже появились поводы для веселья.

Поглядев какое-то время на тяжёлую деревянную дверь,

ручка которой оберегом в виде головы таёжной рыси скалилась наружу, Сарер решил не тянуть время и открыл её.

Комната встретила его тишиной и прохладой. Небольшая длинная кровать, маленький столик, у стены справа от двери – огромный шкаф из чёрного дуба только с двумя дверцами, слева от двери – изразцовая печурка, от которой слабо тянуло теплом. Не раздеваясь, прямо как был – в нарядном костюме, Сарер залез под толстое одеяло и лёг на спину. Со всем близко завыл пёс, и мальчик невольно вздрогнул, бросив взгляд на окно. Пёс выл на улице, потом залаял, потом затих. Шум пира доносился издалека как сквозь мягкую гигантскую подстилку, которая разделяла эту комнату и весь остальной мир.

– Я пришёл, – прошептал мальчик. – Ты тоже тут, тварь? Ничто ему не ответило.

Он засунул руку под подушку и сжал пальцами корешок сокрытой там от посторонних глаз книги.

– Небо, будь к нам милосердно, – проговорил Сарер и накрылся одеялом с головой. Он знал, что эта фраза не спасёт его, потому что она никогда не спасала.

Подушка медленно нагревалась. Мальчик не видел в темноте под одеялом, но он знал, что на его подушке изображён сосновый лес – частокол стволов и косые солнечные лучи. Несмотря на всё, картина эта всегда грела ему душу. Странно, ведь, наверное, он должен был ненавидеть её. Одной рукой вцепившись в книжку, другой – медленно поглаживая

старую жестковатую подушку, он засыпал с обречённостью в сердце, как засыпает человек, знающий, что завтра утром его ждёт казнь.

Только она ждала не утром.

Прошло около получаса. Холодок змеился у ножек кровати, откуда-то проникнув. Сквозь усталость, дрему и равнодушное принятие собственной судьбы мальчик почувствовал сначала ногами, затем – поясницей, спиной, шеей и, наконец, головой эту прохладу. Ни одеяло, ни подушка, ни священная книга Неба и Тверди не остановила её, не могла задержать ни на миг прибытие змея. А кафтан – задержал. Сарпер провалился в сон, наполовину осознавая это, и с облегчением обнаруживал, что голоса не звучат в его голове, никто не зовёт его чужим именем, в благословенной тьме зеркального мира не горят из мрака чьи-то зелёные узкие глаза. Отвернувшись от своих чувств, от себя самого и от чужого холода, он, как выгибающийся перед игрой кот, извернулся клубочком в дальнем уголке собственного сознания и все силы направил на то, чтобы забыться, забыть всё на Свете и – заснуть. Чтобы следующий день настал поскорее.

...

Он открыл глаза и сел на кровати. Это был не следующий день, это была ночь – всё та же ночь. Он знал, что находится во сне, что по-настоящему он сейчас спит, но ни вернуться обратно в неосознанность, ни просто лечь и не двигаться

ся, дожидаясь прибытия рассвета, было невозможно. Он мог только сидеть или встать.

Зато теперь Сарер своими глазами видел холодок, что пробирался в его комнату из окна – бледно-зелёная матовая дымка текла плавно, медленно. Она окутывала его кровать плотным туманом, но глянуть вниз и посмотреть на неё мальчик не мог – только догадывался, что она там есть. Вся остальная комната утопала во тьме. Гигантским усилием Сарер дёрнул руку вверх и схватил сам себя за воротник. Кафтан на месте, он по-прежнему в своей одежде.

Похоже, сейчас это помогает. Время шло, но никто всё не появлялся.

Сарер сидел на кровати, глядя в глубину комнаты, долго-долго. Будь этот мир реальным, то прошло бы два часа. Иногда, уставая, чувствуя, как ослабевают страх, он оглядывался назад, на криво лежащую у изголовья подушку. Бледно-зелёная дымка источала мягкий ядовитый свет, и рисунок на подушке – сосновый лес – можно было разглядеть без проблем. Сарер глядел на него минут пять, вдыхая грудью родное тепло. Он даже почти почувствовал аромат тайги.

Что-то шелестнуло в дальнем углу, у шкафа, и Сарер резко повернул голову в ту сторону.

Шершаво касаясь стены боками, узкое длинное тело появилось между дверью и шкафом и медленно поползло к кровати.

Два огромных ярко-зелёных глаза навывкате смотрели в

лицо мальчику без выражения, без ненависти и без злобы. Раздвоенный язык появлялся и исчезал у кончика пасти. Чешуйки на слабом дымчатом свете мерцали тысячью салатových отблесков. Тело гигантского змея медленно струилось из щели у шкафа, оно, подобно миражу, менялось постоянно – то становилось широким и толстым, и тогда казалось, будто чешуйчатая кожа трещит по швам, то уменьшалось до размеров ужика. Гигантские кольца накладывались друг на друга и перекатывались сами через себя, а голова змея оставалась на одном месте – глаза, почти достигнув кровати, блистали совсем близко, совсем близко.

Сареру захотелось разрыдаться, как маленькому ребёнку. Он знал, что сейчас уже может двигаться, но не имел сил и пошевелиться – от простого отчаяния.

Он же так старался весь день. Он не снимал парадной одежды, потому что знал, что она пугает змея. Он не оставался надолго один в комнате, чтобы не позволить змею заранее забраться в его голову. Он почти заснул на пиру, в кругу людей, где змей бы не тронул его. Почему они встретились снова? Почему каждой ночью повторяется одно и то же – как бы он ни молился, как бы ни просил...

Почему Небеса так равнодушны?

Зелёные глаза не приближались и не отдалялись. Змеиное тело прекратило увеличиваться и теперь беспорядочно клубилось во мраке у шкафа. Тело было ужасающе большим, мысль о том, какую часть комнаты оно занимает, приносила

с собой болезненный страх. Сарер старался не смотреть туда, но оторвать взгляда от пронзительной зелени глаз кошмарного своего сна он не мог.

– Как же ты мне надоел! – проскулил мальчик, его голос прозвучал тонко и глухо. – Уходи...

Глаза медленно расширились вниз и вверх, исходящий от них свет опрокинул на одеяло длинные зелёные тени. Тоскливый ужас уколол Сарера куда-то под сердце, он вскрикнул и подскочил, врезавшись спиной в высокую спинку кровати. Змей положил голову, которая тоже вдруг стала высокой, как у барана, на дальний угол одеяла, ножки кровати жалобно скрипнули. Сарер кубарем скатился на пол и, пригибаясь вниз, как бешеный пёс, в два прыжка оказался у окна и распахнул ставни. Зимняя ночь была безмятежна.

Не думая ни секунды, Сарер выскочил из окна, навстречу темноте, морозной ночи и сосновому лесу. Пухлый сугроб смягчил падение, он не ощутил боли, приземлившись в снег клубочком, только холод резанул его по ногам и рукам, как острой сталью. Дрожа и спотыкаясь, он покарабкался в сторону тайги, проваливаясь по колено, совершенно не чувствуя на себе тепла одежды. Слезы замерзали у уголков его глаз. Он уже прекратил чувствовать ток крови в своих пальцах, когда решил остановиться и посмотреть назад. Мальчик увидел за несколькими десятками аршинов свой родной терем; из окна под крышей, где располагалась его комната, медленно вытекала в снег, – туда, куда он приземлился ми-

нуту назад, – длинная тёмная лента, поблескивая зелёными малахитами глаз.

Сарер развернулся и бросился бежать дальше.

Он падал, вставал, опять падал, замерзая, прижимался к деревьям, ломал тонкие кусты, оставлял на них клочки своего чудесного нового кафтана и штанов, не особо за это переживая. Всё его существо желало лишь одного – сбежать, спрятаться, укрыться от погони; как северный олень, отбившийся от стада, старый и голодный, хромая, мчитя по тундре от неспешно рысящих за ним по пятам волков, зная, что как бы он ни нёсся сейчас, выжимая из себя последние силы, хищники нагонят его – рано или поздно, но это было неизбежно, – так же и для Сарера конец был неизбежен, и он это знал прекрасно. Но по-прежнему бежал, оглядываясь во круг – годится ли это дерево, чтобы залезть на него? Можно ли спрятаться в этой ложбине? Наконец взгляд его наткнулся на чёрный провал среди белизны невысокого пригорка – нору какого-то большого животного. Недолго думая, Сарер кинулся в её сторону и нырнул во мрак, нащупал руками холодную стену из земли и снега и свернулся около неё клубочком, с хрипом налаживая дыхание и одновременно ощущая, как кровь его оборачивается льдом, всё медленнее и медленнее двигаясь в жилах. Было холодно, как в сердце облака.

Он ненавидел этот страх, это унижение побега. Иногда ему хотелось развернуться и встретиться лицом к лицу с ужасом, преследовавшим его с шести лет, дать отпор, даже

если и придётся погибнуть в итоге. Но зелёный взгляд лишил его воли. Он превращал его из Сарера Алвемандского, будущего стайе, в простого ребёнка, дрожащего в испуге перед обыкновенным кошмаром... Нет, не вполне обыкновенным. Сарер бы сам смеялся, услышь он от другого мальчика признание в страхе перед сном, но только его сон каждую ночь повторялся, и что бы он ни делал и как бы ни пытался скрыться, итог был один.

Ощувив прилив тошноты, он крепко зажмурил глаза. Он же знал, что Змей найдёт его даже в этой берлоге, даже на верхушке самой высокой в лесу сосны. Он же всё знал...

Руки Сарера тряслись, когда он обхватил себя, чтобы успокоиться хоть немного. Нет, здесь нельзя оставаться. Когда у входа покажется плоская зеленоглазая башка, путей к отступлению не будет. Надо выбраться и бежать снова – через мороз и усталость. Надо найти укрытие подальше, надо оторваться на большее расстояние.

Что-то зашевелилось рядом, и Сарер закричал, как девочка. Он совсем не подумал, что это логово может кому-то принадлежать. В его снах редко бывал кто-то, не считая его и змея. Стрелой вылетев из берлоги, мальчик замотал головой, как выбравшаяся из норки полёвка, оглядывающая Небо в поисках теней остроглазых чеглоков. Змея не было видно. Отскочив ещё на пару аршинов, Сарер посмотрел на зияющую пасть норы, стараясь разглядеть, лезет ли кто из неё. Но ничего не происходило, если там и был кто-то внутри, то он

успокоился, выгнав прочь незваного гостя, и догонять его, чтобы наказать за вторжение, явно не собирался.

Сарер уж было собрался броситься наутёк, пока кошмар не пришёл за ним, но не успел сделать и пары шагов, как его озарила идея. Вернувшись к поляне с норой, мальчик сел на корточки у дерева, руками вцепившись в холодную кору. Он замерзал быстрее и быстрее, уже не чувствовал собственных ног. Сердце тоже замедлило свой бешеный стук; Сареру подумалось, что в настоящем мире он бы умер уже – ни выносливостью, ни терпимостью к холоду он не обладал. Здесь он не мог умереть, но неизвестно, насколько это было хорошо.

Змей явился за ним через пять минут. Вдалеке замерцали зелёные огоньки. Он приближался небыстро, но неостановимо, подобно злему року. Длиннющее тело растянулось во мраке за его головой. Когда Змей вполз на полянку, и его пасть в жутком подобии ухмылки оскалилась в лицо Сареру, мальчик понял, что сейчас сбежать ему уже не удастся. Чёрные кольца складывались высоченной пирамидой на краю поляны, шёпот мельтешащего языка вливался в сознание ядом: «Мирлас-Мирлас-Мирлас...» Прижавшись макушкой к стволу сосны, Сарер закрыл глаза. Он много раз слышал, как змей повторял это имя, настигая его. Сперва мальчик думал, что это как-то было связано с его противным наставником, но вскоре догадался, что тот идиот здесь ни при чём. Змей обращался к Сареру, называя его чужим именем.

«Я не Мирлас, я Сарер Алвемандский... Я Сарер Алве-

мандский. Стайе Алвеманда...»

Пару шагов... он мог сделать пару шагов?

Не открывая глаз, чтобы не видеть ужасающего своей громоздкостью узора перекатывающихся чёрных колец, без конца меняющихся в размерах, мальчик рванулся в сторону берлоги и упал прямо у входа, взбив руками фонтан снега, который весь полетел вглубь норы.

Что бы там ни таилось, оно не может оказаться страшнее Змея!

Раздался раздражённый рык. Сарер, поднявшись на четвереньки, откатился в сторону и пополз к голым кустам, кучкой собравшимся неподалёку от пригорка. Оглянувшись, он закричал, увидев нависающую над ним змеиную голову; в зелёных однотонных глазах чёрные зрачки стремительно сжимались и расширялись, низкий двоящийся и троящийся шёпот шелестел на кончике дёргающегося языка: «Мирлас». Язык почти касался лица мальчика. Он быстро выдохся и замолчал, подняв руки к лицу, но успел бросить короткий взгляд на нору – что-то копошилось там, чёрные бугры шерсти или перьев вздымались над сугробами. Если житель логова, разгневавшись, выберется наружу, он, быть может, отвлечёт Змея! Сарер был готов пойти на что угодно, чтобы избежать в эту ночь медленного, мучительного умирания без смерти. У него уже удалось отсрочить приход кошмара, одевшись перед сном в лучший из своих нарядов, быть может, сегодня утро наступит прежде, чем он успеет попасться?

Прежде, чем чёрные упругие кольца сожмут его тело, ломая рёбра и сдавливая в кашу внутренние органы, прежде, чем он захлебнётся собственным криком, переходящим в хрип и свист?

Язык коротко хлестнул Сарера по рукам, как холодным кнутом. Змей подался прочь резким движением. Мальчик, хватаясь руками за ветки кустов и стволы тонких ёлок, кое-как поднялся на ноги. Зелёные глаза по-прежнему глядели на него не мигая, но туловище Змея двигалось назад, его что-то тянуло; Сарер не смог разглядеть во тьме, что это было за животное, выбравшееся из берлоги и случайно спасавшее ему жизнь, но разобраться с этим вопросом он не собирался. Вдыхая и выдыхая громко, почти вслух, он развернулся и – опять побежал, утопая в снегу и врезаясь в стволы деревьев. Он привык убегать и бояться так, как другие дети привыкли перед сном тихо молиться Небесам и засыпать мирно, зная, что впереди их ждёт новый день, новые приключения, новые радости. Сарер засыпал, зная, что впереди его ждут страх и боль.

Каждую ночь, уже четыре года.

«Небеса даруют вам своё благословение, и через десять лет вы забудете о своём страхе», – произнёс сегодня брат Энрит, когда Сарер попросил небопочитателя посмотреть, что говорят Небеса о его судьбе.

Глава 3. Сын Тёмного повелителя встречает своего отца

Звёзды белёсой россыпью покрывали стройные башни замка, короткие шпили у четырёх башенок – северной, восточной, южной и западной, покатые склоны крыш, у краёв которых отшлифованная до идеальной гладкости ромбообразная черепица нависала над поверхностью облака, бросая на снег тени чернее Тьмы. Лишённый пустой роскоши, какого бы то ни было декора, исключая острые, как короткие клинки, каменные зубья, гребешками возвышавшиеся вдоль хребтов-переходов между сторожевыми башнями и жилыми помещениями, Тёмный замок Хралуна был, тем не менее, очаровывающе красив, как крыло стервятника над мёртвым полем, – чёрная, могильная красота, простое изящество воплощённого зла. Серебристые переливы, трепещущие на крыльях синичек, бросали тут и там тонкие полосы ледяного света, которые, как струйки прозрачной водицы, стекали вдоль остроугольных наклонов к черепичным шестиугольникам, окаймлявшим кирпичный шатёр кровли главной части замка.

Анэйэ долго стоял, задрав голову, рассматривая ленивые танцы звёзд, порхавших с башенки на башенку, от свода к своду. Его разум был пуст и свободен от всех тревог и пере-

живаний. Во всяком случае, так он себя убеждал. Он стоял во главе длинной цепочки жителей Уррэйва, свободных воителей-жрецов, присягнувших одному только Тёмному Повелителю и называвших себя Прасыновьями Луны, личных дружинников Нерайэ Уррэйва, их риндо, их жён и детей, меллей со всех ближних облаков и прочих желающих продемонстрировать своему Владыке, с каким нетерпением они ждали его возвращения, каким воодушевлением они переполнены, встречая его. Большая часть из них была вполне искренна в своих чувствах, их лица, утопавшие в кромешной мгле и очерченные звёздным светом, выражали неподдельное торжествование, мало общего имевшее с гримасами льстецов и лживых шавок, только и ждущих повода лизнуть ногу хозяину. Народ ждал своего вождя, который ушёл, обещая вернуться с надеждой, и сдержал своё обещание.

Анэйэ был одет в простое чёрное платье с широкими рукавами и узким подолом. Приколотый серебряными булавами у высокого воротника, айише его был расшит незатейливыми узорами, характерными для одеяний большинства присутствовавших уррайо, – полумесяцы, звёзды и кошачьи глаза с суженными зрачками. В Уррэйва никогда не водилось лишних средств на существование, что уж там говорить о парадных нарядах. Проводившиеся на Светлых Небесах обряды, праздники, обращения меллей к народу были полны роскошной красоты, богатства и величия, – из этого перечня уррайо могли претендовать только на последнее, и

то с трудом. Колонна из полсотни человек, мрачные чёрные одеяния, слегка колышущиеся на ветру плащи. Призрачный звёздный свет на кирпичных зубьях старого замка. Да уж, всё это скорее напоминало траурную погребальную процессию или встречу душ самоубийц у кургана, чем собор верных поданных, готовых вновь принять своего Повелителя. Анэйэ недавно читал книжонку с Тверди – один из самых ценных трофеев, доставшихся Тёмной столице после последнего «разрушительного» набега, с ночи которого минуло уже четыре сотни лет. В ней как раз описывалось народное предание о танце мертвецов вокруг могильных свечей и о том, как перед своей жуткой пляской покойники точно так же недвижно стоят в тени когтистых деревьев и ждут Князя Усопшего – вождя своего и ведущего на балу. Видать, много лет назад какой-то твердынец умудрился живым сбежать с Тёмных Небес и по возвращению своему рассказал товарищам с земли о том, как принято наверху встречать своего Повелителя.

Айэ Алийерэ стояла слева и сзади от Анэйэ Уррэйва, как младший из них не по возрасту, но по положению родственник государя. Справа от наследника стоял его риндо Эррамуэ. Ссадина на лбу, доставшаяся ему после вчерашней тренировки с айэ, всё ещё кровила на морозе, поэтому мальчик поминутно поднимал руку ко лбу и вытирал проступавшие тёмно-алые капли. Анэйэ чувствовал смесь жалости, стыда и довольства, замечая это краем глаза.

Ночь, как всегда, была холодна и черна. Анэйэ молча благодарил звёздных синичек за то, что они не покидали его и мелькали порой от одного края процессии к другому, как будто специально для Тёмного наследника освещая лица присутствовавших. Но их свет не грел, и пальцы Анэйэ мелко дрожали. Он прятал эту дрожь в длинных рукавах шёлковой лёгкой котты. Он привык справляться с холодом и скрывать от посторонних глаз свою слабость.

Но сегодня будет светлее, чем день назад, чем половину месяца назад. Этой ночью жители Тверди не увидят Луны, поднимая головы со дна мира, как унылые свиньи в хлеву. Этой ночью зачинался новый месяц. Плотные тёмные клубья стольного облака сокрыли Луну от земли – Уррэйва проходила прямо под ней, как случалось двенадцать раз в году. Сейчас прямо над головами собравшихся уррако плыл гладкий лик их матери.

Анэйэ не мог дожидаться, когда она обнимет Уррэйва своими бледными лучами и подарит ему возможность видеть. Но этого нужно было ждать. Совсем недолго, но ждать...

– Слався, Тёмный Повелитель! – раздался клич с севера. На севере с Уррэйва соседствовала облачная база, где в дозоре стояли уррайо, подчинявшиеся Айери Лэйо. Северное облако, Дождеоблако, было большим, старым, его сердце давным-давно окаменело. Когда облако живёт так давно, что в его груди появляется сердце, оно перестаёт кружить и метаться, и замирает, словно Небесное светило. Дождеоблако

давным-давно замерло навеки, прицепившись своим краем к столице, и сейчас принадлежало ближайшему другу и соратнику Тёмного Повелителя, отцу Эррамуэ. – Слава!

– Слава! – отозвались дозорные с башен Тёмного замка. – Слава Повелителю Тьмы! Слава сыну Луны, слава отцу нашему!

Анэйэ поднял вверх правую руку, когда отзвучали голоса глашатаев, и медленно повернулся на четверть круга, оказавшись лицом к западу. Его движение повторили сначала айэ Алийерэ и риндо Эррамуэ, за ними – остальные уррайо. Мужчины и женщины, дети и старики, в эти мгновения все они были объединены перед прибытием своего отца, своего властелина, они были тенями, приветствующими ночь, звёздами, встречающими Луну. Время прошло быстро.

В вышине раздались громкие хлопки – сильные, резкие движения живой плоти рвали ледяной воздух. Это вожаки отряда Прасыновой взмыли с четырёх угловых башен Тёмного замка на могучих крыльях облачных львов и прочертили мрак над Уррэйва пронзительно-чёрными полосами. Рёв зарокотал в глубинах бесцветной бездны над головами Анэйэ, Эррамуэ и других уррайо. Четыре пары гигантских крыльев били в воздухе, разбрасываясь тычинками света и клочьями тьмы. Уррайо, сидя на спинах огромных Небесных кошек, отвели их западнее и заставили кружиться вокруг своих осей, кидаться, как на добычу, на пушистые перья нерождённого снега, и мало-помалу их хаотичный танец развеял

налёт туч над столицей.

И, сначала на самом западном краешке чёрного облака, затем всё ближе и ближе, мать-Луна лучик за лучиком пронизывала сугробы, искря снег сотнями и тысячами льдинок, распираемых мёртвым светом. Светило ночи медленно обнажалось над Тёмной столицей. Прежде сокрытое плотным слоем мягких слоистых облаков, которые ранним вечером нагнали специально для проведения церемонии, оно обрушило на Уррэйва свой холод, свой ледяной огонь.

Нестройный хор голосов меллей и воинов прозвучал низко, мелодично:

– Эйя Лунному Ветру! Эйя Лунной Воде! Эйя Лунному Грому!

Когда четверо уррайо и их львы, вдоволь нарезвившись в ночном Небе, вновь вернулись к замку, когда испуганные синицы, попрятавшиеся по расщелинам в чёрном кирпиче и меж бледных ветвей деревьев, осторожно выбрались из своих укрытий и с восторгом принялись плясать в материнском благословении, когда ритуал приветствия новой Луны подошёл к концу, появился наконец он – Повелитель.

Анэйэ помнил своего отца. Он помнил его нестарым ещё мужчиной, статным, высоким, с резкими и крупными чертами лица, орлиным носом и чёрными, как кирпич Хралуны, волосами. У него была короткая мягкая борода, и его яркие синие глаза всегда смеялись. Он каждый вечер говорил вприпрыжку выбегавшему из своей комнаты наследни-

ку: «Ночь темна, поют синички, Солнышко давно померло, кто это у нас тут?» «Я!» – отвечал Анэйэ, и Нерайэ Уррэйва важно кивал головой: «Правильно, тут нас встречает маленький Повелитель Тьмы», – и в шутку кланялся до самого пола.

Это было давно, четыре года назад. Анэйэ думал, встретит ли он в глазах отца знакомую по раннему детству насмешку, смогут ли они найти общий язык. Нерайэ Уррэйва покидал свой народ, отправляясь на далёких облаках за пределами высот искать тайну Неба и Тверди. Отец высоко ценил знание, историю, прошлое. Он твёрдо верил в то, что, если уррайо смогут заглянуть на четырёста лет назад и поймут, отчего эвелламе изначально были сильнее и могущественнее своих соседей, как же вышло, что, порождая три народа, Создатель так обделил один из них – и ресурсами, и облаками, и численностью населения, и, в конце концов, процветанием в будущем, – если углубиться в корни истории, докопаться до самого начала существования мира, то станет ясно, чем обусловлена власть эвелламе и их превосходство над братьями по Небу, и появится возможность лишить их этого превосходства. Чтобы задать свои вопросы, чтобы найти ключ к завоеванию всего мира, Нерайэ Уррэйва поднялся выше всех облаков, выше самых границ полёта облачных львов – и весть о том, что он нашёл свои ответы, пришла в Тёмную столицу четверть месяца назад вместе с звёздочкой и её песней. Теперь же и он возвращался самолично, торже-

ствуя, неся шанс на победу в когтях своего льва. И это были прекрасные мгновения!

Львиный рык громовым эхом отскакивал от стен замка и резко таял в колючем воздухе. На какой-то короткий миг огромные крылья, каждое – в три-четыре размаха от плеча до маховых перьев, непроглядным полотном заслонили собой лик Матери, а потом поток ветра долетел до поверхности облака, сотней маленький острых снежинок брызнув в лицо Анэйэ. Наследник не обратил на это внимание, только крикнул, поднимая правую руку вертикально вверх:

– Эйя!

– Эйя! – вторили ему голоса уррайо.

– Эйя! – крикнул отец.

«Ф-фух!» – перья хлопнули о перья, поднимая очередной порыв ветра, который взорвал фонтанами снег под лапами гигантского животного. Когда лев-великан приземлился на облако, Анэйэ показалось, что всё под его ногами вздрогнуло и затряслось отголосками встречи могучих лап с мягким свежим снегом. Приветственный рёв зверя опять оглушил наследника, но он справился с желанием заткнуть себе уши обеими руками. Эррамуэ слева от него воскликнул:

– Ух ты! – как маленький ребёнок удивился размерам льва, за что тут же получил толчок под рёбра рукояткой пикки от своего отца, стоявшего сзади.

Анэйэ сделал два шага вперёд. Властелин, лев отца, великолепное могучее животное, остался таким же, каким

помнил его наследник: голова размером больше туловища Анэйэ, мерцающие бледно-звёздным светом когти и клыки, пушистая волнистая грива, которая так и искрилась разлетающейся лунной пылью, когда зверь покачивал головой и отряхивался после приземления. Узкие, синие до рези в глазах щёлки, лишённые зрачков, на его морде горели ещё ярче, чем четыре года назад. Лев ворчал, на лёгких лапах подбегая к замку. Над его приопущенным загривком возвышался силуэт человека с глазами такими же яркими, как у зверя под ним.

– Отец, – Анэйэ низко поклонился и замер. Его примеру последовали люди сзади него. Все низшие урайо из тех, кто не входил в почётную процессию, но прибыл взглянуть на своего повелителя, тоже склонили головы.

В этом молчаливом жесте не было лицемерия и подобострастия. Урайо лишены подобных качеств, свойственных твердынцам.

Наследник хорошо знал то, что обязан был делать в момент долгожданной встречи. Он услышал шаги отца – «хрусть-хрусть-хрусть» по снегу, быстрые, но тяжёлые.

Он не поднимал головы, пока не почувствовал, как огромная рука легла на его левое плечо.

– Посмотри на меня, – низко проговорил отец. Его голос напомнил о чёрном дыме, клубящемся зимними ночами из труб домов твердынских крестьян – бархатный и густой. Анэйэ покорно выпрямился и поднял голову.

Синие глаза отца сверкнули, он улыбнулся. А затем – отступил на шаг.

– Посмотри на меня! – его крик, подобно львиному рыку, объял всё облачное поле перед замком, через уши проник в самое нутро каждого из присутствовавших, и, перепуганные его громоподобным рёвом, синички бесчисленными стаями взмыли вверх. – Посмотри на меня, народ Тьмы!

И урайо подняли головы, а лучи их взоров соединились в одной точке – у пылающих синим безумных костров глаз Тёмного Повелителя.

– Я здесь! – воскликнул отец. – Дети мои, я вернулся! Со мной – наша победа! Со мной – Лунное ликование! Со мной – господство над тремя мирами!

– Эйа-ха! – Тёмная столица взорвалась многосотенным воем, и встревоженные львы вплели рокот своих песен в этот дружный триумф чистого восторга. – Эйа Тёмному Повелителю!

Если их было слышно с Тверди, то Анэйэ стало жалко земных жителей. Это новолуние запомнится им надолго. Возможно, сейчас они, в недоумении или страхе задирая головы, перепуганные далёким гулом величайшего праздника Тьмы, даже не понимают, что последует за этим бесовским торжеством. Они не подозревают, кому покорятся и как скоро это произойдёт.

Не дав отгреметь приветственному воплю в свою честь, Нерайэ Уррэйва, широко разведя руки, положил одну ладонь

на голову Властелину, второй – махнул стоящему за Эррамуэ Айери Лэйю.

– Ты обещал, что будут барабаны, мой брат? – спросил он громко. Анэйэ отметил, что борода отца стала гораздо длиннее и гуще с пор последней их встречи – улыбка-оскал его едва сверкнула под пышными чёрными усами. – Так что же, пусть все наши миры содрогнутся!

Айери Лэйю, ухмыльнувшись тенью своего повелителя, обернулся к замку:

– Пляска бесов, братья!

Его крик передали несколько уррайю, и не прошло и минуты, как из чёрной пасти главной арки донёсся отдалённый ритмичный бой. Музыканты, с барабанами, гуслиями и свирелями из призрачного дерева, трещотками и домрами, шагая стройными рядами, змеились из замка, наполняя ночь жутковатыми переливами, визгами и низким рыком тёмной музыки, от которой сердце вздрагивало и сквозь плоть пробегал кусачий холодок.

– С церемониями покончено. Позвольте себе немного веселья, дети мои! – Нерайэ Уррэйва в одно движение оказался вновь на загривке своего льва, и зверь устало взревел, мечтая о награде за свои труды в виде свежей козерожьей печёнки. – В эту ночь не отказывайте себе ни в чём! Брат Айери?

– Всё готово, мой повелитель, – отвечал отец Эррамуэ. – Выносите яства и мёртвые сердца!

Была середина часа Бесов.

Пир народа Тьмы грянул в ночном Небе, как внезапный ураган среди солнечного летнего дня. Синицы в панике мельтешили тут и там, не в силах противиться зову Луны, взмывали вверх и, не достигнув материнского брюха, падали к облаку, сложив крылышки. Львы ревели, сражались друг с другом за свежие кости. Изыщные танцовщицы с чёрными лентами в длинных пальцах, как резвящиеся пантеры, мелькали со стремительной, но текучей грацией между узких лёгких столиков, которые слуги-уррайо вытащили из замка на подлунную снежную поляну. Музыка гремела и визжала, хрипела и трескалась в воздухе спотыкающимися секундами. Сумасшедшие певцы, сведённые с ума Краем, каждый из которых знал только одну песню, рвали глотки под столами. Пастухи Небесных стад и солдаты, странники, жрецы и мелли ели за одними и теми же столами одни и те же блюда, пили из одних сосудов и смеялись одним шуткам. Ничто так не роднит народ, как общая беда, общие невзгоды, общая надежда.

Анэйэ знал, что Айери Лэйо не один год готовился для того, чтобы достойно провести этот пир. Отец Эррамуэ проводил часы, обсуждая с советниками песни, которые должны исполнить музыканты, порядок блюд, которые будут поданы в этот день, количество столов и стульев, которые необходимо подготовить для празднества. Не он один – всё Тёмное Небо так ждало этой ночи. Сейчас все они были счастливы. Нерайэ Уррэйва не говорил ни слова о том, что он нашёл в

своих странствиях. Не говорил о планах, о грядущих войнах, о том, что весь народ обязан сплотиться перед тем, как нанести один-единственный решающий удар по Свету и забрать себе бразды правления и благополучия. Они и так всё знали. У них была одна цель, одна мечта. Одна на всё Небо.

Мечта о том, чтобы зло восторжествовало, конечно же.

Анэйэ улыбался, когда думал про это. «Мы зло во плоти, – думал он. – Величайшее зло в мире. Пройдёт время, и я стану острием нашего клинка беспросветного чёрного зла».

Он не любил шума и плясок, не любил эту диковатую музыку, потому что от неё у него начинала болеть голова, побаивался безумных певцов. Но ему нравилось принадлежать к своему народу в эти мгновения. Отец говорил не с ним, а с Айери Лэйо, Мейорэ Иллийно и другими тёмными военачальниками, но Анэйэ мог слышать все их слова, поскольку занимал на узком столике место слева от отца. Он слушал и наблюдал, и улыбался.

Айэ Алийерэ подошла поприветствовать отца. Лента скрывала её лицо, и тёмные глаза на белой коже блестели живым мраком.

– Отец мой, – проговорила она низко, склоняясь. – Ваш приёмный сын рад нашей встрече. Да будет Ваше правление долгим.

– Алиле, – усмехнулся отец. – К чему такая официальность, скажи на милость? Ты подросток. Выпрямись. Взгляни на меня!

Айэ Алийерэ выпрямилась и прикрыла глаза, не в силах выдержать прищуренного отцовского взгляда.

– Ха! И впрямь подрос. Но голос совсем не изменился. И манеры. А ну! – никто не ожидал, что его клинок вылетит из ножен. Уррайо ахнули, кто – подпрыгивая на месте, кто – летя со стула. Отцовский меч Триедин, ночь, заключённая в сталь, направился прямо к горлу его приёмной дочери. Анэйэ широко распахнул глаза. Он увидел, как, едва заметно вздрогнув, айэ Алийерэ опустила правую руку молниеносным движением, а через мгновение её волнорез уже блокировал лезвие Триедина, которое замерло в нескольких крысиных хвостах от замотанного в чёрный шёлк горла девушки. Тонкая, но сильная рука, сжимавшая рукоять волнореза, дрожала от напряжения, но Нерайэ Уррэйва и не думал убирать меча. Он медленно встал, весь свой вес отдавая оружию, не отводя глаз от лица приёмной дочери. Наконец, не выдержав напряжения, айэ Алийерэ сдалась, выпуская меч из рук и отдавая свою жизнь в руки отцу. Не встречая больше сопротивления, Триедин ринулся вперёд – и, не пролив и капли крови девушки, чёрным крылом метнулся назад, к своему хозяину. Нерайэ Уррэйва поклонился дочери, со звоном пряча клинок в ножны. Та повторила его движение.

– Молодец, Алиле, – вскинув голову, кивнул отец. – Достойный сын своего народа!

– Рад служить, – с некоторой отрывистостью ответила айэ Алийерэ, опустилась на колени, подобрала свой волнорез,

развернулась и исчезла в ночи.

Анэйэ был восхищён её стойкостью и тем, как отец воскликнул, снова садясь на стул:

– Таким должен быть каждый уррайо. Всегда готовым к бою! Всегда готовым умереть, – он расхохотался, только сейчас обращая внимание на тех людей, кто повалился со своих стульев, испугавшись внезапности произошедшей между отцом и дочерью короткой схватки. Теперь они неловко поднимались и улыбались вслед удаляющейся девушке, кто с восторгом, кто с благоговением. – Куда вам всем до моего Алиле? Берите же с него пример! Брат Айери, – обратился он к своему товарищу. Тот сидел, облокотившись ладонями на широко раздвинутые колени, и ухмылялся, щурясь. – Твой сын был айле моего Алиле?

– Как Вы и хотели, мой Тёмный повелитель, Эррамуэ учился вместе с наследником Анэйэ, – подтвердил Айери Лэйо. – Алийерэ был наставником для них обоих. Насколько я могу судить, мой Тёмный повелитель, неплохим наставником. И я, и Эррамуэ отблагодарим по праву Вашу семью за то, что вы сделали для нас. Даю обет перед Луноматерью, – он приложил левую руку к сердцу.

Нерайэ Уррэйва кивнул.

– А ты что скажешь, Анэйэ? – вдруг повернулся он к сыну. Тот внимательно принял отцовский взгляд, видя в нём знакомую насмешку и гадая, что же она означает. – Хорошим айэ был для вас наш Алиле?

Красноречиво обернувшись на Эррамуэ, который обгладывал козерожью кость, не обращая внимания на царапину на своей голове, Анэйэ улыбнулся отцу.

– Самым лучшим, о котором мы могли мечтать. Трудно будет забыть его уроки.

Нерайэ Уррэйва помолчал, откинув голову и разглядывая своего наследника. В эти мгновения взаимосвязь между отцом и сыном, построенная на уважении и любви со стороны мальчика и на бесконечных надеждах со стороны взрослого мужчины, необъяснимо крепкая, стала ещё крепче, хотя, возможно, ни один из них того не осознал.

– Я горжусь вами, – проговорил Тёмный повелитель. – Когда мир встанет передо мною, тобой и Алиле на колени, моя гордость сокрушит Свет.

Анэйэ кивнул, медленно моргая в радостном расслаблении.

– Да, отец. Всё будет так, мы захватим весь мир.
Нерайэ Уррэйва рассмеялся.

...

Этот пир не прошёл незаметно ни для одного жителя Тёмных Небес. Воодушевлениехватило всех уррайю, от обитателей кучевых облаков до столичных из Уррэйва. Вечером просыпаясь, Анэйэ слышал непрекращающийся гул львиного рёва и перезвон колокольчиков на ошейниках. Люди нескончаемым потоком прилетали в замок и улетали из него.

Нерайэ Уррэйва собирал воинов и заново принимал клятвы от каждого из великих родов. Не для немедленной атаки. Им предстояло сделать ещё очень многое...

Несколько ночей Анэйэ и Эррамуэ не учились. Айэ Алий-ерэ ходила куда-то с отцом, и все наставники замка были заняты, составляя для повелителя огромную и подробную карту Тёмных Небес. В последние столетия большинство свитков с картами и литературными изысканиями в библиотеках Уррэйва пришли в полную негодность и были использованы в качестве растопки для костров, чтобы согреть дряхлых стариков и младенцев, которым не под силу было переносить вечные морозы Неба. Даже Нериани не мог выдерживать извечный холод Тьмы, и он, главный книжник столицы, собственноручно бросил год назад в огонь величайшие труды своего любимого Араэлли Философа. Так что теперь требовалось много работы, чтобы возместить утерянное, и по крупицам сохранившихся записей и рисунков составить хотя бы примерную карту.

Нерайэ Уррэйва не говорил, зачем ему нужна эта карта. Никто и не задавал ему вопросов. Уррайо, всегда беспрекословно верные своему Тёмному Повелителю, вновь принося ему клятвы верности, интересовались только одним: «Что мы можем сделать для вас, господин? Куда вы прикажете отправляться, господин?» Тот же ни слова не говорил о том, где был все эти четыре года, что узнал и в чём заключается его новый план по свержению Света. И Тёмный народ до-

вольствовался его молчанием.

Анэйэ всегда верил, что больше его отца об этом мире не осведомлён никто. Нерайэ Уррэйва был страшно умён – это признавали все, кто так или иначе пересекался с ним. На втором месте умнейшим человеком на Небесах была, вне сомнений, айэ Алийерэ. И скоро Анэйэ вновь получил этому подтверждение.

– Отец, – обратилась она к Тёмному повелителю в ту ночь. В ту ночь Анэйэ, Алийерэ и Нерайэ Уррэйва все вместе завтракали в своём замке. С высоких потолков свисал сотнями гигантских летучих мышей крошечный мрак. Анэйэ кое-как видел свою тарелку на слабом синичьем свете, едва-едва проникавшему сквозь витражные окна из призрачного стекла. На завтрак были обожжённые на грозových сердцах орлиные печёнки. Не очень вкусно, зато полезно для тела и духа.

– Да, Алиле? – с готовностью отозвался Нерайэ Уррэйва. Он всегда прислушивался к приёмной дочери и разделял мнение Анэйэ о том, что айэ Алийерэ была бесподобно умна и прекрасна, и за это наследник ещё больше уважал своего отца, чем мог бы.

– С каких пор силы Грома, Дождя и Ветра принадлежат не нам, а узурпаторам эвелламе? – голос приёмной сестры звучал буднично.

Гром, Дождь и Ветер – главные Небесные стихии, в противоположность земным Огню, Воде и Камню.

– С каких пор? Алиле, ты не читала священных книг? – с

насмешкой спросил Нерайэ Уррэйва. Он явно полагал, что дочь прекрасно знает ответ, но всё же процитировал нараспев: – О Свет ядовитый, о Солнце жестокое! Как обжигающе холодна будет месть Лунных детёнышей, как глубоко войдут в плоть клыки чёрные под челюсть белоснежного льва... Или снежно-белого? Хм. Забыл. Зато отлично помню год, которым датируется эта замечательная баллада. Двадцать третий год, – нараспев прочитал повелитель. – От кары Небесной... Двадцать третий, верно? В двадцать третьем году великий менестрель Умоно Песнь Дождя сложил эти строки, когда светлые эвелламе отобрали у нас наше будущее. Двадцать третий год, девочка.

– В двадцать третьем году от кары Небесной, послушавшись заветов, данных нам Создателем, узурпаторы эвелламе забрали сердца трёх Небесных стихий и лишили нас всякой возможности противостоять светлым силам, – проговорила Алийерэ. – И вскоре после этого урайо забыли, как создавать кошмары, забыли своё главное мастерство. Но отец, ты же лучше меня знаешь, что мы не можем бросить вызов Свету, не имея за собой ни сил Ветра, Дождя и Грома, ни умения создавать кошмары. Ты же думаешь над тем, чтобы снова попытаться вернуть сердца стихий, отобрав их у узурпаторов? Но зачем тебе нужны для этого карты Тёмных Небес?

Анэйэ мечтал бы увидеть выражение лица отца, но было слишком темно.

– О Алиле, – вздохнул повелитель, стуча о тарелку вил-

кой с двумя кривыми зубьями. – Как ты умён... умна. Поверь, когда настанет время, ты первая узнаешь об этом. Пока что не стоит тебе знать, где я был и что видел. Не задавай мне этих вопросов. Знаю, моя достойнейшая дочь хоть сейчас готова вступить в бой со всеми Светлыми силами, однако ты должна верить своему отцу и повелителю. Мои слова понятны, девочка?

– Понятны, отец, – ровно ответила Алийерэ. – Но на самом деле я завела этот разговор не для того, чтобы выпытывать у тебя твои планы. Я лишь хочу узнать. Что бы ты сделал, если бы узнал о том, что один из детей твоих, из верных твоих сыновей и дочерей перестал быть... верным. Что один из них знает что-то об утерянных сердцах стихий и молчит. Что один из них, будучи отлично осведомлённым обо многом, что происходит в нашем замке, делится своими сведениями с узурпаторами эвелламе?

– Моя девочка? – в голосе Нерайэ Уррэйвы было любопытство. – Я правильно понимаю слова моей девочки, у тебя есть основания подозревать кого-то из моих детей в неверности?

– Да, отец. Ты прав, – она почти резко бросила последнее предложение в звенящую Тьму.

Если бы Анэйэ был котёнком или щенком, его ушки бы стояли торчком.

– Ты должна помнить, что ни один из моих детей не будет наказан без вины, – без тени сдержанности бросил Тём-

ный повелитель. – Кто-то докладывает врагам о наших целях? Что ж, пусть на Светлых Небесах знают и будут готовы. Они всё равно не смогут подготовиться к тому, что я припас для них. Кем бы ни был мой неверный сын или моя неверная дочь, ему ко мне в голову не пробраться. И всё же я хочу знать подробности. Ты что-то знаешь о заговорщиках? Ты сама раскрыла их планы? Или же моя Алиле решила подшутить над стариком?

– Смиренная дочь не смеет шутить над своим повелителем. Я сама проследила за заговорщиком и своими глазами видела его предательство. Я уверена, если мы всё сделаем правильно, он сам предоставит нам доказательства своей вины. Надо только... быть осторожными.

Нерайэ Уррэйва серьёзно хмыкнул. Потом его рука внезапно легла на плечо Анэйэ.

– Наш будущий повелитель может быть свидетелем твоим словам?

– Может, – без тени сомнения сказала Алийерэ. – Да, конечно, отец.

– Тогда назови нам имя предателя. И что ты знаешь о его проступке. Остальное я сделаю сам.

Айэ Алийерэ немного помолчала. Она должна была понимать, как страшен бывает гнев отца. Если её слова окажутся клеветой, пусть даже и не намеренной, если она ошиблась в своих подозрениях, но всё равно не остановилась перед наведением смуты – ей придётся расплатиться за это, так же,

как если бы она не была приёмной дочерью Тёмного повелителя.

– Две ночи назад на исходе часа Приветствия незаконнорождённый сын Айери Лэйо, Эламоно Лэйни, вышел чёрным ходом из замка своего отца и отправился к восточному краю Доджеоблака. Я случайно увидела его, задержавшись снаружи слишком долго. Уррэйва спускалась к Краю, и все наши люди прятались от дыхания смерти в домах и облаках. Ещё несколько минут, и Край с Солнцем убили бы меня.

Анэйэ внимательно слушал. Он знал, что для его народа солнечные лучи губительны так же, как и для эвелламе губительна полная Тьма. Именно поэтому уррайо может проникнуть на Светлые Небеса, только закрыв каждый участок своей кожи, а эвелламе нагрянуть к соседям – только если с собой у него будет негасимый факел. Знал наследник и о том, что, по утрам опускаясь за Край под плоскую Твердь, Тёмное Небо на протяжении всего дня парит в Ничём, которое убивает всё живое, не успевшее спрятаться в облаке или в своём доме.

Айэ Алийерэ продолжала:

– Но... я давно заметила, как Эламоно Лэйни покидает Хранитель Дождя ближе к утру. Айери Лэйо говорил мне об этом, но он не отнёсся с должной внимательностью к ежедневным походам своего незаконнорождённого сына. Он говорил, что... что Эламоно Лэйни зовёт кровь матери. Свет влечёт его. Он может терпеть прикосновения Солнечных лу-

чей к своей шкуре. Меня не отпускали мысли о том, что здесь может таиться нечто большее, чем простая тоска по Свету. Что же, рассудив так, я, тем не менее, не предпринимала никаких действий, пока две ночи назад не задержалась с Вами, мой отец, в библиотеке до самого утра. Я хотела перед сном заглянуть в библиотеку Лэйо. Возвращаясь в Уррэйва, я совершенно случайно увидела его, запрягавшего своего льва. Он полетел на восток. Я запрыгнула на первого зверя, которого нашла в льявтянях, и проследила за Эламоно. Солнце обжигало восточные сугробы, и руки, которыми я заслоняла своё лицо, кровоточили. Крылья моего льва сбивались. Свет выжимал из моих глаз слёзы, и я едва могла видеть. Но Эламоно Лэйни чувствовал себя как ночью. Наконец он приземлился на самом крайнем облаке, а я скрылась на соседнем. Я таилась в чёрных тенях, а он стоял на самом краю облака, и в руках у него были какие-то свитки. Его никто не учил ни читать, ни писать, – она сделала паузу. – Значит, свитки предназначались не ему. Когда я уже не могла выносить Света, а Край стал высасывать воздух из моих лёгких, Эламоно Лэйни вновь отправился в полёт, скрывшись на чужих Небесах.

Она замолкла, потом многозначительно добавила:

– Кому бы я ни задавала вопросов, все – и слуги, и члены семьи Лэйо – говорят о том, как странно ведёт себя незаконный сын господина Айери.

– Можно предположить, что этот мальчик, светленький

детёныш моего дорогого товарища, всего лишь пожелал прокатиться среди родных снегов своей матери, – в голосе Нерайэ Уррэйва слышалась неожиданная беспечность. – Ты подозреваешь его в измене, Алиле, но, раз все говорят, как странно он ведёт себя, быть может, мы имеем право предположить, что у него всего лишь над крышей не все звёзды мерцают? Что скажешь?

– Тот день я не спала, – продолжила айэ Алийерэ. – Я дождалась первых мгновений заката и выскользнула наружу из перьев облака, в котором укрывалась. Я стерегла Эламоно Лэйни. Он вернулся без своих свитков. Следующую ночь я провела, каждые несколько часов появляясь на Дождеоблаке. Я нашла комнату Эламоно Лэйни и проникла в неё. По-видимому, никто никогда не следит за тем, чем занят этот странный ребёнок. Сумев открыть запертую дверь в его комнату, я обыскала всё, что успела. Я нашла у него в комнате много книг по истории и воинскому искусству. Видимо, это книги из библиотек Дождя и Ветра. Повторяюсь, Эламоно Лэйни никто не давал образования. – Анэйэ молчал на это уже во второй раз. – А также нашла совершенно новый свиток, изготовленный из нитей солнцепряды.

– Хм?

– Конечно, это был свиток со Светлых Небес. Резь в глазах помешала мне прочесть, о чём там говорится. Но я увидела слова «сердца стихий». И не было сомнений, что чернила и почерк принадлежали не уррайо.

Анэйэ был потрясён и заинтересован.

– О Алиле, – проговорил Нерайэ Уррэйва. – Милая дочь. Это всё достойно того, чтобы быть вынесенным на обсуждение собора. Но Эламоно Лэйни всего лишь ребёнок, а ты говоришь о его прегрешениях так серьёзно, – не было понятно, шутит ли отец, – будто желаешь, чтобы мы обезглавили его.

– Я лишь предполагаю его вину в измене.

– Я не отрицаю здравости твоих суждений. Небо благословит Тьмой твоё храброе сердце. Дай мне свою руку. Твои руки были обожжены Солнцем? Бедная девочка. Конечно, мы обсудим всё это. Я, Айери Лэйо, все мы. И ты тоже будешь присутствовать и выносить свои обвинения. И глупый детёныш, которого могли использовать враги, тоже там будет. Мы проникнем в его комнату, найдём этот его свиток, пригрозим ему, узнаем всё то, что он уже рассказал своим Светлым братьям. Вот только, – усмехнулся он, – что же скажет по этому поводу наш будущий Тёмный повелитель?

Анэйэ удивился и посмотрел в сторону отца.

– Да? – спросил он.

– Этот светленький детёныш, Эламоно Лэйни, он же брат твоего риндо Эррамуэ. Я слышал, вы неплохо дружите с юным Эррамуэ. Разве не так?

– Мы дружим, – задумавшись, подтвердил Анэйэ. – Это так.

– О мальчик мой, не бойся, я не собираюсь обвинить твоего риндо или тебя в содействии загадочным целям Эламоно

Лэйни. Я просто спрашиваю, на чьей стороне выступишь ты?

– Я... должен буду выступать в соборе?

– Конечно, сын мой, – почти весело сказал Нерайэ Урр-эйва. – Если ты не должен, кто же ещё должен? Ты скажешь своё слово и проголосуешь, как все. А за кого прозвучит твоё слово?

Анэйэ всё понял и глубоко задумался.

– Айэ Алийерэ права, – сказал он наконец. – Конечно, она права. Всего, что она перечислила, хватит для того, чтобы обвинить этого белого уродца в измене.

– Анэйэ, – укорил его отец со смехом, – не называй так господина Лэйни. Пусть он ребёнок и лишь наполовину такой как мы, в нём есть капля крови уррайо, и этим он выше всех, кто ходит по Тверди и по Светлым Небесам, вместе взятых.

– Но ниже нас, – заметил Анэйэ. – Извините, отец.

– Эррамуэ – твой хороший товарищ, – произнесла айэ Алийерэ. Анэйэ услышал в её голосе лёгкое смущение. – Я пойму, если ты пожелаешь найти опровержение моим словам. Нет ничего постыдного в том, чтобы попытаться защитить брата своего друга.

– Алиле права, сын мой. Что скажешь?

Анэйэ улыбнулся сам себе, дёргая скатерть за кисточку от волнения.

– Я подумаю.

...

Подумать ему не удалось. Когда дети, закончив есть, встали из-за столов, поблагодарили отца за оказанную честь и вместе покинули трапезную, отправившись во тьму коридоров каждый по своим делам, айэ Алийерэ спросила негромко, так, чтобы эхо не подхватило её голос и не принялось резвиться, швыряя его о стены и потолок и донося до ушей любого желающего:

– Анэйэ, это вы с Эррамуэ научили Эламоно Лэйни читать и писать?

Анэйэ не видел смысла теперь лгать. Он не знал, хватило бы ему духу соврать на прямой вопрос сестры в любой другой день и при других обстоятельствах, но сейчас, после того как в трапезной прозвучало обвинение в измене, он и не подумал таить правду.

– Мы.

Они шли бок о бок, и звуки их шагов, синхронные, ровные, гулко растворялись во мраке.

– Но, айэ Алийерэ, – Анэйэ не знал, что заставило его говорить это, – что бы ни было на уме у белого уродца, Эррамуэ точно ни при чём.

– Да? – тень странного раздражения ясно прозвучала в вопросе Алийерэ.

– Он слишком много внимания уделяет своему незаконному брату. И мне порой надоедает скрываться и рисковать только ради того, чтобы передать уродцу сведения из книг,

которые я читаю с наставниками. Но сам Эррамуэ не предатель. Я точно знаю, айэ.

Алийерэ остановилась в темноте, и Анэйэ последовал её примеру. Они стояли в узком переходе между двумя частями замка – жилой, где обитали Уррэйва, и рабочей, где находились библиотека, большой тренировочный зал, все комнаты наставников и галерея Кары Небесной. Здесь их точно никто не мог подслушать. Кроме того, народу в Тёмном замке водилось до неприличного мало, даже в эти суматошные ночи.

– Анэйэ, запомни мои слова, – проговорила айэ Алийерэ. Наследник слушал внимательно, старался запечатать в чертогах своей памяти искренне. – Не давай сведений, за правдивость которых не можешь быть готов пролить своей крови. Неважно, что говорит тебе сердце. Не оглядывайся на чувства. Истина имеет значение. Всё.

– Хорошо, – тихо, серьёзно сказал Анэйэ. – Эррамуэ не предатель. Я готов поклясться на своей крови.

Сестра вздохнула. Это был вздох разочарования.

– Что же, – холодно промолвила она, – твоя песня – твои слова. Впрочем, я давно знала о том, что вы с Эррамуэ учите Эламоно Лэйни. Довелось пару раз увидеть, как неумело вы скрываетесь от чужих глаз. Знала и сохраняла в тайне, поскольку решила, что это не повлечёт за собой большой беды.

– Но перед отцом... ты не сказала об этом, – произнёс Анэйэ небыстро. – Почему? Боишься, что нас отругают?

– Нет.

Её тонкие пальцы легли на плечо приёмного брата.

– Анэйэ, – сказала она.

Наследник стоял спокойно. Он услышал шорох одежды и понял, что сестра села рядом на корточки, чтобы поравняться с ним в росте. От неё пахло морозом, холодной водой и Луной. Домом.

Он, десятилетний мальчик, стоял перед ней, взрослой шестнадцатилетней женщиной, которая всегда была рядом – всю его жизнь. Анэйэ надеялся, что она верит: младший брат и будущий повелитель не разочарует свою первую наставницу.

– Отец не забудет того, что я сказала сегодня, – медленно, чётко говорила она. – Он соберёт совет. На совете мне нужно будет повторить всё, что я знаю. Чтобы мне поверили, мне нужно как можно больше фактов. Слышишь? Как можно больше.

Анэйэ кивнул, зная, что она увидела движение его головы.

– И я скажу, что Эламоно Лэйни неоткуда было получить образование. Это знают все. Некому будет мне возразить, и тогда он будет наказан по справедливости. Если ты или Эр-рамуэ признаетесь, что обучали его, веса моим обвинениям это убавит немного. Однако если вы промолчите, то утверждения одного лишь Эламоно мало чего будут значить. Все рассудят, что он научился грамоте там же, куда уносил эти свитки и откуда приносил новые. И тогда против него будет больше фактов.

– Айэ Алийерэ, ты хочешь, чтобы я не говорил, что учил его? – спросил Анэйэ прямо. – Ты бы могла просто попросить меня не говорить. Я могу чего-то не понимать во взрослых делах, но я не стану признаваться в том, что делал это. Если ты так хочешь.

– А твой друг Эррамуэ? – мягко спросила сестра. – Если ты его попросишь, он встанет на твою сторону или будет пытаться защитить брата?

Анэйэ подумал.

– Он может не послушать моих слов. Да, он не послушает ни меня, ни тебя. Он будет утверждать, что сам научил всему уродца. Может, даже попытается на себя перетянуть часть вины, – наследник хихикнул. – Он порой ведёт себя как дурак.

– Что же, – айэ Алийерэ поднялась, её цепкие пальцы отпустили плечо брата. – Если он так и поступит, задумайся о том, насколько хороший из него друг. Если он ради предателя готов не принять твоей стороны.

Анэйэ склонил голову. Его собственные мысли и чувства не были ему по душе.

– Айэ Алийерэ, – окликнул он слишком тонким голосом. – А уродец Эламоно точно предатель?

– Ты сомневаешься в моих словах? – в её голосе было искреннее удивление.

– Нет, но я сомневаюсь в его умственных способностях. Он всегда неплохо запоминал то, чему я его учил. Но он пуг-

лив как животное. Он не способен даже украсть еду с кухни, всегда ждёт, чтобы Эррамуэ накормил его. Я не думаю, что ему бы хватило ума и отваги стать шпионом для Светлых Небес.

– Что же, – насмешка скользнула ледяной рыбкой в словах айэ Алийерэ. – Дурак он или нет, но мои глаза меня никогда не обманывают. Мы узнаем это у него или, если понадобится, у его друзей-узурпаторов. Истина, айле, восторжествует.

И, сама такая же холодная и возвышенная, как истина, Алийерэ широким шагом отправилась в сторону той части замка, где находилась Тёмная библиотека. Анэйэ ещё немного постоял, думая.

Потом он улыбнулся и, не видя ни зги, но безошибочно ориентируясь в кромешной Тьме коридоров, направился в сторону наставнических покоев.

Глава 4. Каменная Твердь. Уроки жизни для молодого царевича

Перед ними раскинулся бесконечный Кьерро. Могучие вершины, покрытые снегом, далеко на севере цепью сковывали горизонт, ниже взгорья помельче – где гладкие, словно холмы, где изгибающиеся кверху, как коты после дневного сна, где острые и скалистые, ощерившие клыки на клубья белоснежных облаков. Со стороны самых дальних и самых высоких гор дул ледяной ветер, и от его дыхания даже внутренности будто покрывались ледяной коркой. Бесёнок под седлом Кетъяро совсем не волновался, напротив, с наслаждением вдыхал холод и широко раздувал ноздри, поматывая головой. Всегда внимательный к поведению коня, мальчик погладил животное по загривку.

– Как тебе вид? – осведомился отец. Калир Кирине, царь Тверди земной, был стареющим мужчиной, который доживал первую половину своего века, но выглядел по-юному поджарым и крепким. У него было худое лицо человека уставшего, но довольного своей жизнью и уверенного, что после смерти он оставит потомкам лучший мир. Солнечные лучи мягко золотили короткую бороду и усы государя, он улыбался спокойной отцовской улыбкой. Кетъяро, переведя на него взгляд, тоже улыбнулся.

– Отец, Кьерро отсюда выглядит завораживающе. Мне кажется, если я направлю Бесёнка к краю скалы, он не упадёт вниз, а воспарит, как облачный лев, и мы вместе с ним полетим за солнечным хвостом в Небо.

Калир Кирине усмехнулся.

– Не пугай меня, кье-Шеро. Бесёнок – не облачный лев, даже не думай.

– Конечно, отец, – Кетъяро потрепал коня за холку. – Конечно, я просто так выразился. Это просто мои ощущения.

Где-то далеко стрелой пронзил леденеющий воздух крик горного орла.

– Хорошо, что в тебе есть такие ощущения, мой мальчик, – в голосе отца слышалось спокойное одобрение, хорошо знакомое Кетъяро и горячо им любимое. Вероятно, подумал царевич, каждый, у кого есть отец, знает и любит этот особенный тон, призванный вселить уверенность, помочь почувствовать себя достойным мужчиной. – Большое сердце и великие мечты – то, что должно быть у обладателя Камня Царей. Ты молод, сын мой, но у тебя есть и то, и другое.

Сделав короткий знак рукой, отец отвернул своего коня от обрыва и медленно направился к извилистой скалистой тропке, которая вывела их сюда несколькими минутами ранее. Повинуясь, Кетъяро устремился следом. Бесёнок фыркал и сбивал шаг, трясая мордой – ему не хотелось покидать обрыв и возвращаться на долгий неудобный маршрут, опять

пробираться по узким горным дорожкам, на каждом повороте рискуя сорваться вниз.

– Потерпи, дружок, – тихо сказал царевич, глядя чёрную лохматую гриву, украшенную у холки искусно сплетёнными тонкими косичками. – Отец обещал, нам идти совсем недолго.

Бесёнок был из породы крао – коней-скалолазов. Широкие копыта и мощные задние ноги небесами даны им для того, чтобы покорять хребты Кьерро-Крао. Но, как и всякий юнец, Бесёнок был строптив и своенравен. Отёсанные гранитные камушки, опоясывавшие шею жеребчика на тонких, прочных шёлковых ниточках, предназначались для того, чтобы дивные благословенья гор и Неба не давали ему показывать норы в неподходящих ситуациях – но, видимо, против лени и капризов Бесёнка и эвелламе были бессильны. Камушки его только раздражали, когда стучались о шею, и он всё усерднее мотал головой туда-сюда, фырчал через нос и хлопал себя хвостом по бёдрам.

– Я говорил, что тебе лучше было поехать на Волкодаве, – вздохнул Калир Кирине. – Мне тревожно за тебя, когда ты верхом на этом бесе.

– Бесёнок не подведёт меня, – заверил Кетъяро. – Я знаю. Он строптивый, но аккуратный, кроме того, если нам придётся спастись от стаи саблезубов, нас с ним ни один не догонит.

Калир Кирине беззвучно усмехнулся.

– Ты говоришь с рассудительностью зрелого мужа, не ребёнка. Горжусь тобой, кье-Шеро.

Бурый каменный песок под лошадиными ногами медленно бледнел – солнце поднималось над горами.

Кетъяро было почти тринадцать. Чуть более, чем через год, он станет взрослым человеком – и должен будет готовиться, если что, в полной мере разделить со своим отцом бремя власти. Он не чувствовал особого волнения по этому поводу, ибо знал, что, обучаясь с детства у отца, он не мог не справиться. Он знал, каким должен стать правителем – знал лучше всего на свете. Это было просто, как то, что за закатом следует ночь. Он должен стать достойным правителем – действительно, чего же тут сложного?

Достойным правителем стать легко, если ты понимаешь значение слово «достойный». А разбираться с понятиями легко, если ты сын царя и живёшь как горный пик, от рассвета до рассвета купающийся в облаках и занятый одним – постиганием мудрости.

Царевич Тверди с детства ни в чём не нуждался, в его распоряжении было всё – конечно, те блага, которые многим крестьянам и ремесленникам гор, долин и степей только снятся в безумных снах – сытная пища, красивые одеяния на каждый сезон, крыша над головой в виде изукрашенных бесчисленными гравюрами потолков царских палат. Любой каприз его, связанный с приобретением чего-либо материального, сразу же исполнялся стараниями царственных родите-

лей. Не то чтобы Кетъяро был капризным сыном – нет, в одном только отношении. Он, выражаясь возвышенным языком сказительниц, любил жизнь во всех её проявлениях. Его собственный заповедный лесок за пределами дворца (Калир Кирине подарил эту землю сыну на десятилетие) был заселён волками, шакалами, орлами, архарами, оленями и конями всех мастей. Естественно, все они жили отдельно друг от друга. Десятки личных слуг царевича следили днём и ночью за тем, чтобы медволки не пробрались на лошадиное пастбище и не перегрызли всех копытных любимцев венценосного животновода, чтобы кугуары не перелезали через изгородь в оленью дубравку и так далее. Помимо укротителей волков и конюхов, у Кетъяро был целый отряд собственных лекарей, ведающих звериным здоровьем: большинство его питомцев были неудавшимися жертвами горцев-охотников, трёхногими, однокрылыми, потерявшими родителей в раннем детстве. Всей этой ораве требовались еда, вода, уход, определённая свобода действий, во многих случаях воспитание. Чтобы обеспечить сынову увлечение, Калир Кирине потратил золота столько, сколько наёмник южных земель не видал за всю свою жизнь. А, как известно, в Огненном княжестве наёмническое ремесло уже не одну сотню лет является самым прибыльным из существующих...

Словом, жизнь юный царевич проводил в хлопотах над своим зоосадам и в постоянном овладении мудростью предков. То есть, внимательно слушая отца и запоминая

каждое его слово. Калир Кирине был родителем не только щедрым, но и ответственным. Произведя на свет одного-единственного сына, он решил на том и остановиться – вместо того, чтобы заводить ещё тройку-другую, как свойственно некоторым князьям, чтобы эта тройка потом меж собой перегрызлась до очередной усобицы, лучше уж все силы направить на то, чтобы сделать достойного человека из одного ребёнка. Со своей целью Калир Кирине успешно справлялся на протяжении почти тринадцати лет. Царевич Кетьяро не был подобен единственной розе на грядке, поглощающей без остатка лучи внимания нянек-мамок, благородного отца и верных слуг. Он скорее был горной луноцветицей, скромно притаившейся у скалистого выступа и дни напролёт внимающей голосу гор, смиренно обучающейся, чтобы потом переродиться гордым орлом. Когда отец хвалил его, Кетьяро, несмотря на природную порядочную скромность, чувствовал твёрдую уверенность, греющую сердце: хвалят его на зря. Он не только собирался стать достойным правителем, он, конечно, и станет таким.

Шаманы Нижнего Дола говорят: как начнёшь охоту, так и закончишь. Если вышел из дому понурый, сетуя про себя на вечно недовольную жену, шумных детишек и плохую погоду, то как бы ни были быстры лапы твоих гончих, как бы ни пели звонко рожки, не поймаешь и оленьего хвостика. «Охота» Кетьяро начиналась просто замечательно – с какой стороны ни глянь.

Царевич с детства присутствовал на всех званых вечерах Калира Кирине. Отец собирал в своих палатах Каменную верхушку, пил с ними вино, после – выезжал в горы. «Даже если не хочется никого видеть, даже если единственное, чего ты желаешь – запереться в своих покоях и дни напролёт смотреть в окно, считая души звёзд и лучи солнца, это не освобождает тебя от выполнения твоих обязанностей. И первая из них – общаться с теми, с кем тебе общаться не хочется. Дружить с теми, с кем дружить невозможно. Идти на уступки на словах, соглашаться со всеми для виду, никогда не забывая о своих целях. Быть вежливым, но непреклонным...» Так вёл себя Калир Кирине, и Кетъяро наблюдал за ним, сидя по правую руку от отца за длинным столом в главном помещении дворца, впитывая отцовское поведение как губка. Банкеты эти были скучны, при всём стремлении царевича овладеть магией власти. Но сейчас всё было по-другому. Последние дни обучение Кетъяро шло в несколько другом формате.

«Недостаточно иметь дружеские отношения с князьями и благородными господами своего края, – сказал четыре дня назад отец. – Ты – не только будущий царь Тверди, ты – князь Камней и Гор, и свой каменный народ ты должен знать так же хорошо, как и повадки власть имущих».

Сейчас они скакали по юго-восточным отрогам Кьерро-Крао на границе княжества Краооского и Нижнего Дола, обогнав сопровождающую их свиту на несколько сотов

и отклонившись к морю на половину этого расстояния. Горы здесь, как и большая часть Нижнедольских земель, были почти необитаемы, и путники не опасались атак воинствующих горцев, не признающих власть царей. Кугуары, медведи и медволки могли доставить некоторые неудобства, однако царь с сыном старались отдаляться от стражи на такое расстояние, чтобы быстро вернуться под защиту воинов-телохранителей в случае атаки хищников не составило труда. Начинался день, Небесные Песни на невидимых крылах парили в вышине, темнеющие облака обещали снег, и Кетьяро, с упоением вдыхая колючий воздух, любовался окружающим пейзажем.

– Сейчас вернёмся к нашим, дружок, – шепнул царевич, обращаясь к Бесёнку. – Разобьём лагерь в самой удобной расселине во всех горах. Ты отдохнёшь. Дождёмся Натиианно и спустимся к ближайшей деревне самой короткой дорогой. Там тебя и накормят, и помогут, дружок, вот увидишь!

Овёс, взятый в дорогу, был Бесёнку не по нраву. Царский конь любил морковь и свеклу и начинал по-жеребьячьи капризничать, долго оставаясь без любимого десерта. Кетьяро надеялся, что в деревушке ремесленников, которую они собирались посетить, у жителей найдётся для привередливого животного несколько клубней свеклы – хоть чем-то бы порадовать Бесёнка. Конь отца, светло-гнедой Колдун, всю дорогу презрительно косился на юного собрата с высоты своих опытности и спокойствия и, раздражённый, под конец пути

тоже начал вскидывать шеей, как будто негодуя: «Какому-то нахальному пареньку прощают его бесстыжее поведение, а я иду спокойно и подчиняюсь, нечестно же!»

– Твой бес подаёт плохой пример моему жеребцу, – проговорил Калир Кирине. – Смотри-ка, что вытворяет.

– Извините, отец! – отвечал Кетьяро. – Не беспокойтесь, когда мы вернёмся и устроим лагерь, я хорошенько присмотрю и за Бесёнком, и за Колдуном.

Вернулись очень скоро – не прошло и четверти часа. Двадцать два человека сопровождающих, в их числе – дружина из четырнадцати верных воинов, не первый год служащих лично царю Кирине, пятёрка ринтов-оруженосцев и стряпничий с мальчишками-поварятами, совместными усилиями за короткий срок обеспечили царственной семье роскошную палатку из красной позолоченной ткани родом прямиком со Схиффских островов, в которой можно было передохнуть, и сытный обед – горячая похлёбка с рёбрышками только что подстреленной куропатки. Поев, Кетьяро отправился выполнять обещание – кормить с рук коней и расчёсывать им спутанные за день гривы. Он был совершенно поглощён процессом и самозабвенно разъяснял смирно взирающим на него снизу вверх маленьким помощникам стряпничего, как правильное расплетать колтуны в хвостах породистых краосцев, когда короткий звук рога предупредил о том, что их скромную стоянку обнаружила другая процессия во главе с не последним человеком в этих горах.

Спустя половину часа приветствий и обмена новостями да вежливыми оборотами речи, которые принято посвящать друг другу при встрече у правителей Тверди земной, они продолжили путь. Вновь прибывший господин – кежен Натианно Якьерро, двадцатилетний властитель всего Кьерро-Крао, вступивший в свои права после преждевременно наступившей старческой болезни у его отца, а также человек, заменявший царевичу Кетъяро старшего брата, – возглавив со своей дружиной отряд, повёл их в ту самую деревеньку, ради которой верхушка венценосной семьи и проделала весь этот путь.

«Старший брат» – сколько всего сплелось в звучании этих слов для имеющего счастье родиться младшим в семье! Кетъяро мало того, что был первым сыном, так ещё и твёрдо знал о том, что родители не собираются заводить детей помимо него. Ему на роду было написано лишиться приключений, царящего в семье духа соперничества и поддержки, совместных заслуг и совместных наказаний, всего этого счастья, что полагалось другим мальчишкам, которым повезло иметь старших братьев. И даже если бы царская чета когда-либо решила всё-таки дать жизнь ещё одному Кирине, то тогда уже самому Кетъяро бы пришлось стать старшим... кроме того, разрыв по возрасту между ним и маленьким братиком был бы слишком велик, что помешало бы образованию такой крепкой связи, какая существовала в других семьях с несколькими детьми. Кетъяро стал бы для малыша вторым

отцом, но не старшим товарищем. Да и, признаться, куда более ему хотелось всё же иметь друга-наставника-поддающегося-соперника в одном лице, а не быть им для кого-то. И ещё сильнее это желание овладевало им в раннем детстве, когда он видел семьи столичных дворян и кеженов окружающих княжеств.

Каждый раз, когда юный Натианно Якьерро приезжал погостить в столицу Камня, Кетьяро становился сам не свой от радости. Отец Натианно хотел наладить дружбу между своим кеженством и царской семьёй (благо, его предки занимались совершенно противоположным), и Натианно служил ему тросом, который желающий свести две скалы вместе перекидывает через ущелье столетий недопонимания и вражды. Калир Кирине не был против, наоборот, всячески приветствовал стремление вассалов возводить мосты к громаде стольного Камень-Града, и Натианно проводил вдали от дома недели, наблюдая за обучением Кетьяро, ведя долгие беседы с царём и читая книги в своей комнате. Молодой кежен Якьерро недолюбливал живность и боялся волков с кугуарами, и царевич никогда не показывал ему свой зверинец, но зато очень многое рассказывал – приходил в комнату гостя, садился рядом с ним на большую скамью, покрытую пледом, плетёным из шерсти редких олених-рогоносиц, и болтал что-то об этих самых оленях, о том, что они едят, об образе жизни филинов и неясытей, об отношениях между самцами каменных медволков в стае и так далее, и тому подобное. А

Натианно Якьерро слушал и слушал. Он был старше Кетьяро всего на семь лет и по уровню спокойствия, хладнокровия, дружелюбности в поведении, по умению вовремя восхищаться подходил на роль старшего брата просто идеально. Выслушав то, что накопилось в душе царевича, Натианно после начинал рассказывать сам – истории, которые прочитал в своей библиотеке, случаи, которые происходили с ним и его отцом-кеженом в долгие холодные ночи на мысе Якрао. Краосское кеженство – самое северное на Тверди, и приключений на долю будущего правителя этой земли выпадало немало. Так они и болтали долгие часы напролёт. Кетьяро знал, что болтовня – не единственное, чем можно заниматься со старшим товарищем, однако он был благодарен Натианно хотя бы за это, и большего просить не смел.

Кежен Якьерро не первый год считался взрослым мужчиной, он уже держал на своих плечах булыжник тягот, неизбежно отравляющих жизни всем власть имущим, и даже имел двух сыновей трёх и полутора лет от роду. В последние годы Кетьяро виделся с ним реже и реже, но это не мешало сохранять им тёплые отношения. Вот и сейчас, добившись разрешения у отца, Кетьяро вывел Бесёнка из ровного конного строя и погнал его вперёд, к голове отряда. Натианно ехал вторым после проводника из местных. Конь под кеженом был статен и тёмно-бур, как ночь, осевшая росой на горный пик, на его морде свежим снегом белела длинная полоса от лба к самому носу.

– Красивый жеребец, – сказал Кетъяро, подъехав к другу слева.

– Красивый, – с кривой улыбкой согласился Натианно. Он держался в седле с идеально ровной осанкой, как солдат на праздничном выезде. – А как же вежливое приветствие, царевич?

– Извините, кеже Якьерро. Мы уже виделись, и я решил, что не случится худого, если я заговорю с Вами так, – учтиво проговорил Кетъяро и поправился: – Могу я завести с Вами разговор и оценить по праву красоту вашего краоссца?

– Можете, – одобрил Натианно. – Прежде мы говорили с Вашим отцом, но личное общение начали только сейчас, и потому Вам следует приступить к нему как положено. Постарайтесь впредь не забывать о правилах приличия, всё-таки рано или поздно Вам придётся общаться не только со мной, но и со многими незнакомыми, возможно, щепетильными до этих дел кеженами, стайе и прочими мерзавцами. Ну а теперь можем перейти на неформальное общение. Как жизнь, братишка?

Кетъяро улыбнулся до ушей и честно ответил:

– Всё здорово! Я никогда раньше не был так далеко от Камень-Града. Здесь так красиво! Горы, Небо, облака. Кажется, собирается снег. Когда эти прекрасные места оденутся в саваны Небесного благословения, здесь станет ещё великолепнее!

Натианно усмехнулся.

– Здесь редко идёт снег в месяц Бесов.

– Это и к лучшему, коням не придётся мёрзнуть и калечить ноги, застревая в снегах и поскользываясь на льду. Кстати, Натианно, как зовут твоего коня и сколько ему лет? Я никогда не видел краосса такой глубокой бурой масти.

– Цветень, два года. Я назвал его так за то, что на морде его будто распускается белый цветок. Он совсем молод и очень хитёр, сладить с ним трудно, хотя он выглядит спокойным. Недолюбливаю лошадей с характером, но этого мне подарил жеребёнком жежен Экьяно. Отказаться было себе дороже, сам понимаешь. А у меня как раз тогда не было жеребца.

– Когда остановимся, я пообщаюсь с Цветенем и посмотрю, насколько он хитёр!

– Как угодно, юный царевич.

Сорок минут спускался отряд к деревне, всё это время Кетьяро и Натианно провели, обсуждая случившееся за месяцы разлуки и грядущее, сокрытое за туманной завесой. Натианно нисколько не изменился, даже став полноправным властителем одного из крупнейших и важнейших жеженств севера. Он по-прежнему был надменен и остёр на язык, прохладен и прям, как стальной клинок, но говорил с Кетьяро не как с ребёнком, а как с младшим товарищем – чего же ещё нужно от старшего брата? Дорога не была скучной, но конец долгого путешествия царевич встретил с воодушевлением.

Он сидел на Бесёнке, которого взял под уздцы один из

дружины, и рассматривал представший перед ним вид. Отец спрыгнул с коня и вместе с Натианно пошагал в сторону своевременно высыпавших к ним из небольших домиков мужичков скромного вида, но с бородами по колёно – старейшин деревни. Жители были готовы к тому, что их навестят царь с сыном, и старейшины вели себя дружелюбно. Мальчишки и девчонки всех возрастов подглядывали за царственными гостями из-за частокола изгородей, слышался плач младенца – молодая девушка лет семнадцати стояла на пороге деревянного большого шалаша, который, по-видимому, играл роль основного стана вождей деревни, и на руках у неё отчаянно заливался слезами закутанный в тряпье малыш. Женщина как зачарованная глядела на царя, перед которым главный старейшина, поднявшись с колен, рассыпался в приветствиях и словах благодарности, и в глазах её плескался благоговейный страх, будто бы она смотрела не на человека из плоти и крови, а Небесного Владыку, спустившегося на землю верхом на крылатом льве. За ногу женщины с младенцем цеплялся мальчик, которому было не больших двух лет на вид, и Кетъяро обратил внимание, что малыш смотрит в его сторону. Прошло несколько мгновений, и их взгляды встретились. Кетъяро почувствовал себя неуютно и отвёл глаза.

Деревня, носившая название «Отчий лом», не выглядела ни как процветающая, ни как умирающая с голоду. Горные люди живут не за счёт земледелия, а за счёт ремесленниче-

ства – эта деревенька была основана каменщиками, работающими на Нижнедольских кеженов. При этом часть выручки за работу они отдавали Натиианно Якьерро, прежде – его отцу, ещё прежде – отцу его отца. Жизнь в горах несравненно тяжелее жизни на равнинах, ведь для того, чтобы прокормить деревню, мужчины вынуждены большую часть жизни проводить в подземельях на чужбине с ломami в руках, а женщины и дети – в одиночку вести быт, водить на пастбища в долины невеликие стада коз и овец, каждую неделю собирать отряды, чтобы те спускались в города за провизией, какую не добудешь среди голых скал. Старейшины руководили деревней в отсутствие молодых мужчин, ушедших в каменоломни. Денег, добываемых жителями, хватало на жизнь и на выплаты кежену и царю, но особых излишков явно не водилось. Все дома, не считая шалаша вождей, представляли из себя небольшие каменные кубики, похожие на робких черепашек, укрывшихся в панцирях и притаившихся между серых и бурых булыжников. На детях и женщинах были однотонные одёжки из жёстких дешёвых материалов, облачения старейшин выглядели побогаче, но ни один из их потрёпанных ветрами и временем плащей, подбитых шерстью, не сравнился бы по красоте и изысканности и с самым последним из полушубков Кетьяро.

Подумав об этом, царевич вдруг опять посмотрел на того мальчика, что по-прежнему стоял, вцепившись в ногу матери. Через некоторое время Кетьяро пришёл к выводу, что

мальш смотрит вовсе не на него самого, а на его роскошный воротник из меха серой лисицы. Будучи большим любителем лисиц, не только серых, но и всяких, Кетъяро запрещал калечить животных себе на одежду, так что шерсть для его воротника около трёх месяцев собирали с одной из обитательниц его зверинца. Очень пушистый, воротник служил не только для утепления, но и как украшение, показатель богатства того, кто его носил. В Каменном княжестве только знать могла позволить себе подобную роскошь. Кетъяро подумал, что вряд ли этот мальчик понимает, какую ценность из себя представляет мех серой лисицы...

– Послушай, Натианно, – окликнул царевич, когда стайе Якьерро направил своего коня к пригорку, на котором ждали распоряжений его собственная и царская свиты. – Мне кажется, этим людям недостаёт тёплой одежды. В горах холодно даже без снега, а посмотри, даже у маленьких детей тулупы выглядят прохудившимися от старости.

Натианно коротко хохотнул. Калир Кирине закончил говорить со старейшинами и тоже поскакал к своей дружине, пока бородатые старики раскланивались ему в спину.

– Горные жители привыкли к холоду, братишка, – сказал Натианно. – Это ты мёрзнешь, как куцый волчонок, когда снег едва покрывает щебень. Здесь, на этой земле, первое, что делают отцы с новорождёнными сыновьями, – опускают их в дикую воду, не обращая внимания, зима или лето на улице. Если месяц Спокойного Сна, выдалбливают прорубь

в ближайшей речушке. Почти все дети выживают, и после этого уже никакой холод им не страшен до конца жизни.

– Правда? – заинтересованно спросил Кетъяро. Этот обычай показался ему жутким, но он поглядел на деревенских людей с уважением.

– Правда. Местные переняли это у дикарей с Камнестража. Но на Камнестраже у них большая часть детей умирает, не успевают их достать из лунок. Здесь всё же зимы много мягче.

– Что за ужасы ты рассказываешь моему сыну? – с улыбкой спросил Калир Кирине, подъезжая к ним верхом на Колдуне.

– Описываю обычаи нашего народа. Так что же, Ваше Величество, Вы получили то, чего хотели?

– Да, – кивнул царь. – Всё идёт хорошо. Старейшины этой доброй деревни говорят, что расскажут моему сыну, как устроена жизнь в каменоломнях, а женщины проведут нас на ближайшее пастбище и покажут, как они справляются с работой в отсутствие мужчин.

Подросли несколько пожилых мужчин и совсем молоденьких юношей в такой же простой одежде без лисьих воротников. Кетъяро и все остальные путники слезли с лошадей, а жители деревни, подхватив коней за уздцы, повели их куда-то за деревянный шалаш. Кетъяро провожал взглядом Бесёнка – его вёл мальчишка ненамного старше самого царевича. Когда конь принялся мотать головой и упираться, юно-

ша сказал ему что-то и несильно похлопал по плечу, и Бесёнок тут же унялся и опустил хвост. Царевич ощутил жгучую ревность.

– Отец, я смогу побыть потом с лошадьями? – спросил он. Калир Кирине лишь кивнул, его мысли были где-то далеко.

Они прошли к шалашу. Женщина с детьми тут же куда-то юркнула, исчезнув из поля зрения. Старейшины обращались к Кетъяро «Его Высочество», говорили с ним так, будто это он был их старше на много десятков лет. Царевич с улыбкой принимал их почтение, но ему было как-то беспокойно. Он незаметно украдкой оглядывался, чтобы увидеть, если вдруг тот мальчик, который смотрел на него издали, заглянет в шалаш. Отец заметил его рассеянность и неодобрительно покачал головой. Тогда Кетъяро отставил прочь мысли о мальчике и сосредоточился на рассказе старейшин.

Он, к своему стыду, слишком легко терял нить повествования, потому что речь стариков была сбивчивой и наполовину звучала будто на другом языке – видимо, книг здесь не читали и грамоты не знали. Проходило несколько мгновений, прежде чем он догадывался, что хотели ему сказать. Каждый из старейшин поделился рассказами из своей молодости, из времён бесконечной работы в подземельях, порой без возможности даже испить воды, не выполнив дневную норму, установленную надзирателями. Затем появилась девушка восемнадцати-девятнадцати лет, очень неухоженная и лохматая, как горная овечка. Она повела царственных го-

стей в сторону пастбища. Кетъяро смотрел на неё, как на существо из другого мира – юбка её была коротка, под ней виднелись мужские длинные штаны. Девушка была такой некрасивой и необычной на вид, что Кетъяро засомневался, уж не юноша ли это, назвавшийся женским именем.

– Извините, повторите Ваше имя, пожалуйста, – попросил он по пути к пастбищу через скалистую тропку.

– Кийрафа, Ваше Высочество, – послушно произнесла девушка, скользнув по царевичу холодным, как горный ветер, взглядом, но не забыв неуклюже склонить голову.

Тут Кетъяро понял, что хочешь не хочешь, а придётся задавать вопрос напрямую.

– Извините, у Вас женское имя, – учтиво начал он. – Очень красивое женское имя. Но мне кажется, что Ваша одежда больше похожа на мужскую. Могу я узнать, кто Вы... на самом деле?

Девушка остановилась – остановились и все те, кто следовал за ней. Через мгновение взгляд её потеплел, она громко расхохоталась.

– А во что, по-Вашему, превращается девка, одевая мужские тряпки?

Кетъяро очень смутился её внезапному веселью, только сказал сам себе: «Видимо, всё-таки она девушка».

Натианно, который тоже их сопровождал, заметил с насмешкой:

– Как я вижу, нынче потешаться над членом царской се-

мьи для моих людей нормально.

Тут же замолчав, Кийрафа вздёрнула подбородок, развернулась и приготовилась зашагать дальше, но стайе Якьерро сказал:

– Стоять.

Она замерла на месте.

– Его Высочество задал вопрос, и этот вопрос остался без ответа, – голос Натианно звучал очень спокойно, без каких-либо угрожающих ноток, но Кетъяро ощутил, как ледяные иглы будто вонзаются меж его позвонков от этого голоса. Он представил себя на месте девушки, и ему стало ещё более не по себе.

– Извините, – слегка приглушённо произнесла Кийрафа. Она осторожно оглянулась и слегка склонила голову. – Я на самом деле женщина.

– Тебе следует извиняться не передо мной, – проговорил Натианно. – Ты посмеялась не надо мной, а над Его Высочеством.

«Святые Небеса», – взмолился про себя Кетъяро. Ему очень захотелось провалиться сквозь Твердь.

– Извините, – уже совершенно без следа веселья обратилась к царевичу Кийрафа и даже слегка присела в дурацком поклоне: – Ваше Высочество.

Натианно Якьерро и этим доволен не остался. Он опять обратился к девушке:

– Как будто бы ты делаешь кому-то одолжение. Я, твой

кежен, должен разъяснить тебе, как именно ты должна просить прощения у Его Высочества?

– Что мне следует сделать? – спросила Кийрафа. Наверное, её вопрос был неуместен, и она это поняла, потому что тут же вся подобралась, как косуля перед побегом. Натианно улыбнулся, а Кетьяро оглянулся на отца. Калир Кирине сохранял молчание. Он посмотрел на сына, обратил внимание на затравленное выражение его глаз, но только едва заметно покачал головой.

– Во-первых, ты не должна задавать **мне** вопросов, – объяснил Натианно.

Кровь прилила к голове Кетьяро. «Это из-за моего глупого любопытства бедной уродливой девушке приходится объясняться перед Натианно».

Нужно было что-то сделать...

– Кежен Якьерро, – заговорил он каким-то тонким голосом, как сквозь туман глядя в лицо старшему другу. – Кежен Якьерро, я извиняю эту девушку. Она может ничего больше не говорить.

Натианно поглядел на него слегка удивлённо, и выразительно приподнятые брови придали улыбке кежена немного угрожающий вид.

Кетьяро знал, что друг не может ему перечить в подобном разговоре, имевшем формальный оттенок, но почему-то очень испугался, как будто ожидал, что Натианно в приступе гнева ударит его, и отступил назад, к отцу. Рука Калира

Кирине легла ему на плечо.

Никто не успел ничего сказать. В следующий миг Кийрафа извернулась речной выдрой и одним скачком оказалась подле Натаанно.

Кетъяро, решив, что она вдруг решила атаковать унижившего её кежена, испуганно вскрикнул, но ещё через мгновение рука отца, сжав его плечо, потянула царевича назад. Оранжево-бурое пятно порвало воздух, кубарем скатившись откуда-то со скал и ринувшись навстречу людям. Никто ничего не успел сделать, а Кийрафа, выхватив неизвестно откуда короткий ножик, с криком: «Волк!» закрыла собой кежена Якьерро, который стоял ближе всех на пути неожиданного их гостя. Кетъяро зажмурил глаза от страха, а когда открыл их, ощутив, как отец ободряюще хлопает его по плечу, то увидел зверя таких гигантских размеров, что дыхание его вновь оборвалось.

Увернувшись от клинка Кийрафы, волк отскочил и остановился поодаль, вовсе будто и не собираясь нападать вновь. Размером он был с небольшого быка, его холка находилась на уровне макушки Кетъяро. Оттенок шкуры выдавал в нём южанина – светло-бурые вперемешку с золотистыми тона и загривок светлее всего остального тела. На шее и до половины спины вдоль его хребта торчала ключьями грязная бурая грива. Он не скалил пасть и не дыбил мех, только тёмные глаза его сверкали настороженно, но спокойно.

– К ноге, Огонь! Хорошая собачка!

Всё ещё очарованный обликом зверя, Кетъяро даже не обратил внимания на голос, раздавшийся откуда-то сверху. «Это степной гиеноволк», – только и мог думать он. Эти хищники обитают на выжженных Солнцем равнинах самых южных из Огненных фирренств, редко урождаются размером меньше здоровой овцы и бегают так быстро, что за ними не угнаться самому мастистому краосцу. Гиеноволки – далёкие родственники обычных волков и медволков. Последние намного крупнее, массивнее, и шерстью или черны как проклятие, или тёмно-серые и бурые, а их широкие медвежьи лапы предназначены не для бега на длинные дистанции, а для карабканья по отвесным скалам. У Кетъяро жили два медволчонка в зверинце, они были его любимчиками. Но степного гиеноволка он вживую не видал ни разу.

– Кетъяро, – услышав своё имя, царевич заставил себя оторвать взгляд от волка и понял, что его зовёт Натианно. Старший товарищ, махнув рукой, подозвал его к себе и запихнул себе за спину. Кийрафа, только что бросившаяся защищать царственных гостей от зверя, застыла в нерешительности, а потом тоже шмыгнула куда-то. Калир Кирина же шагнул вперёд, сохраняя большое расстояние между собой и всё ещё неподвижным гиеноволком, и произнёс прохладным голосом:

– Я не ожидал видеть Вас здесь, Амафас Льеффи.

Скользя на мелких камнях, с ближайшего пригорка спускался отряд людей, выглядевший весьма внушительно. По

бокам быстро и ловко двигались пешие воины, вооружённые копьями, в лёгких кожаных нагрудниках и с масками на лицах. Между ними тянулась процессия из человек двадцати.

Возглавлял их человек, выбивавшийся из общей картины в первую очередь за счёт своей одежды. Вернее, её частичным отсутствием. Воины вокруг него хотя и были одеты легко и прохладно, но их ноги были замотаны в шерстяные портянки, тела от ветра защищали короткие плащи, а маски держались на толстых лентах, заодно утеплявших голову. Господа, идущие в середке и конце процессии, имели тёплые одеяния побогаче. Глава же этого отряда, по всей видимости, или холода не ощущал, или был болен душевно: он был полностью оголён по пояс. Никому из окружавших его людей это будто бы и не казалось чем-то необыкновенным. Потирая ладони друг о друга, как сумасшедший колдун странноватой внешности, завершивший работу над каким злым зельем, человек этот первый прыгнул на каменную площадку, где стояли Кетъяро и остальные, и, не обращая внимание на присутствие царя и прозвучавшее из его уст приветствие, махнул рукой гиеноволку.

– Я же сказал: к ноге, будь ты проклят, бестолковая псина. Сожри мою мать шакалье стадо. Животинка подчиняется со скрипом. Бывает же! – он хохотнул, оборачиваясь к царю Тверди, как к приятелю по бочке вина.

Короткие рыжие волосы мужчины были гладко выбриты посередине, полосу лысины Кетъяро издали принял за

странного вида головной убор. Глаза странного гостя были неестественно яркого оранжевого цвета, как у хищного животного.

– Я сказал, что не ожидал увидеть Вас здесь, Амафас Льеффи, – Калир Кирине выдал свои эмоции одной только кривой улыбкой, мимолётной, подобно солнечному лучу в облачный день. Кетъяро с восхищением поглядел на отца, – он стоял, как будто вытесанный из куска скалы, спокойный и собранный, перед этим странным господином.

– О, я Вас прекрасно понимаю, Ваше Величество! Я сам от себя в восторге. Признаться, путь был нелёгок, и я успел проклясть эти злые горы много раз, прежде чем, наконец, здесь оказался... Думаю, сопровождающие меня любезно дорогие господа из отряда Огненных Лебедей полностью согласны со мной! Прошу любить и жаловать, – широкий взмах руки в сторону воинов в масках. – Ваше Величество, позвольте, я выкажу своё почтение, – подойдя ближе, он упал на одно колено перед царём, запачкав свои и без того пыльные шаровары. Дружина Кирине замешкалась, воины не знали, что предпринять, стоит ли им встать между своим повелителем и князем Льеффи. Калир Кирине отвёл левую руку назад и сделал короткий жест, успокаивая своих людей, а правую руку протянул к коленопреклонённому господину. Тот схватил царя за пальцы и поцеловал огранённый изумруд на одном из драгоценных перстней с таким рвением, будто был самым преданным телохранителем государя на протяжении многих

лет, и верность его не знала границ.

Кетьяро переводил взгляд с рыжего гиеноволка на Амафаса Льеффи, не зная, чему удивляться больше: забравшемуся так далеко на север степняку или же забравшемуся так далеко на север хозяину Огня. Льеффи – верховный княжеский род Огненных земель, Амафас Льеффи – его глава. Но по какой надобности князь южной трети Тверди земной явился внезапно на поклон к царю? Наверняка дело, по которому он прибыл, было неотложным, ведь Амафас Льеффи мог и подождать возвращения государя в царских палатах или в любом из городов между Нижним Долом и Камень-Градом, а не самолично искать его среди горных цепей и забытых Небесами деревень.

То, что это был Льеффи, объясняло отсутствие у него верхней одежды... На заре времён Небеса одарили каждый из трёх княжеских родов Тверди чудесным умением. Йотенсу дышали под водой, как морские рыбы, все предки Кетьяро – и он сам – обладали огромной терпимостью к боли. А Льеффи не чувствовали холода, как не чувствовали и жара. Температуру своей крови они контролировали сами. Впрочем, даже обладая стойкостью к холоду, князь Амафас мог бы вести себя приличнее и для встречи с царём Тверди хотя бы накинуть какую рубаху!

Тем временем Огненный князь поднялся с колен и стоял напротив царя, слегка подбоченившись. Во всём его поведении, несмотря на отсутствие явного вызова, было что-то

до зубовного скрежета грубовато-неуважительное. Он как-то по-особенному резко встал, а стоял – слишком близко к царю, странные глаза смотрели с молодцеватой наглостью, в завершение всего отсутствие одежды на верхней части тела теперь выглядело совершенно неподобающе. Видимо, осознав это, Амафас Льеффи, склонив голову набок с волчьей ухмылкой, резко вздёрнул одну руку вверх, – один из воинов в масках тут же отстегнул свой плащ и бросил в руки князю. Накинув на себя бесформенный пыльного цвета кусок ткани, хозяин Огня опять заговорил, не дожидаясь новых вопросов со стороны государя:

– Прошу простить меня за моё, ха-ха-ха... за мою неожиданность, неожиданное прибытие! Ваше Величество, Вам ли не знать, что долг для меня превыше всего? Едва получив Ваше письмо, я мгновенно понял, в чём заключается мой долг. И немедленно приступил к подготовке, отправился в путь менее, чем через три дня. О да, вы же знаете, как важно для меня слово моего царя! – голос Амафаса Льеффи, низкий и некрасивый, скрежетал, как нож о булыжник, на гласных звуках, и Кетъяро захотелось по-детски закрыть уши руками. – Итак, Ваш вернейший слуга и раб здесь, мой царь и мой господин! И, думаю, вы знаете, зачем!

Калир Кирине слегка прищурился и выждал некоторое время прежде, чем ответить. Кетъяро много раз замечал, как его отец медлит после того, как собеседник прекращает речь. Царевич также не раз становился свидетелем тому, как лю-

ди, стеснённые молчанием государя, торопясь скрыть своё смущение, вновь принимались говорить – и говорили много лишнего.

По виду Амафаса Льеффи не было заметно, чтобы он испытывал какое-то подобие смущения, тем не менее он явно был не прочь продолжить свою речь, не дожидаясь государева слова. Калир Кирине всё же опередил его, задав лишь один вопрос:

– Повелитель Огня, утомились ли Вы после долгого путешествия?

Сперва Кетъяро поглядел на отца с удивлением. Калир Кирине говорил спокойно по-прежнему, но царевич был уверен, – отец ответит что-нибудь такое, что снимет эту неприятную ухмылку с лица Огненного князя. Впрочем, царю было виднее, как следует говорить со своими вассалами – в том числе с подобными личностями.

Склонив голову набок, как готовящаяся к броску змея, Амафас Льеффи какое-то время смотрел снизу вверх на царя Тверди.

– О да, я утомился. И мои люди тоже. Мы потратили немало сил, рыская по этим горам в поисках Вашего отряда. Знаете, я был весьма удивлён, услышав в Каменном дворце, что Калир Кирине решил ощутить единение с народом и спустился из Камень-Града в Нижний Дол! Я почувствовал уважение. За всю мою жизнь подобная идея ни разу не посетила мою голову! Впрочем, мне далеко до Вас, ведь вы – царь

Тверди, а я – лохматый пёс у ступней Ваших... Кстати о псах – как Вам мой Поющий Огонь? Собачка, ко мне, сюда! – он хлопнул себя по бедру, обращаясь к рыжему гиеноволку, но тот и головы не повернул. – У-у, вшивая дрянь. Мне говорили, что разум у такого кобелька, у степного кобелька, сравним с разумом четырёхлетнего ребёнка, небывалое чудо! Вот, как видите, чудес не бывает... Хотя, впрочем, это как посмотреть. Стоя на вершине той скалы, я приказал Огню разбавить Ваше времяпрепровождение, и даже успел испугаться, когда он ринулся вниз, что сейчас брызнет кровь, и она останется на моих руках, но, как видите, всё обошлось. Животинка меня прекрасно поняла, трагедии не приключилось...

– У Вас замечательное чувство юмора, повелитель Огня, – холодно заметил Натианно Якьерро, прерывая речь князя. – А то, что трагедии не приключилось, вероятно, должно как-то благоприятно сказаться на моём самоощущении после того, как эта тварь едва мне в глотку не вцепилась.

– Конечно должно! – расхохотался Амафас Льеффи, лихо сверкнув рыжими глазами. – Если бы что-то случилось, Ваше самоощущение бы не в пример испортилось!

Натианно сцепил зубы и выдавил злую улыбку. Он стоял ниже хозяина Огня и боялся ему перечить, но Кетьяро понимал, что друг сейчас сгорит от сдерживаемого гнева.

– В общем говоря, мы отыскали Вашу стоянку только благодаря проводникам из местных и помощи Небес, – Амафас

Льеффи опять повернулся к царю. – И устали как псы. Будем рады любому приюту... Но всё же сперва я бы хотел задать вопрос, если царь Тверди земной позволит своему покорному слуге.

– Задайте, – разрешил Калир Кирине.

– Вы знаете, зачем я стою перед вами?

Даже Кетьяро понял, почему вздох, слетевший с уст царя, был исполнен такого раздражения. Естественно, отец не хотел обсуждать дела, связанные с политикой, на глазах у простых солдат и крестьян!

– Амафас Льеффи, я знаю, – сказал Калир Кирине. – Раз Вы настаиваете, раз не желаете ждать, я проявлю уважение к перенесённым Вами тяготам пути и немедля выслушаю всё, что вы хотите сказать. Вы готовы говорить согласно совести и чести, не кривить душой и постоять за каждое своё слово?

– Я готов! – вскричал владыка Огня. – Я головой отвечаю за каждое из слов, которые произнесу перед Вами, мой господин!

– Отлично. Так что же вы ответите на обвинение в измене, о котором я сообщил вам в письме?

Глаза Амафаса Льеффи увеличились, он широко открыл рот, как пеликан в зевке, и вся эта картина показалась Кетьяро лживой до костного мозга.

– Ах, измена... – пробормотал князь Льеффи и оглянулся на своих людей, покрутил головой и воздел руки к Небесам: – Вы всерьёз считаете, я изменник, Ваше Величество?

Чем я не угодил Вам? Чем я прогневал Каменный престол?

– Я не считаю так, – бесстрастно отвечал Калир Кирине. – Некоторые мои люди считают. Амафас Льеффи, не воспринимайте так близко к сердцу. Вы сами знаете, что времена нынче не из лёгких. Неурожаи длятся уже который год, люди голодают, бедствуют и поднимают бунты, крупные землевладельцы, обеспокоенные поведением крестьян, обвиняют во всех бедах стайе, кеженов и князей. Я вполне допускаю, что слухи, которые доходили до меня, являются всего лишь досадным недоразумением и преувеличением. Я понимаю, что эта тема не для одного разговора, что нам с Вами нужно многое обсудить. Я намеревался сделать это в спокойной обстановке в моём дворце. Но раз уж Вы прибыли прямо сюда, мне ничего не остаётся... Итак, князь Амафас Льеффи, как думаете, способны ли языки пламени обратить скалы в пепел? Отвергаете ли Вы утверждение о том, что у Вас есть ничем не обоснованные претензии?..

Хозяин Огня сперва ничего не отвечал, и глубокое удивление дрожало на его губах и рыжей бороде.

– Отвергаю! – воскликнул он наконец. – Никогда, никогда я и не думал о том, чтобы посягнуть на Ваш престол! Царь-батюшка, господин мой, Вы знаете меня, я бываю несдержан, слуги мои ходят со следами от хворостин на спинах, жену свою, покуда была жива, бедняжка, я бил в каждую ночь на завершение лунной четверти, сыновья мои любят меня так же, как и боятся, и нет ни одного брата Огненного, который

бы сказал, что князь Амафас Льеффи добродушен и непорочен, как ангел эвелламе, но Создатель! Измена! Никогда бы, о господин мой, никогда! Не гореть Огню выше Скал, не лететь Грозе вперёд Ветра! Мой царь, я готов доказать свою верность и словом, и делом!

Он явно был очень взволнован и, покуда говорил, махал руками, как шут верхом на катающемся туда-сюда шаре. Калир Кирине выслушал эту отповедь без тени эмоций во взгляде.

– Хорошо, – его голос, однако, прозвучал с долей облегчения. – Мы это ещё обсудим, когда прибудем к нашему лагерю. Я тронут тем, что вы проделали такой путь ради того, чтобы уверить меня в своей преданности. Прошу, не извольте сильно беспокоиться. Моё решение будет справедливым в любом случае, и, если Вы не повинны ни в чём, Вы легко разубедите меня в вере в истинность тех жутких слухов.

– Я уповаю и надеюсь! – Амафас Льеффи отступил назад и, кажется, готов был опять бухнуться на колени.

– Вашему слову я верю, как ничьему другому, и надеюсь на взаимность своего доверия!

Рыжий гиеноволк, выгнув холку, потрусил вверх по мелким камушкам, покрывавшим склон горы. Кетъяро проводил его взглядом и обернулся к Натианно, который молча смотрел в сторону ещё что-то бормотавшего царю Амафаса Льеффи. В глазах кежена Якьерро была смесь презрения и встревоженности.

– Натрианно, – потянул царевич за рукав старшего друга. – Князь Амафас Льеффи может оказаться предателем? Кто-то считает, что он хочет занять трон отца?

Сперва жежен Якьерро долго не отвечал. Затем, когда Калир Кирина сделал знак разворачиваться и шагать вниз, в деревню, Натрианно произнёс полушёпотом, за спину подталкивая Кетъяро вперёд:

– Не знаю, братишка, знаю только то, что от Льеффи и прочих огнеголовых можно ждать чего угодно. Все они там, на юге, мозгами набекрень. Холодный рассудок и горячий нрав не могут сосуществовать в одном теле. Когда придёт твоя пора править, помни о том, что Льеффи понимают только язык силы – ничего более. Я их, признаться, и за людей не принимаю, – они бесы, похуже урако, потому что бегают по Тверди и с ними нужно считаться, как с себе подобными.

Девушка Кийрафа тенью последовала за всеми, перепуганная и ничего не понимающая. Увидев её, Кетъяро низко опустил голову, всё ещё смущённый приключившейся до прибытия Льеффи ситуацией, а Натрианно сузил глаза и махнул ей рукой, подзывая к себе.

– Отведите её к моему шатру, когда прибудем вниз, – приказал он своим солдатам. Двое из них сразу подступили с двух сторон к девушке. – Покуда Его Величество заботится о спокойствии государства, моя задача – учить уму-разуму свой народ.

Кетъяро, отчаянно надеясь на то, что «учить уму-разу-

му» означает «немножко поругаться и отпустить», ещё ниже склонил голову.

– Не будь очень строг к этой девушке, – попросил царевич тихо. – Она попыталась защитить тебя от гиеноволка, когда думала, что ты в опасности.

– Не буду, – пообещал Натианно, улыбнувшись, и потрепал Кетъяро по голове, взъерошив его каштановые волосы. – Мой великодушный братишка.

Глава 5. Сын Тёмного повелителя и суд над предателем

– Я призываю вас взглянуть на этого человека в последний раз и задать ему последние вопросы перед тем, как наш повелитель вынесет ему приговор! – её голос прозвенел над чёрными остроконечными шапками кристаллов, расколовшись на эхо и дрожащий гул. – Пусть Тьма будет нам свидетельницей!

Неловкость царила в зале суда. Скорее всего, она появилась здесь оттого, что подсудимым являлся одиннадцатилетний мальчик вида запуганного и прижученного. Анэйэ занимал своё законное место с левой стороны от отца, восседавшего на трёхногом морионовом троне верховного судьи, и наследнику в отблесках бледного света одинокой звезды, нахолившейся на одном из кристалльных рёбер, отлично были видны смущение и неуверенность на лицах собравшихся уррайо. Впрочем, не на всех. В глазах Айери Лэйо была чудесная смесь равнодушия и презрения. Он, видимо, совершенно не считал, что Эламоно Лэйни был каким-то образом связан с ним – по крови или ещё как. Некоторые уррайо, особо ненавидящие Свет и всё, что его касалось, шипели сквозь зубы: «Отродье эвелламейское», «поганный щенок» и так далее. Каждый раз, когда до ушей Анэйэ доносилось подобное вос-

клицание, он поворачивал голову и находил взглядом Эррамуэ. Тот был бледен как смерть, а глаза его казались слишком большими и совсем чёрными.

– Позвольте мне задать вопрос, о Тёмные братья, – поднявшись на ноги, проговорил Мейорэ Иллийно, предводитель Прасыновой Луны, ордена жрецов-воинов, чьим святым долгом было неусыпно охранять покой Матери – днём и ночью. Обязанности эти были формальными, по истине же Лунные стражи, как их ещё называли, являлись постоянной армией на службе у Повелителя Тьмы. Мейорэ Иллийно был молод и чересчур раболепен, но, насколько было известно Анэйэ, он являлся лучшим мечником Уррэйва и управлял ночным львом так ловко, как будто родился в гриве. – Один вопрос, ваше Темнейшество.

Нерайэ Уррэйва величественно кивнул. В роскошном плаще из шкуры барса, склонившийся вперёд на своём престоле, он был почти жуток, когда тени звёздного света плясали по его лицу. Анэйэ не мог разглядеть губ за отцовской бородой, и ему это было чудно до сих пор, хотя с их встречи прошла уже лунная четверть.

– Эламоно Лэйни, – получив разрешение от повелителя, обратился к подсудимому Мейорэ Иллийно. – Со мной и моими воинами поёт Мать, и её уста – наши уста. Мы все видим, что Вы не желаете говорить ничего ни в свою защиту, ни подтверждая обвинения Тёмного сына Алийерэ. Пусть в Вас нет ни почтения к предкам, ни уважения к своему наро-

ду и его властелинам. Но уррайо впитывают любовь к Луне с молоком матерей. Я не могу поверить, что Вы, в своём возрасте, отважитесь отрицать то, что жизнь Ваша, как и все наши жизни, благословлена Лунными лучами, – мельком глянув на Алийерэ, стоявшую справа от Нерайэ Уррэйва, Мейорэ Иллийно опять обернулся к Эламоно. – Если для Вас осталось что-то святое, то этим святым должна быть наша Мать. Верно я говорю?

Согласный гул заполнил тишину после речи верховного стража. Анэйэ, прищурившись, вглядывался в угол, где между двух рослых воителей стояла худая тёмная фигурка в плаще, накинутом на голову – братец Эррамуэ. Эламоно молчал всю дорогу, не ответил ни на один вопрос, в том числе когда сам Тёмный повелитель обратился к нему, за что рукояти мечей стражей несколько раз уже обрушивались на его хрупкую тонкую спину. Теперь же, услышав слова Мейорэ Иллийно, он вдруг приподнял голову, и Анэйэ показалось, будто в кромешной тьме под капюшоном уродца сверкнули злые огоньки глаз загнанного зверёныша.

Эламоно кивнул, и предводитель стражей это заметил.

– Тогда ответьте, именем нашей Матери. Ответьте мне, что Вы чувствовали, решаясь на предательство?

Глаза Эламоно блестели в темноте бледно-фиалковыми звёздочками.

– Я служу одной только Луне, – медленно, спокойно говорил Мейорэ Иллийно, – и своему народу, Лунному народу.

Я хочу знать. У такого молодого человека, у неоперившегося птенца – какие могли быть мотивы? Какая цель? О недостойный Лунный сын. Чем не угодила тебе твоя мать? Как ты осмелился отвернуться от первозданного Мрака? О, мне не нужны твои отповеди, – голос стража дребезжал в темноте, отражаясь от кристальных граней. – Одно только чувство. Я должен знать о нём. Ведь для меня... – он обернулся лицом к своим товарищам, – ...оно чуждо, как вечной Тьме солнечный блик. И я не могу представить себе, какой силы должно быть это чувство, чтобы оказаться сильнее чувства любви к своему Небу.

Анэйэ увидел, как рот Эррамуэ изогнулся в гневную скобку, и риндо резко поднялся со своего места, вздёргивая подбородок.

– Мой повелитель, позвольте! – воззвал он к Нерайэ Уррэйва.

Айери Лэйо схватил сына за рукав сильными пальцами и усадил на место одним движением. Но Тёмный повелитель кивнул мальчику, укоризненно качнув рукой в сторону своего товарища.

– Пускай говорит, – пророкотал голос отца Анэйэ, как будто древние камни высоко в горах слегка шевельнулись в своих вековых желобах. – Пускай говорит юный Эррамуэ.

Снова встав, Эррамуэ вызывающе посмотрел в сторону Мейорэ Иллийно. Не дождавшись со стороны того удовлетворяющей реакции, мальчик оглянулся к залу – едва разли-

чимая тень на фоне теней, очерченная только белыми линиями синичьего света.

– Народ мой, как будто вы не знаете, что сподвигло моего брата на злодейство и преступление! – воскликнул он.

До этого Эррамуэ долго пытался доказать, что все обвинения в сторону Эламоно были подстроены и являются следствием череды досадных ошибок айэ Алийерэ, а следом – людей, отправившихся искать следы доказательств. Он утверждал, что его брату подкинули злоумышленники наполовину уже уничтоженный Тьмой солнцепрядовый свиток, где сохранились только обрывочные сведения о сердцах стихий и приказания, подписанные рукой эвелламе, явно предназначавшиеся для тайного посредника. Он доказывал, что хотя брат его частенько тайком отправляется на Светлые Небеса, ничего страшного в этом нет, его просто влечёт его вторая родина. Он просил собор смилостивиться, ведь Эламоно никогда не причинял никому вреда и рос настолько же беззащитным, насколько и беззлобным. Но Эррамуэ был одинок в своём стремлении защитить младшего брата. Мальчика, ни внешностью, ни манерами, ни духом не походящего на настоящего уррайо, не любил никто. А снисхождению в обители зла нет места.

Теперь же Эррамуэ даже не надеялся оправдать Эламоно. Уже не пытаясь доказать его невиновность, он просто восклицал, глядя в лица присутствующих:

– Как будто это не вы ненавидели его всю его жизнь! Не

вы относились к нему, как к белому львёнку в чёрном прайде, не вы давали ему презрительные прозвища, не вы насмеялись над ним, не вы! Я давно понял, что, хотя мы с ним братья, но ему не полагается и сотой доли всего, что позволено мне, и это грызло мне совесть половину моей жизни, а представьте, каково было ему! Разве вы бы не возненавидели свою родину, на которой вас держат за последнего шакала?

– Сын мой, – прошипел Айери Лэйо. Некоторые уррайо качали головами, другие говорили:

– Похвальная смелость, юный Эррамуэ, о да. Но, видать, не зря презирали этого ребёнка и не давали житья – раз уж он стоит здесь, перед нами, осуждённый за предательство.

– Я понимаю Ваше стремление оправдать предателя, риндо наследника, – проговорил Мейорэ Иллийно. – У меня тоже были братья, и я могу понять ваши порывы. Тем не менее, я жду ответа на свои вопросы от самого предателя. Ваше негодование не отменит того факта, что он с неведомыми целями пробирался на Светлые Небеса. И что именно в его комнате обнаружился свиток с проклятых Светлых Небес. Против этого Вам нечего возразить. Извольте сесть и дать высказаться своему недостойному брату.

Небесный огонь полыхнул в тёмных глазах Эррамуэ:

– Вы все просто ненавидите Эламоно! Он не похож на нас, и Вы его ненавидите! Вы сами подкинули ему этот свиток! Вы сами всё подстроили!

Анэйэ быстро повернул голову в сторону отца. Он увидел

слабую улыбку в глазах Нерайэ Уррэйва и не понял, что она означает. Тёмный повелитель медленно поднял руку, и Айери Лэйо, увидев этот жест, схватил сына за плечо. Тот, почувствовав отцовскую хватку, покорно замолчал, однако его вызывающий взгляд по-прежнему перебегал от одного лица урайо к другому.

И тут заговорил Эламоно:

– Я был очень рад, донося на Светлое Небо обо всём, что видел здесь. Меня хвалили и позволяли прикасаться к сердцам Светлых облаков. Мне многое обещали. Я чувствовал себя дома там. Поэтому я предал.

Зрачки Мейорэ Иллийно расширились, как у кота. Он спросил негромко:

– Так это правда? Ваша гордость, неудовлетворённая отношением к Вам на родине, ликовала, когда Вы подъедали объёдки с эвелламейских столов?

– Да, – только донеслось из-под чёрного капюшона, скрывавшего голову и лицо Эламоно Лэйни.

Гул пробежал по рядам собравшихся и затих. Анэйэ смог разглядеть, как Эррамуэ крепко сжал челюсти, и лицо риндо, смертельно побледнев, стало видно в темноте намного отчётливее. Мейорэ Иллийно, медленно кивнув, откашлялся с брезгливостью в голосе.

– Тёмный повелитель! Обвиняемый сознался, – объявил один из стражей. – Вы прикажете допрашивать его дальше?

Нерайэ Уррэйва встал. Тут же поднялись и все присут-

ствующие, и Анэйэ, и Эррамуэ.

Эхо от низкого отцовского баса загуляло по чёрным сводам зала Истины.

– Достаточно. Пока нам хватает того, что его вина доказана им же самим. Алийерэ! Ты удовлетворён признанием изменника?

– Удовлетворён, – звонко сказала айэ Алийерэ. – Теперь предателю не избежать приговора. Все прочие дознания... предлагаю вести в положенных для этого местах.

Эррамуэ, резко развернувшись, отправился прочь к выходу из зала. Никто не попытался остановить его.

– Ты первый заподозрил его в предательстве, – продолжал Нерайэ Уррэйва. – Какое предлагаешь вынести наказание?

Урайо опять зашептались. Никто не предлагал «казнь», но многие говорили о пожизненном заточении.

– Я считаю, что недостойный должен поплатиться жизнью за свои прегрешения, – проговорила айэ Алийерэ. – Он должен быть заколот мечом в сердце. Так наши предки убивали дезертиров и изменников.

В тот же миг кто-то из урайо всё-таки спросил с изумлением:

– Мечом в сердце? Он всё же ребёнок, не слишком ли немилосердно?

– Милосерднее казни через повешение, – возразила айэ Алийерэ.

Люди переговаривались и перешёптывались. Они уважа-

ли айэ Алийерэ и верили ей, как приёмному ребёнку драгоценного своего вождя. Вскоре это уважение одолело в них жалость и снисхождение.

Анэйэ с необычным для себя чувством замешательства слушал, как объявляют приговор для белого уродца, любимого младшего брата его риндо. Он не произнёс ни слова. Он видел удовлетворение в глазах айэ Алийерэ. Он вспоминал, как сильно побледнел Эррамуэ перед тем, как покинуть зал Истины. Вряд ли Эррамуэ услышал, какое будущее выбрали для его брата.

Анэйэ почти не вслушивался в слова, прозвучавшие после того, как была утверждена смертная казнь для Эламоно. Теперь предстояло допросить его, чтобы узнать, о чём он вёл переписку со Светом, а также выпытать что-нибудь новое о положении дел на противоположной стороне Неба. У обречённого на смерть не будет причин молчать, и под пытками он совершенно точно разговорится. Анэйэ полностью погрузился в собственные мысли. Они были медленными и осторожно касались тех тем, которые он не хотел поднимать в диалоге с собой. Он просто дождался окончания суда и поднял руку, когда айэ Алийерэ призвала согласных со смертным приговором обозначить своё мнение. Несогласных, не поднявших руки, было меньшинство. И Нерайэ Уррэйва, выслушав обе стороны, кивнул приёмной дочери.

Анэйэ попытался разглядеть выражение лица Эламоно, но его взгляд не смог пробиться сквозь крошечную тьму, сгу-

стившуюся под низко надвинутым капюшоном уродца.

...

– Если он быстро даст все сведения, его казнят завтра, – сказал Анэйэ спине Эррамуэ, которой тот повернулся к другу, едва наследник ступил за порог комнаты. Эррамуэ только обучался в Тёмном замке, жил он на Дождеоблаке, и потому его жилище в Хралуне было обустроено чисто формально – столик из дерева, жёсткая узкая кровать, огромный нарост из чёрного янтаря в правом дальнем углу помещения. Огненные отблески внутри янтаря танцевали, кружась и закручиваясь в вихри. Они слабо-слабо, но всё-таки освещали комнату. Анэйэ подошёл к Эррамуэ и встал так, чтобы видеть его лицо, едва окаймлённое во мраке рыжими бледными линиями. – Мечом в сердце. Айэ Алийерэ сама исполнит приговор.

Глаза риндо заблестели. Он медленно повернул голову к Анэйэ, и жёлтые светлячки в его зрачках стали больше и страшнее.

– Казнят? – переспросил он.

– Я уже сказал. Да, казнят, – Анэйэ не дрогнув выдержал тяжёлый взгляд своего слуги. – Не надо смотреть на меня так... недостойный брат, я не виновен в том, что он предатель.

– И ты ничего не сказал, о господин? Ничего не возразил, когда они договаривались о том, как будут убивать мо-

его брата? Смолчал даже тогда, когда твоя дорогая айэ вызвалась самолично заколоть его?

– Она не вызывалась. Ей приказал отец, – поправил Анэйэ. Он заметил, что Эррамуэ глядит на него сверху вниз, и почувствовал раздражение. – Не надо говорить таким голосом об айэ Алийерэ. Она-то уж точно ни в чём не виновата. И помни своё место, недостойный брат. Ты как будто выказываешь недовольство, когда смотришь на меня так.

Слабый блеск в глазах Эррамуэ слегка померк, как будто он погрузился в раздумья. Он словно готов был что-то сделать...

Но всё-таки не решился. Отвернувшись к своей кровати, риндо бросил надменно:

– Мой повелитель, зачем же Вы утруждаете себя, разговаривая с недостойным смердом? Проваливайте к своей любимой сестрице, обсуждайте вместе с ней, как вы будете убивать моего брата. Впрочем, чего же я ожидал, когда всё стало понятно ещё в начале этого проклятого Светом суда. Никто не заступится за слабого. Никому никогда и в голову не придёт поставить себя на место слабого.

– На место предателя и изменника, – сказал Анэйэ.

– Да проваливай ты! – закричал Эррамуэ, сжав руки в кулаки.

Анэйэ выскользнул из комнаты так быстро, как только мог.

Захлопнув дверь в комнату своего риндо, он отдышал-

ся, выпрямился и спокойно отправился в жилую часть замка. Там, не встретив никого, кроме безумной старухи-сказительницы, слепо тыкавшей в витражное окно своим кривым носом, он достиг собственной комнаты. Зайдя внутрь, наследник затворил дверь, несколько раз повернул тяжёлый бронзовый ключ. Потом сел на краешек низкой кровати, старой как Тьма, не украшенной ни единым элементом декора, – сел в полной темноте и заплакал.

Анэйэ старался не шмыгать носом и дышать как можно спокойнее. Слезы просто лились по его лицу бесшумными маленькими капельками. Он знал, что его сейчас никто не видит и не слышит. Но он стыдился и был несказанно рад Тьме, которая будто растворяла его в себе и делала невидимым.

Анэйэ было пять лет, когда он впервые познакомился со своим будущим риндо. Эррамуэ был старше его на два года. Старше, выше, сильнее и смелее. Он даже внешностью куда более подходил на роль наследника Тёмного повелителя, чем Анэйэ, – волосы чёрные, как непроглядная ночь, глубокие фиолетовые глаза, крепкое телосложение мальчика, который в будущем станет настоящим богатырём. И Анэйэ нравилось называть его «недостойным братом», слушать из его уст «мой повелитель» и управлять его действиями. Он был о себе очень высокого мнения, когда видел, что такой человек, как Эррамуэ, покорно и беспрекословно выполняет каждый его приказ. Рядом со своим риндо наследник чув-

ствовал себя в безопасности и знал, что может в случае чего положиться на него как на брата. Но, помимо деловых отношений, что-то ещё соединяло его с Эррамуэ, верным помощником, телохранителем и слугой. Из-за этой странной призрачной связи Анэйэ время от времени решался на иск и втихую обучал грамоте, счёту и военному делу драгоценного братца своего риндо. Из-за них он звал Эррамуэ к себе в комнату во внеурочное время и говорил с ним часами напролёт – не о грядущих завоеваниях, наставниках и занятиях, а о самых быстрых львах Небес и том, почему милая дочь главной пряжи замка последние несколько дней не появляется при дворе. Эррамуэ был неотъемлемой частью жизни Анэйэ. Для десятилетнего мальчика пять лет – половина жизни. Целую половину жизни он провёл со своим риндо!

И, хотя они и ссорились, и даже дрались, в этот день Эррамуэ впервые позволил себе прогнать своего господина, а Анэйэ впервые позволил себе прогнаться.

Он знал о том, как сильно привязан Эррамуэ к своему белому уродцу. Должно быть, для него потерять Эламоно то же самое, что для Анэйэ – потерять Алийерэ. Только не просто потерять. Айэ ведь завтра убьёт Эламоно, и душа его улетит в Никуда – навсегда. Это очень расстроит Эррамуэ... «Он просто дурак», – подумал Анэйэ, молча глотая слёзы. Такая глупость – любить существо вроде незаконнорождённого предателя, урода-полукровку. Люди, подобные Эламоно Лэйни, не живут долго, потому что само их появление – ошибка.

Только дурак привязывает свою душу к ошибке.

Убеждения Анэйэ основывались на простом тезисе: нечего грустить по недостойным людям. Но стальную логику этого утверждения нельзя было использовать для того, чтобы доказать что-то Эррамуэ.

Анэйэ плакал от собственного бессилия и обыкновенного сочувствия к беде близкого человека, только последнее он не мог бы ни объяснить, ни понять – в силу своего возраста или воспитания.

Когда раздался короткий стук в дверь, Анэйэ сразу понял, что к нему пришла айэ Алийерэ. Он умел определять её шаги, её дыхание, шорох прикосновений её рук. Ему не составило труда определить, что это была именно она. Наследник осушил свои слёзы, вытер глаза рукавом и подошёл к двери, чтобы отворить её.

Едва зайдя в комнату, айэ Алийерэ спросила строго:
– Ты плакал?

Он стоял перед ней со своим обычным выражением лица, с переплетёнными у пояса пальцами рук, а дорожки слёз на бледных щеках было бы не разглядеть, даже поднеся к его лицу звезду. Но Алийерэ знала младшего брата слишком хорошо. Мальчик не мог ей солгать.

– Немного, – без тени эмоций признался наследник. – Это прошло. Я готов. Какие-то приказания, айэ Алийерэ?

Мягко закрыв дверь, сестра прошла вглубь комнаты. Понимался шорох – она ослабила шнурки, связывающие про-

сторный плащ-балдахин, и из-за её пазухи выскользнула на свободу маленькая синичка. Звезда тут же осветила непроглядный мрак, наполнив комнату танцами теней Света и Тьмы. Анэйэ смог разглядеть лицо айэ Алийерэ. Она мягко и расслабленно улыбнулась.

– Анэйэ, – произнесла она тихо. – Сядь, успокойся. Видишь меня?

– Вижу, – сказал наследник, повинувшись и присаживаясь на уголок кровати. – Айэ.

Звезда замельтешила перед глазами, потом метнулась к окну, покружила немного там. Через несколько мгновений хрупкие её крылышки устали, она села на изголовье кровати и недовольно нахохлилась.

Сопровождая синичью бестолковую пляску взглядом, Анэйэ чувствовал, как медленно возвращается к нему спокойствие. Он поднял глаза на айэ Алийерэ. Лицо сестры было умиротворено, но тёмные глаза её, полузакрытые, остро посверкивали на бледных отблесках – она всегда была наготове, как натянутая тетива, как наполовину извлечённый из ножен клинок.

– Анэйэ, – проговорила айэ Алийерэ, – ты плакал потому, что тебе было жаль своего риндо?

Анэйэ медленно растянул губы в насмешке над самим собой, с трудом заставляя себя глядеть в глаза сестре.

– Да, – он бы никому не признался, кроме неё.

– Что же. Я понимаю, – кивнула девушка. Сейчас её лицо

не было замотано, и наследник отлично видел при звёздном свете, как усталая улыбка смягчает черты всегда напряжённого, строгого лица айэ. – У меня тоже есть риндо. Не знаю, заставило бы его горе меня лить слёзы, но я бы не осталась равнодушной. Ты молодец. Связь между господином и риндо должна быть крепкой, как гранит.

Анэйэ вздохнул, отвернувшись.

– Я не думаю, что теперь наша связь крепка, как гранит. Он прогнал меня. Он очень на меня зол.

– Прогнал? – поднялись брови айэ Алийерэ.

– Да, он прогнал меня за то, что я пришёл и сообщил ему про казнь. И за то, что я не вступался за уродца. Но, – топорливо добавил он, – это ничего. Эррамуэ скоро перестанет беситься. Он просто слишком вспыльчивый.

Они оба молчали почти минуту. Затем тонкие пальцы айэ Алийерэ, холодные как лёд, легли на запястье её приёмного брата и сжали его – слабо, не больно.

– Айле Анэйэ, ты хорошо учил Песнь о Ветре, Дожде и Молнии? – она любила порой посреди диалога свести тему к мифологии, и Анэйэ всегда радовался, получая возможность продемонстрировать свои знания.

– Да, хорошо учил. Повелитель Ветров, повелитель Дождей, повелитель Молний. Три брата, три первых и последних истинных повелителей стихий. Эвелламе забрали сердца стихий. Ветер, Дождь и Молния оказались в руках людей, не умеющих ими повелевать. С тех пор все три стихии свобод-

ны, как ночь, и приходят и уходят когда заблагорассудится, потому что некому диктовать им свою волю, – Анэйэ усмехнулся. – Когда вернём сердца, сможем использовать магию наших предков против врагов. Наверное, это весело – управлять погодой.

– Наверное, – айэ тоже усмехнулась. Кончики её пальцев поглаживали руку брата. – Сперва повелевать Ветрами будет наш отец, Дождями – Айери Лэйо.

– Да, – кивнул Анэйэ. – Да, а после отца хозяином Ветров стану я, – в груди расплылось тёплое чувство восторга и гордости.

– А твой риндо Эррамуэ станет повелителем Дождей после Айери Лэйо.

– Станет, – Анэйэ фыркнул. – Вот потеха. Он будет всегда мокрый, наверное. По-моему, самая неинтересная из стихий – это дождь. Хорошо, что она достанется Эррамуэ, а не мне.

– Дождь – не так неинтересно, как тебе кажется, – заметила айэ Алийерэ. – Управляя дождём, можно управлять жизнью на Тверди. Урожай и неурожай. Весна или зима. Две облачные стихии – Дождь и Молния, благословение и проклятие. Среди двух облачных стихий именно дождь играет роль благословения. Он дарует жизнь, пока молния отнимает. Женское и мужское начала. Ты же не согласишься с тем, что женское начало «неинтересное»? Это будет глупо, разве нет?

– Конечно же глупо, – кивнул Анэйэ. – Но, насчёт женщин, они... ну. Им свойственно говорить об ерунде с умны-

ми лицами, и этим они портят понятие ума, – повторил он слово в слово фразу, которую услышал как-то раз от Айери Лэйо. – Но не все женщины, – спохватился он. – Все, кроме тебя, айэ. Ты самая умная из женщин, и из мужчин тоже.

Брови айэ Алийерэ дёрнулись, она издала короткий смешок.

– Ты слишком низкого мнения о женщинах. И слишком высокого обо мне.

Улыбки не сходили с их лиц, пока они сидели здесь, в тёмной маленькой комнате, и говорили обо всём подряд – об истории, мифологии, женщинах и даже сокращающейся популяции облачных барсов. Анэйэ давно понял, что айэ Алийерэ пришла сюда с намерением успокоить его, отвлечь и развлечь. Он восхищался её выдержкой – ведь ей предстояло собственными руками казнить человека, пусть и такого бестолкового, как белый уродец. Он очень надеялся, что смог бы оставаться таким же спокойным, окажись он на её месте.

...

Анэйэ был почти уверен, что это Эррамуэ помог сбежать своему брату.

Когда на следующую ночь намеченной казни не состоялось по причине отсутствия её главного героя, переполох охватил Тёмный замок. Искали везде – в погребках, библиотеках и чердаках, на дальних заброшенных башнях и соседних облаках. Дождеоблако и Уррэйва, и Нэньи на юге, и Рай-

рилло на западе – не нашли ни следа Эламоно Лэйни.

Нерайэ Уррэйва поначалу достаточно беспечно отнёсся к инциденту с изменой уродца, считая, что предательство ребёнка не могло предоставлять серьёзную опасность для Тьмы, а Светлые на своих Небесах явно не знали слишком многого, иначе уже давно бы нагрянули с разрушительным визитом к соседям. По правде говоря, до подобных интервенций эвелламе не были охотниками, ибо беспроглядный мрак вредит им в той же мере, в которой уррайо вредят лучи Солнца, да и, кроме того, не принимали они соседей за тех противников, от которых следовало ожидать продуманный, внезапный и роковой удар в спину. Расскажи им Эламоно о всём том, что он знал, и Тьму давно уже сотряс бы рёв белого льва. Но, если верить показаниям самого уродца, которые тот дал, расколовшись, он доносил только о частных случаях, произошедших в Тёмной столице – возвращение Нерайэ Уррэйва, великий пир в честь него. Он пошёл на сотрудничество с врагом из одного лишь желания мести, а раскрывать все планы родного народа всё же опасался. Оснований не верить перепуганному ребёнку, отчаянно признающемуся в своих проступках после вынесения приговора, не было. И Нерайэ Уррэйва не беспокоился о нём, не верил, что Свет извлёк какую-то особую выгоду из этого сотрудничества.

Но теперь, когда Эламоно Лэйни пропал, даже отец заволновался. Сбежать из темницы Уррэйва – дело весьма проблематичное. Если, конечно, тебе не помогли. Для эвелла-

ме проникнуть на территорию Тьмы, забраться в вражеский замок только затем, чтобы освободить сомнительного союзника в лице уродливого мальчонки, было слишком бесперспективным занятием. Тогда, получается, Эламоно освободил кто-то из уррайо. Но кто? И как он сумел это сделать, чтобы воины, весь день охранявшие пленника, вечером просто открыли кованые тяжелейшие двери и обнаружили его отсутствующим? Облачный подкоп невозможен, ибо из облаков живыми не возвращаются. Какая-то магия...

«Ещё одно предательство, – знал Анэйэ. – Кто-то предал нас, освободив предателя». Конечно же, это был Эррамуэ. Душа Анэйэ была почти уверена в этом, но всё же было два обстоятельства, мешавшие ему полностью укрепиться в своей теории. Во-первых, услышав о том, что Эламоно сбежал, Эррамуэ слишком просиял лицом для человека, желающего скрыть свою причастность к совершённомu. Во-вторых, двенадцатилетний риндо точно не мог знать способов безвестно покинуть темницу Уррэйва – хотя бы потому, что их не знал никто. Таким образом, слово «почти» мешало Анэйэ успокоиться. Просто у него не было идей, кто же мог, помимо Эррамуэ, организовать этот чудесный побег.

Но чуть позднее он смог извлечь свою выгоду.

– Это ты? – с холодным недоверием спросил шёпотом Эррамуэ своего господина. Он отвёл его в тёмный коридор, где было совсем безлюдно и только издалека слышались далёкие голоса уррайо. Анэйэ охотно отвёлся, не говоря ни слова, не

возражая и не поминая своё социальное положение. Только слушал вопросы друга и интонацию его голоса. – Это ты помог сбежать моему брату? Точно ты. Кто же ещё? Как тебе удалось?

– Не я, – честно сказал Анэйэ. – Я думал, ты.

– Я бы хотел, но ни одной идеи не было! Я молил отца всё утро. Я не давал спать ему. Я перевернул всё Дождеоблако кверху тормашками, но ничего не добился. У меня никогда не имелось столько мозгов, чтобы организовать побег из темницы за один день и не попасться!

– Да и у меня тоже их не так много, – заметил Анэйэ. – Я не помогал сбежать уродцу.

– Кто тогда? – прошипел Эррамуэ со вчерашней злобой. – Он сам прогрыз стены и восстановил их за собой? О диво!..

В этот момент у Анэйэ в голове вдруг что-то щёлкнуло. Он опустил голову и отвёл глаза, слегка пожав плечами, как часто делал, надеясь очаровать наставников, чтобы избежать наказания за невыполненное задание.

– Понятия не имею, кто за этим стоит, – пробормотал он. – Только у уррайо знатного происхождения есть доступ к темницам. Наверное, его вызволил кто-то из аристократов... Не понимаю только, как и зачем.

Эррамуэ внимательно смотрел на него, и Анэйэ всем телом чувствовал этот пристальный взгляд.

– Это ты, – уже с уверенностью в голосе сказал Эррамуэ. – Ты, царственный мой брат. Не упирайся. Я вижу по тебе.

Когда пытаешься обмануть, всегда так дёргаешься. Своими плечами.

Это прозвучало, как какой-то упрёк. Анэйэ даже почти искренне огорчился.

– Даже если я, что теперь? Этим поступком я тебе тоже не угодил? – обиженно фыркнул наследник и отвернулся полностью. – Как будто ты мой господин, а не я твой. Из-за уродца слишком много проблем, не находишь? Изволь-ка помнить своё место и прекращай говорить со мной таким требовательным тоном. Ты меня рассердил, я ухожу.

Он двинулся прочь из закоулка, в который они забрались подальше от чужих глаз. Эррамуэ сначала окликнул его громким шёпотом, потом ринулся вперёд и схватил за шиворот. Анэйэ резко развернулся, ударив его по рукам.

– Риндо! – с почти неподдельным гневом прошипел он.

Эррамуэ отступил на пару шагов назад. На слабом сером свете его фиолетовые глаза блестели полумёртвыми звёздочками.

– Так это ты его вытащил? – как ручной ворон повторил он этот вопрос.

– Ты и сам знаешь, – поправляя крылья айише, раздражённо выдохнул Анэйэ. Но удержал себя в руках и опять отвёл взгляд, будто опасаясь собственной сердечности и благородства своего поступка.

Эррамуэ помолчал, а потом низко заговорил:

– Не думай, что я тебя теперь прощу. Ты как ночной лис,

дождался момента, когда все отвернулись, и сделал что хотел. А когда взгляды были устремлены на тебя, и у тебя была возможность во всеуслышанье сказать своё слово, ты молчал, засунув нос в хвост. Ты подлец.

Вот сейчас Анэйэ по-настоящему разозлился. Он сыграл этот короткий спектакль для того, чтобы реабилитироваться в глазах своего глупого риндо, а мало того, что не удалось, так дурак Эррамуэ теперь ещё и взбешён подпольной «работой» господина.

– А мне требовалось выступить против всего совета и сказать, что уродец не предатель просто потому, что он тебе нравится?! – сквозь зубы процедил он, взмахнув руками. – А потом дожидаться его казни? Я, может, и подлец, а ты глупец, недостойный брат. И зачем я это сделал? Лучше бы твоего уродца отдали львам на съедение!

Он понял в процессе своей речи, что, скорее всего, Эррамуэ не знает, как извиниться перед господином или хотя бы примириться с тем фактом, что Анэйэ помог Эламоно больше, чем он сам. И потому риндо не нашёл ничего лучше, чем снова обвинять друга. Тем не менее, развернувшийся сценарий чем-то вышел даже удачнее для наследника Тьмы. Он покинул этот коридор, не оборачиваясь, а тихое эхо от его возмущённого голоса, в котором читалось оскорбление несправедливыми обвинениями, витало в чёрном воздухе за спиной. Эррамуэ не последовал за ним и не окликнул его.

Анэйэ быстро успокоился. Он достаточно хорошо знал

своего друга, чтобы быть уверенным: ещё раз поразмыслив над словами и поведением господина, риндо поймёт, что был неправ. Эррамуэ всегда был слишком вспыльчив. Что ж, его раскаяние будет ещё веселее наблюдать, зная о том, кто точно не является настоящим спасителем Эламоно.

Он быстро шёл, минуя коридор за коридором. Приблизился час занятий с наставником по боевому искусству. Обычно Анэйэ учился вместе с Эррамуэ, а айэ Алийерэ заходила понаблюдать за их успехами, порой и вовсе замещающая старого учителя. Сегодня Алийерэ, как и внушительная часть двора Нерайэ, была занята поисками пропавшего уродца, и Эррамуэ тоже вряд ли собирался появляться на уроке. Предстояли очень скучные два часа одиночества и размышлений, которые, конечно, не собирались покидать голову наследника даже на время тренировки.

Ну что ж, он сделал всё, что мог в этой неприятной ситуации. Эламоно пропал – так даже лучше. А Эррамуэ, если не совсем безумец, уж найдёт способ пересилить себя и снова сдружиться с господином. Анэйэ и так ему помог, выставив себя тайным помощником его глупого братца. Вряд ли риндо, хорошенько подумав, рискнёт и дальше пребывать в образе оскорблённого совершенства, зная об отношениях между их отцами и о том, кем они приходится друг другу. В конце концов, Анэйэ всегда найдёт способ вернуть его расположение, так или иначе.

...

Нерайэ Уррэйва ещё не говорил с сыном наедине с момента своего возвращения.

Отец был непростым человеком во всех смыслах. Вот и сейчас вместо того, чтобы просто сказать сыну что хотел, он подослал гонца с приказом для Анэйэ явиться к южному краю стольного облака и не брать с собой ничего. Анэйэ запахнул поплотнее полы своей котты, натянул воротник айише почти до носа и отправился в путь, проваливаясь в снег и задерживая дыхание, когда ледяной холод вгрызался в его кожу сотнями злых клычков.

Ему потребовалось не больше двадцати минут для того, чтобы достигнуть края облака. Кончался час Ночной Охоты, и без того медленная, неторопливая жизнь уррако замедляла свой ленивый бег. Чёрные крыла не тревожили Лунного спокойствия. Откуда-то издалека, с нижних облаков, слышался плач ребёнка. Детёныши – они и на Небесах детёныши. (Кстати, их стенания твердынцы обожают приписывать непокойным душам утопленников).

Бледные лучи вставали вдоль всей линии горизонта дымчато-голубыми знаменами. Анэйэ боялся подходить близко к краю Уррэйва. Он замер у небольшой поросли мёртвых кустарников, чьи белые, как поганки, корешки торчали во все стороны из-под снега, захваченные тонкими грибными плющами. Задумчиво пиная шляпки снежных грибов, Анэйэ стоял и ждал. Когда прошло три минуты, он устал без-

действовать и присел на корточки, принявшись играть в одну из своих любимых уличных игр, не требовавших сильного умственного напряжения: лепить снежки и швыряться ими с края облака. Не подходя к самому обрыву, он всё равно умудрялся попадать в цель белыми комочками – в пустоту, которая разевала свою бледнеющую пасть в десяти прыжках от него.

За этим занятием его и застал отец. Он подошёл сзади и окликнул насмешливым голосом:

– Мой будущий повелитель, Вы готовитесь к атаке на Твердь земную?

Подскочив и оглянувшись, Анэйэ улыбнулся и поклонился, согнувшись пополам.

– Нет, отец. Просто игра.

Хмыкнув, Нерайэ Уррэйва подошёл к нему. Его тяжёлые руки легли на плечи Анэйэ двумя неподъёмными тучами. Никто не сопровождал Нерайэ Уррэйва. Уррайо не могут позволить себе такую роскошь, как всюду преследующий повелителей почётный конвой, как эвелламе, очень охочие до подобных развлечений. Кроме того, любому уррайо спокойнее наедине с собой, чем со стадом верных последователей. Да и что может грозить человеку в этой безжизненной тёмно-синей пустыне? Если что-то и может, то верный меч в умелых руках защитит любого уррайо надёжнее, чем сотня до зубов вооружённых солдат.

Анэйэ смиренно стоял, склонив голову, ожидая, когда

отец решит заговорить. Ощущая макушкой, как пристально Нерайэ Уррэйва глядит на него, наследник чувствовал себя интересной картиной или забавной скульптурой, на которую хочется смотреть долго-долго, выискивая что-то – замысел автора, допустим, какой-то тайный посыл, хитроумно сокрытый в чём-то маленьком и на первый вид незначительном. В отцовских руках, под тяжёлым изучающим взглядом Повелителя он становился не просто беззащитным детёнышем, слабым и крошечным, а пёрышком, отданным безумному ветру, не имеющим своей воли, безвольной игрушкой в лапах мудрой и древней стихии. Ему диковинно было думать об этом – и странно, и легко, и унизительно.

– Анэйэ, мой Тёмный Повелитель, мой ночной ураган, мрак на дне колодца, песни козодоя в час Луны, – обращение к сыну плавно перетекло в цитату старой песенки. – Маленький Небесный царь. Любишь своего батюшку? Или боишься? Или прохладно уважаешь? Или считаешь старым козорогом и ждёшь не дождёшься, когда батюшка подохнет от кристальной хвори?

Анэйэ скованно улыбнулся, хотя ему захотелось посмеяться.

– Отец, я люблю Вас, и уважаю, и боюсь, конечно же.

Руки Нерайэ Уррэйва наконец отпустили плечи мальчика. Наследник Тьмы рискнул поднять взгляд, вздрогнув от чего-то перед этим, и увидел добродушную улыбку в изгибе губ под мягкой чёрной бородой отца.

Взрослый мужчина смотрел на него сверху вниз, и в прищуренном синем взгляде были любовь и змеиный интерес, как будто Анэйэ и впрямь был редкой картиной. «Зачем так смотреть?» – слегка затравленно подумал он, но ни один мускул на его лице не дёрнулся.

– Ты не представляешь, как ты важен, – серьёзно сказал Нерайэ Уррэйва, зрачки его по-кошачьи сузились. – Для меня и для всей нашей бедной страны, о маленький мрак. Облачко Тьмы на Небосводе. Да, Анэйэ. Уже очень скоро наши крылья разгонят мир над Твердью. Очень скоро Света лучи померкнут, и Лунные лучи, лучи сердца ночи воцарятся навеки. Можешь уделить своему старому отцу полчаса своего времени, маленький Повелитель? Великие свершения не ждут тебя?

– Не ждут, отец. Я готов уделить Вам всё своё время от заката до заката.

– Вежливость – порок, малыш мрак, вежливость всегда лжива, хоть и очаровательна, – сказал Нерайэ Уррэйва. – Но и порок – наше второе имя... – он широким небрежным жестом указал на край облака, и Анэйэ понял: отец хочет прогуляться с ним. Вдоль края. Очень неприятное обстоятельство, потому что придётся чувствовать, как захватывает дух и закладывает уши от воя ветра. Но ничего не оставалось, как подчиниться воле Повелителя. Они вдвоём двинулись мимо оскалившегося бледными Лунными лучами чистого ночного Неба. Хралуна чернел каменной злой глыбой

справа от них, не так уж и далеко.

– Огонь Небесный – воевода, Вода Небесная – жрец-сказитель, Ветер – Повелитель Небес. Три льва, три вождя, три царя ночи. Эвелламе похитили у нас силы стихий, да сами же и забыли их, не научившись ими владеть или не захотев научиться. Не будешь против, мой мрак, если мы заговорим о твоей судьбе? – во вкрадчивом рокоте отцовского голоса порой темнела чудная игривость. – О судьбе Повелителя Ветров?

– Конечно нет, отец.

– Жизнь твоя пройдёт в величии. Сын мой, тебе не представить в твоём возрасте, чем поистине тебе предстоит править. Весь мир – это куда больше, чем кажется. Больше, чем Уррэйва. Больше, чем Небо.

Далёкий львиный рёв принёс беспокойную загадку в атмосферу происходящего.

– Править будут те, кому предназначено править. А власть всегда делилась на три доли, мой малыш.

– Я буду Повелителем Ветров, а Эррамуэ Лэйо будет Повелителем Дождей, – очень уж захотелось Анэйэ сказать это.

– Ты совершенно прав, сын мой, ты прав. А кто будет Повелителем Гроз?

Наследник молчал, отпихивая ногами в стороны груды снега.

– Мейорэ Иллийно, отец?

– Неверная догадка. Он страж, и дети его станут стража-

ми.

– Тогда Нэньи с Крайнества?

– Опять неверно.

– Я не знаю. Имена древних повелителей Гроз не упоминаются в памяти Небес. Я не знаю, откуда они и кто они.

– Я рассчитывал на такой ответ, – сказал Нерайэ Уррэйва и на какое-то время замолчал. Анэйэ удивился, когда понял, что в этой паузе виновато не желание отца нагнать напряжения, а что-то иное, более неуверенное.

Тёмный Повелитель заговорил вновь, и теперь никакой ложной беспечности не звучало в его низком голосе.

– Их имя Нианорэ. Об этом знают многие. Но об этом не говорят. Потому что я запретил.

«Нианорэ», – спокойно повторил про себя Анэйэ. Звучало, как клубящийся ледяной воздух перед близкой грозой, как танец огненной пыли, осевшей на облаке после удара молнии.

– Почему о них не говорят? Почему я о них не знал? Они предали нас, как белый уродец, и их фамильное имя оскверняет язык того, кто поминает их?

– Они не предали, но сбежали.

Нерайэ Уррэйва остановился. Его взгляд задумчиво скользнул к Небу, а затем опустился параллельно горизонту. Тьма была непроглядной там, у Края, к которому их облако приближалось медленно-медленно.

– Последние из рода Нианорэ сбежали за десять лет до

твоего рождения. Они сбежали от меня, и они сбежали туда, где их не достать ни человеку, ни зверю. В Никуда.

Никуда, Ничто, Нигде – отсутствие, бездна чернее ночи и белее дня. Там нет жизни уррайо, нет жизни эвелламе и твердынцу. Там нет Ничего.

– Как это возможно? – тихо спросил Анэйэ. – Как они смогли? Они же должны были умереть, едва вдохнув воздух Ничего.

– Но не умерли, сын мой. Ответов на твои вопросы у меня нет, но есть у них.

– Почему они сбежали от тебя?

– Потому что Айороно Нианорэ посчитал меня глупцом, – просто сказал отец. – Им я и был. Глупцом. До твоего рождения. И до... Впрочем, изменилось столь многое. Облака переменились, ветер ревет громче и злее, и волчий вой слышен с Тверди. У меня есть теперь знания, к которым не останется равнодушен даже Нианорэ. А нам нужны все трое. Все три истинных Повелителя, чтобы у сердец, когда мы вернём их себе, были хозяева.

– Мы должны позвать Нианорэ обратно? – догадался Анэйэ. – Чтобы все три вождя Тьмы правили вместе?

– Можно сказать и так, – со смехом согласился Нерайэ Уррэйва. – Можно и так.

Ветер задул как-то яростнее, остервенело срывая накидку с плеч наследника. Анэйэ зажмурился, глядя себе под ноги.

– Повелитель должен завоёвывать любовь своего народа,

а не требовать её, – проговорил отец. – И Ветер ведёт за собой Грозу. Однако раз в двенадцать столетий бывает и наоборот, – он слабо коснулся пальцами коротких волос на макушке сына. – Завтра я отправлюсь в Никуда, чтобы вернуться с молниями на хвосте. Нианорэ не слушается меня в этот раз. Он возвратится на Тёмные Небеса, и его семья, и его люди.

А ты полетишь бок о бок со мной, мой маленький мрак. Поможешь мне вернуть верность моего брата по Тьме. Увидев тебя, мой маленький Повелитель, никто не посмеет усомниться в том, что зло не может не восторжествовать. Поговорив с тобой, услышав биение твоего сердца, Айороно Нианорэ вернётся под наши крылья. Ты, мой маленький мрак, моё сокровище, ты – моё победоносное знамение. Надеюсь, ты будешь помнить об этом всегда.

Глава 6. Маленький стайе из Края Соснового видит путь к спасению

Сарер ненавидел, когда наставник Мирлас называл его «шестайе», потому что у дворовых мальчишек было принято смеяться над этим титулом и заменять его пренеприятным словом «шест».

На самом деле, ничего отвратного в шестах нет. Да и «шестайе» ничего унижительного не означает, всего лишь синоним словосочетанию «маленький стайе». А до мнения дворовых мальчишек и их дразнилок будущему правителю Края Соснового и вовсе дела не должно быть. Он напоминал это себе, разворачиваясь резко, едва слыша знакомые выкрики бесстрашных заводил среди конюшат и юных псарей «глянь-те, шест вылез!», и удаляясь под сень родной крыши с таким надменным и возвышенным видом, какой, помимо него, умела принимать одна только стейя Ринетта.

Достаточно было одного его слова, чтобы этих хулиганов выпороли и подвесили за шкурки у частокола над воротами. Они обзывались только тогда, когда рядом не было никого, кто бы мог защитить Сарера, но проучить этих забавников чужими руками маленькому стайе не составило бы труда. Вот только он знал, что, даже если дворовые мальчишки после хорошего нагоняя его больше не тронут и в сторону

его не глянут, между собой ещё долго будут обсуждать, как трус и подлец Сарер Алвемандский вместо того, чтобы разобраться с ними с глазу на глаз, пожаловался взрослым, как обиженная девчонка.

Он мог бы спуститься с лестницы, подойти к этим необразованным, грязным, вонючим детям, спросить со спокойной улыбкой: «Ну, вы смеётесь надо мной и называете «шестом», что дальше? Я ничего вам не делал и не делаю. Не будет ли наша с вами жизнь спокойнее и приятнее, если ничем не обоснованные ваши насмешки в мою сторону и моё к вам равнодушие заменятся взаимным дружелюбием?»

Но вместо этого он разворачивался и уходил.

Сарер был хорош в рассуждениях, когда оставался сам с собой наедине. Но диалоги с людьми, особенно со взрослыми, почти никогда не складывались для него благополучно.

– Небесные почитатели придут нынче не одни, – рассказывал отец за едой. Вся семья была в сборе, немногочисленных слуг они отпустили и наслаждались обществом друг друга. – С ними будет отряд войдошей. Если память мне не изменяет, сотня из Черногривого Океана. А, быть может, Огненные Лебеди.

– Тебе следует перед сном есть те орехи, о которых говорил целитель, – произнесла стейя Ринетта ледяным тоном, будто в очередной раз кого-то отчитывала. – Мой шеле, ты уже в преклонном возрасте, память просто обязана изменять тебе. Судя по всему, она тебе изменяет со мной, потому что я

отлично помню то, что помнить обязан ты. К нам прибывает сотня Черногривого Океана под предводительством Элриса Арраксио, а орехи, помогающие поддерживать остроту ума старикам, хранятся в нижнем ящике справа от нашего ложа.

Неист Алвемандский, едва стейя Ринетта закончила свою речь, громко рассмеялся, обрушив кулак на стол.

– Дорогая моя шеле, никто не способен меня укорить в такой манере, в какой это выходит у тебя! Ты права, пять тысяч бесов, милая моя шеле! Ты права!

– Конечно, – прохладно согласилась мать.

Пока отец смеялся, Сарер всё думал: открывать ему рот или нет. В конце концов он всё же угрюмо заговорил, едва дождавшись паузы в разговоре родителей:

– Ничего не значит, что придут эти дурацкие небопочитатели. Они знают о бесах и Тьме не больше нас. Они только кажутся умными, а на самом деле не умеют ничего.

У него было право говорить такие вопиюще богохульственные вещи. Умей эти выряженные идиоты в видлогах, исписанных по краям священными письменами, призывать в дома чистую силу и даровать Небесные благословения, тогда ему бы не пришлось каждую ночь сгорать в собственном страхе.

– Сарер, – сказала стейя Ринетта. Всего лишь начало её речи, а он уже догадывался, что последует дальше. – Во-первых, что за слово ты произнёс? Слово «дурацкий»? Ты впервые находишься в обществе, Сарер?

– Нет, – вздохнул мальчик. Решился высказаться – получай по заслугам.

– После трапезы мы поговорим с тобой об этом слове, – слегка звенящим от гнева голосом говорила мать, как будто кидалась острыми ледышками. – Меня куда более возмутили твои утверждения, нежели твоя лексика. Сарер, ты слушаешь меня? Гляди мне в глаза. В глаза! Неист, скажи ему.

– Гляди в глаза матери, когда она учит тебя, мальчик, – хмуро проговорил стайе Алвемандский, сам в это время разглядывая свою тарелку.

Сарер покорно приподнял голову. Он постарался, чтобы взгляд его был по меньшей мере страшен.

– Небопочитатели – единственное, что соединяет нас с небожителями эвелламе, только через их песни Небеса диктуют нам свою волю...

«Если так, то Небеса слепы и беспомощны».

– ... если бы не благородные жрецы, не только Край Сосновый, но и наш дом стал бы одним большим урром, превратился бы в пристанище нечисти. Сейчас грязные лапы бесов не могут дотянуться до нас с тобой исключительно благодаря их стараниям!

«Их старания не стоят и кончика змеиного хвоста».

– Проявляя безосновательное неуважение к жрецам Небес, ты проявляешь неуважение к самому Небу.

«Небу нет до меня дела, – Сарер сузил глаза, внутренне содрогнувшись от обиды и злости. – Эвелламе меня ненави-

дят. Я не стану уважать тех, кто плевать на меня хотел!»

– Впрочем, я прекрасно понимаю, – в материнском голосе проскользнула тень иронии. – В тебе говорит возраст. Сарер, как бы ни хотелось бежать навстречу ветру и демонстрировать всюду свой крутой нор, прислушивайся к совести в те мгновения, когда тебе захочется ещё раз сказать хоть слово о Небесах и небопочитателях. Ты навлечёшь беду на всех нас, если прогневаешь повелителя Света. Не говори, что не учил историю и не знаешь, чем может обернуться неверие и невежество...

– Я знаю, – равнодушно проговорил Сарер. – Когда люди на Твердыни взбунтовались против власти мудрых эвелламе, Владыка Небесный сразил царя Каменного, велль-воевода сразил князя Огненного, жрец-сказитель сразил князя Речного, и пребывал весь народ земной в великой скорби. Было это три сотни лет назад.

Гнев стейи Ринетты поутих, тёмные глаза прекратили метать молнии. Впрочем, Сарер всегда старался не воспринимать близко к сердцу её гнев, иначе жить было бы невозможно.

– Отлично, что хоть это ты не подвергаешь сомнению. Будь так добр, принеси свои извинения.

– Кому? Тут нет ни одного небопочитателя.

– Сарер! – повысил голос отец.

Мальчик посмотрел ему в глаза.

– Извиняюсь перед Небом за то, что проявил невежество.

Извиняюсь перед жрецами Небес за то, что проявил неуважение.

На этом все успокоились. Ничего, кроме подпорченного настроения, Сарер не получил, высказавшись насчёт небопочитателей. Так оно бывает в нашем мире. Знаешь побольше многих, а молчать заставляют тебя.

Дальше курс материнского недовольства сместился, когда Ольтена начала шалить. Не доев свою порцию (он очень редко доедал до конца, даже если еда была вкусной), Сарер попросился выйти и отправился в свою комнату ждать Мирласа и материнского нагоняя за слово «дурацкий».

Сегодня ему нужно было выучить ещё одну былинку и потренироваться в чтении вслух Слова о Морях и Ручьях – любимый философский трактат в срединных землях о положении Воды между стихийных сил... Сегодня обещало быть полной копией вчера и позавчера – уныние, страх, тоскливое ожидание.

Сарер жил перепуганным зверёнышем, недолюбливая человеческое присутствие, боясь одиночества, скрываясь от теней и брезгливо отворачиваясь от солнечных пятен. Детство его не было голодным, он не был вынужден от рассвета до заката пахать в поле, пасти и доить овец или возить каменные груды от шахт через горные хребты, однако и более радостным оно от того не делалось. Выслушивая насмешки бедных ребятишек, Сарер мог думать только о том, что за возможность каждую ночь засыпать спокойно он отдал бы и своё на-

следство, и титул, и всё что ни было у него под этим Солнцем. Он бы бегал среди крестьян и детей слуг, смеялся и швырял грязными комьями под ноги лошадям знатных господ, а потом нёсся прочь сверкая пятками, чтобы не попасть под удар кнута; длинными зимними ночами, как Лефантрокэ-освободитель из «Саги о восстании», сидел бы среди братьев и сестёр, слушал бабушкины сказки и знал только то, что завтра его ждёт тяжёлая работа, а сегодня – спокойный сон человека, не заботящегося в силу своего отсутствующего образования ничем, кроме предстоящей сборки урожая да стрижки овец.

Родиться бы другим человеком – и не бояться никогда!

Сарер не знал, почему это проклятие пало именно на него. Он не имел ни малейшего представления, чем он мог так прогневать Небеса, что они однажды просто решили: «Нам следует превратить в кошмар жизнь этого мальчика».

Когда каждую ночь на протяжении долгих лет ты думаешь только о том, как бы убежать от своей смерти, ты просто не можешь расти обыкновенным ребёнком. Матери этого было не понять, и она без конца сравнивала Сарера с сыновьями соседних стайе, которые в десятилетнем возрасте уже были искусными мечниками, наездниками, стихотворцами и мёнестрелями. «Тебе не до чего нет дела, ты как животное – только и ждёшь, чтобы поесть или поспать». Сарер и впрямь нередко просился спать днём, зная, что его тогда ничто не потревожит, но в глазах стейи Ринетты причины этому были

совсем другие. Она всегда находила повод обвинить в чём-нибудь своего сына так, чтобы он почувствовал себя ещё более слабым и глупым, чем являлся на самом деле.

Как бы горделиво ни отказывался себе признаться в этом Сарер, он свою мать тоже боялся. Они не были друзьями, между ними не было доверия. Стейя Ринетта тщательно следила за образованием Сарера и волновалась о его будущем, она ещё пять лет назад руками Неиста Алвемандского вынудила Тширекского стайе дать согласие на то, чтобы его младший сын стал ринтом Сарера по достижению совершеннолетия. Юный шестайе Алвемандский знал: он должен благодарить мать за то, что она занималась всем этим, что она подыскала ему Мирласа, и противный старик каждый день делает из него человека. В том, что он ещё не запустил себя и не превратился в лежебоку-иждивенца, спящего днями напролёт, как великовозрастный душевнобольной сынок господина Плеойского, была только её заслуга. И тем не менее он не мог полюбить её за это.

Пять лет назад он подошёл к ней при двух небопочитателях из Святумана и спросил: «Почему эти люди у нас освятили небесной крошкой все углы, а бесы из моей комнаты никуда не делись?» Мать лишь холодно пообещала жрецам разобраться с проблемой и извинилась, а потом, вечером, отвела сына в сторону и долго отчитывала его, пятилетнего и перепуганного до смерти, за то, что он прилюдно оскорбил и её, и вестников Небесных, когда фактически заявил, что они

не выполняют свою работу. Стейя Ринетта ни на миг не поверила в то, что Сарер действительно видел что-то, чего не видела она, и что ему было страшно. Ей больше верилось в то, что её пятилетний сын преследовал цель опозорить свою семью глупым вопросом.

С тех пор он не заговаривал ни с ней о своём кошмаре, ни с кем-либо ещё. Вот, недавно попытался с отцом. Но тот лишь посмеялся.

Сегодня придут эти лживые святоши со своими небесно-голубыми шутовскими ленточками, сделают вид, что своими обрядами призовут благословенье эвелламе на терем Алвемандский, возьмут традиционную свою дань – восторг толпы, благодарности стайе и несколько мешков чистого золота на восстановление древних святынь, и пойдут дальше водить за нос честной люд по Тверди земной. А он, Сарер, десятилетний мальчик, может выйти в любой момент вперёд и заявить: «Вы все лжецы, все до единого! Ваши благоухающие белые хлопья – простой лебяжий пух, надушенный цветами, ваши молитвы – пустая болтовня без капли смысла. Вы ничего не знаете, вы ничего не делаете, в вас нет совсем никакого смысла». Но кто же ему поверит?

Впрочем, сам он не ранее как несколько дней назад поверил небопочитателю. «Через десять лет вы забудете о своём страхе». Тогда Сарер спросил о своём будущем пожилого жреца, испытывая сразу несколько чувств – недоверие, страх, надежда. Он никогда не доверял небопочитателям; он

боялся, что брат Энрид скажет: «Этот кошмар останется с тобой навсегда»; он надеялся, что в предсказании будет что-то вроде: «Ещё несколько месяцев – и всё закончится». Десять лет. Не так плохо, но и не хорошо. Навряд ли брат Энрид и впрямь разглядел его будущее. Судя по его сосредоточенной физиономии и неестественно закатившимся глазам, когда он пустил руку мальчика, жрец действительно попытался сотворить какое-то заклинание и заглянуть в сокровище от обычных глаз. Тем не менее, он также явно не совсем понял, что именно происходит с Сарером. Вероятно, брат Энрид даже не понял, что это за «страх», прозвучавший из его уст. Но главное, что сам Сарер всё понял и всё услышал.

И теперь, хотел он того или нет, ему верилось – вера эта сама собой укоренилась в нём. «Десять лет». Это не значило, что спустя десять лет он наконец будет свободен. Скорее всего, ему требовалось достигать своей свободы, добиваться её. Он точно не мог спастись от змея, продолжая день за днём просто покорно ждать своей смерти, как боров под топором мясника! Что бы ему ни было написано на роду, целью его жизни точно не было подчиняться Мирласу и матери, возиться с сестрёнкой, время от времени приветливо улыбаться небесным жуликам, которые не просто спустя рукава делали своё дело, а ещё и брали за это немалую сумму. Во всяком случае, сегодня терпеть это унижение и чувствовать себя мальчиком на побегушках из бродячего театра он не станет. Есть много способов избежать сегодняшней встречи с небо-

почитателями, и одним из них он точно воспользуется...

Отмучавшись под предводительством Мирласа два с половиной часа, Сарер заслужил полчаса отдыха. Он спустился по лестнице, обдумывая побег от грядущего торжества по поводу прибытия небопочитательской братии. Внизу, у самого входа, кухарка Зайхана подгоняла двух мальчишек, размахивая чепчиком в толстой руке и шипя приглушённо, чтобы не привлекать внимание:

– Всё на кухню, тащите всё на кухню! Фатрис, не забудь копчёного лосося! Бекон и масло, Ранмис-душечка, масло обязательно... Сегодня у нас будут обедать не только достопочтеннейшие небожрецы, но и ребята старика Арраксио из Океанской, уж им-то не пожалей масла для поросёнка!

Как всегда, простые люди были осведомлены куда сильнее, чем сын стайе.

– Зайхана, – окликнул кухарку Сарер. – А Расскажи-ка, будь добра, что за старик будет у нас сегодня обедать.

Заметив своего юного господина, Зайхана охнула и быстро поклонилась.

– О, мой шестайе, я Вас совсем не увидела! Прошу прощения за мой вид, – её некогда белоснежный фартук был весь в рыжем жире и золотых масляных пятнах, – но сегодня у нас с мальчишками дел невпроворот, столько народу кормить! Я имела в виду, у нас-то гостит Элрис Арраксио и его сотня, не считите за невежество, но те ребята, что знают его, называют «стариком Арраксио»... Он не возражает, право, он...

– А, – сказал Сарер. – Это он лидер отряда войдошей, которые придут вместе с небопочитателями?

– Он, он! Он душечка, замечательной души человек, мой шестайе! Я-то с ним не говорила, но мой племянник под его началом уже третий год держит меч. Айсиган говорит, что старик-то... прошу прощения... достопочтеннейший Элрис Арраксио не только главный в отряде Черногривого Океана, а ещё и сильнейший... – кухарка воздела палец к потолку, – сильнейший из борцов с нежитью с проклятой! Мало их осталось нынче, войдошей... но из тех, что есть, старик Арраксио – самый сильный!

– Самый сильный... – как ручной ворон, повторил Сарер. – Можете не извиняться. Благодарю, занимайтесь своей работой.

Кухарка всё же ещё раз извинилась и, прикрикивая на поварят, исчезла в части терема, предназначавшейся для слуг.

Сарер передумал сбегать с сегодняшнего обеда. Свои полчаса отдыха он провёл, стоя у лестницы, прислонившись лопатками к выступавшей из перил деревянной рысьей голове. Мимо пробежали туда-сюда поварята, шныряли хозяйские люди, заглянул конюх спросить об укrywшемся пёс знает где конюшонке. Время шло к часу Дневной Охоты. Когда скрип мирласовых возмущений долетел откуда-то сверху, Сарер почти равнодушно побрёл вверх по лестнице, размышляя о том, как себя вести на предстоящей встрече с гостями и какие вопросы задать.

Если небопочитатели были в большинстве своём шарлатанами, не умевшими или не хотевшими исполнять свои законные обязанности, можно ли было то же самое сказать о войдошах?..

Этот старинный орден в былые времена был основан, как отряд единственных на всей Тверди, кто был способен противостоять бесам с Тёмных Небес, отряд храбрых мужей, не боящихся взглянуть в глаза первородному ужасу, который насылали на земные княжества уррайю, опутывая своими заклинаниями сны и умы невинных твердынцев. В отряд принимали только тех, кто знал на что шёл. Кто был готов пожертвовать не только телом, но и душой на страшной войне со страхом во плоти. Благодаря стараниям войдошей и помощи со Светлых Небес уррайю перестали беспокоить Твердь своими набегами, оставив, правда, на Тверди своё тёмное наследие. Возня с наследием этим – с проклятой энергией, пропитывающей воздух и жизнь вокруг тех мест, где некогда сходили с Небес уррайю, с мелкими бесами, плодящимися вокруг этих же заражённых Тьмой участков – легла на плечи войдошей, которые теперь не сражались с уррако напрямую, но очищали Твердь от остатков их давнего разгула. Орден не распался и не перестал быть нужным. Урров – участков, где когда-то давным-давно уррайю спускались на своих тёмных облаках, чтобы заливать кровью всё на своём пути – слишком много ещё оставалось под Солнцем и Луной. Там, где некогда Тьма коснулась Тверди, спокойной жизни места не

было. Чтобы разрушить старинные проклятия, очистить повреждённую землю от влияния давно покинувшего её зла, сразиться с без конца и причины появлявшимися там злыми духами и позволить крестьянам опять работать, выращивать зерно и пасти скот, требовалась помощь тех, кто был достаточно отважен, чтобы встретиться лицом к лицу не только со своими страхами, но и со Страхом вообще. Урров было полным-полно по всей Тверди, хотя вблизи Алвеманда их водилось не так много.

В общем, войдоши до сих пор жили и здравствовали. Причин обвинять их в некомпетентности у Сарера не было, хотя бы потому, что они на его памяти ни разу не появлялись в Крае Сосновом. Небопочитатели «призывали благословения» своими молитвами и пафосными речами и являлись чисто фикцией, призванной успокоить души богатых землевладельцев и продемонстрировать крестьянам высоконравственность их господ, пользующихся услугами жрецов. Орден войдошей же использовал куда более наглядные методы – меч и колдовство, дарованное Светом.

Сарер сам не понимал почему, но слова кухарки о старике Арраксио принесли ему странное успокоение. Если он так хорош, что считается сильнейшим в своём ордене, тогда, быть может, он выслушает и поймёт Сарера? Он не может назвать его страх чушью и посмеяться над ним.

Мирлас издевался над своим юным подопечным недолго. Спустия меньше, чем час, начиналась торжественная церемо-

ния встречи, и старый бездельник был вынужден отпустить Сарера с миром. Мальчик зашёл в свою комнату, чтобы поменять обычную одежду на более представительную. В Аллемандском теремке слуг водилось очень немного, и его благородные обитатели самостоятельно справлялись с такими трудностями, как переодевание, раскладывание своей постели перед сном и прочее, с чем иным господам Поднебесья справиться не под силу. В некоторые дни Сарера это злило, он был бы не прочь, если бы кто-нибудь услужливый сам занимался стягиванием с него длинной рубахи и прикреплением к сапожкам блестящих и звенящих серебряных цепочек.

Но в основном он был даже доволен тем, что за неимением большого числа слуг ему предоставляется больше времени одиночества... Одиночество пугало его и тянуло одновременно. Для него не было ничего приятнее, чем закрыть дверь, дёрнув за круглую ручку тяжёлый железный замок, и, оставшись сам с собой наедине в тихой спокойной комнате, ощутить себя самым свободным живым существом в мире. Эта свобода настолько же приятна, насколько обжигающе ужасными оказывались те мгновения, когда он, вскочив поутру с постели, первым делом мчался в одной ночной рубашке вниз, здороваясь с каждым встречным на пути, надеясь, что чужое присутствие смоет с души липкий страх, отскребёт цепкие репья не успевших растаять в свете Солнца кошмаров. Сейчас, днём, оказавшись в одиночестве в своей комнате, Сарер мог не бояться. Без сомнения, Змей видит

его и сейчас. Это знание отравляло каждый вздох, но он давным-давно привык к этому яду. Поэтому только бросил один короткий взгляд на стену между шкафом и дверью. Там, конечно, ничего и никого не было, только матовая тень уныло бледнела призраком рано умиравшего дневного света.

Стягивая через голову тёмную свиту, чтобы заменить её на позолоченный кафтан из плохо мнущейся крепкой ткани, Сарер ещё раз обдумал свой план действий. Он должен был найти способ завести разговор с этим стариком Арраксио, достопочтенным... Элрисом? Какое-то дело привело в Край Сосновый войдошей, что само по себе было событием знаменательным, и нельзя было упускать такой момент. Сарер знал о том, что люди этого ордена крайне необщительны, не посвящают в свои дела кого попало и действуют исключительно по воле своего лидера, не подчиняясь никаким князьям, не подчиняясь даже царю Тверди. Следовательно, какой им резон, услышав заверения хозяев терема и небопочитателей о том, что здесь точно не может водиться никакой нечисти, поверить этому беспрекословно? Если эти воины хоть немного столь упорны в стремлении уничтожить последние следы пребывания уррайо на Тверди и преданны своему делу, как о них говорят, есть смысл надеяться на внимание старика Арраксио к несчастью мальчика, уже который год страдающего от проклятья Тёмной силы. Вообще-то говоря, о небопочитателях тоже много чего говорят, и грош цена всем этим сплетням. Тем не менее, попытаться стоило.

...

Сегодняшний приём гостей проходил сдержанно, без размаха и излишней роскоши. Сотня Черногривого Океана представляла собой нечто похожее на отряд-призрак из легенды о Феране Схиффском и его кораблях-невидимках. Немаленький отряд явился на земли Алвеманда, почти вплотную подошёл к резиденции стайе, и единственным, что выдавало его присутствие, была лишь непривычная тишина, висящая над длинными рядами деревянных изб, с трёх сторон окружавших Алвемандский теремок. Обыкновенно оттуда доносились крики детей, пение женщин, нетерпеливая брань мужчин. Сегодня же только лай собак говорил о том, что за высокой оградой, окружавшей обитель стайе, оставался кто-то живой. Вероятно, люд находился под впечатлением от прибывших на их земли воителей, потому и притих. Окна комнаты Сарера выходили на необитаемую часть сосняка, а когда он вместе с отцом, матерью и сестрой вышел приветствовать гостей на улицу, увидеть ему членов отряда помешали плотно прилегавшие друг к другу брёвна забора. Он был весь в нетерпении, пока Неист Алвемандский чинно здоровался с двумя небопочитателями крайне эксцентричного вида (кажется, сегодняшние были особенно богаты и особенно бесполезны даже на фоне своих предшественников). Голубые ленточки, перекинутые через плечи обоих, достигали в ширину трёх мужских ладоней, а письма, выши-

тые мелко-мелко по их краям, поблескивали на закатывающемся Солнце, как чистое золото. Когда приветственные церемонии подходили к концу, в широко распахнутых воротах наконец появились те, кто интересовал сегодня Сарера.

Широким шагом старого солдата, давно повидавшего все ужасы, которые только могли твориться на этой земле и под этим Небом, разбрасывая снег в стороны, как будто нерасчищенные кучи сугробов были головами презренных врагов, вошёл в тень Алвемандского терема лидер отряда войдошей, старый Элрис Арраксио.

– Лидер Черногривого Океана, удачи Вам Небесной, – скосив глаза на мгновение в сторону жены, проговорил Неист Алвемандский и шагнул вперёд, от души поклонившись. Войдош принял поклон, не дав ответного. Следом за ним вошли ещё четверо воителей. Все прочие, по-видимому, оставались в деревне. – Мы рады видеть Вас в нашем Краю. Надеюсь, воспоминания Ваши о времяпрепровождении в скромном Алвемандском теремке останутся самыми лучшими. Могу я пригласить Вас внутрь?

– Насчёт скромности вашего теремка – это сказано с преуменьшением, – заметил Элрис Арраксио, остановившись напротив стайе. – О, скромность. Эта скромность пришлась бы по душе в славной Светелице, – он кивнул, показывая свою готовность следовать за Неистом Алвемандским. – Приглашайте меня, дорогой друг.

Сарер во все глаза смотрел на войдоша. С тех пор, как

ЭТОТ человек появился в воротах, мальчик не мог оторвать от него взгляда. Длинный чёрный плащ, внушительная часть которого тенью волочилась за хозяином, идеально гладкая лысина черепа, которую не прикрывала даже хиленькая шапка, пронзительно-бесцветная рукоять клинка, торчащая из-за распахнутых подолов короткой шубёнки, почти полностью скрытой под плащом... и глаза. Таких глубоко посаженных и таких остро сверкающих глаз Сарер не видел ни у человека, ни у зверя. Он редко обращал внимание на глаза людей, да и в принципе на их внешность. Но сейчас мальчик, как загипнотизированный, уставился в эти затемнённые широкими дугами бровей глаза, не думая о том, как это, должно быть, невежливо с его стороны. Сестрица Ольтена подёргла его за рукав, напоминая о том, что следовало вместе с отцом склонить голову. Раздосадованный тем, что пятилетка напомнила ему о правилах приличия, Сарер невпопад сделал странное движение, не то присев, не то тряхнув головой, и его неловкость вряд ли укрылась от матери, всегда остававшейся настороже, как ястребица над полем.

Элрис Арраксио первым взошёл по гладким деревянным ступеням крыльца, с каждой из которых как раз перед его прибытием скололи внушительный слой льда. Неист Алвемандский следовал сзади и справа, согласно старому обычаю сопровождая гостя внутрь дома, Ринетта шла за мужем. Сарер и Ольтена пропустили вперёд четверых войдошей, пришедших вместе со своим лидером, и тоже зашли в терем.

Все четверо воителей были молчаливы, а их лица – непроницаемы. Сареру подумалось, что эти люди, должно быть, видели столько бесов, сколько ему ночей ещё не приходилось пережить со дня рождения. Он почувствовал себя маленьким трусом и глупцом. Войдоши таких, как его змей, каждую ночь уничтожают толпами, а он не может справиться с одним небольшим кошмаром уже не первый год. Только и умеет, что убегать... Наверное, мама права. Он просто ни на что не годный глупый ребёнок. По сравнению с этими воителями – точно.

Слуги сняли подбитые мехом плащи и пушистые полушубки с четы стайе Алвемандских и их детей. Войдоши не позволили прикоснуться к своей одежде.

– Оставьте, – сказал Элрис Арраксио, когда молоденькая улыбчивая служанка протянула пальцы к застёжке его плаща у правого плеча. Потом обратился к другим девушкам, которые, зная своё дело, подступили к четырём войдошам, чтобы помочь им с одеждой. – Девицы, мы люди давно уже не маленькие. Поди сами со своими тряпками справимся и не развалимся. Так, ребята?

Его воители закивали, двое слегка улыбнулись. Одна из служанок, не растерявшись, хихикнула и учтиво поклонилась. Элрис Арраксио с чувством ответил на её поклон.

Неист Алвемандский, по-видимому, почувствовал себя неловко. Он что-то заговорил старику Арраксио о дереве, из которого вытесаны брёвна для теремка, об орнаменте, укра-

шающем белую поверхность глиняного столика у лестницы, о том, как грамотно расставлены в углах главного зала курильницы и венки из веточек старой вербы для призвания Небесных благословений. Сарер это почти не слушал, потому что отец рассказывал одно и то же всем своим гостям, и мучался скукой. Казалось, войдоши разделяли чувства мальчика. Один из присутствовавших здесь воителей был совсем молод, не сильно старше Сарера. Наверное, ему было лет четырнадцать. Но он был высок, хорошо сложен, и его лицо было непроницаемо. Его возраст выдавали только порой проскальзывавшая во взгляде детская неловкость, когда милая служанка пробежала мимо, и то, как он поджимал губы и сучающе барабанил костяшками пальцев по крепкому ремешку, державшему его просторные толстые шаровары. Внезапно маленький стайе очень сильно позавидовал ему.

Вряд ли хоть один из воителей, даже этот юнец, засыпает с мечтой умереть побыстрее в грядущую ночь.

Войдоши сами сняли свою верхнюю одежду и остались лишь в свободных свитах без намёка на украшения и толстых шароварах. У них также не стали забирать оружие, хотя обыкновенно в терем Алвемандов посторонний человек не имел права входить, не отдав при дверях последнего ножика. Каждый из воителей носил у левого бедра по короткому мечу, заключённому в странные ножны, у которых почти полностью отсутствовал цвет. Их мечи будто были сделаны из мутного старого стекла, настолько мутного, что ни кап-

ли света не могло пробиться сквозь его поверхность. Сарер уже полчаса только и делал, что глазел – на чудные ножны, на юного войдоша, на спокойного и невозмутимого старика Арраксио.

Кажется, небопочитатели с войдошами были не в ладах. Святые братья держались поодаль от воинов, неловкость и брезгливость отчётливо рисовались на их выбритых толстых мордах. Сарер почти с восхищением подмечал разницу между членами двух орденов. На фоне изящно разодетых, ухоженных, благоухающих пряной гвоздикой жрецов суровые воины в простых рубахах, со свободно вьющимися бородами и усами выглядели, как гончие псы рядом с болонками. Сарер вдруг устыдился своего внешнего вида, своего позолоченного кафтанчика и гладко расчёсанных волос. Ему всегда казалось, что внешний вид рождённого в достатке сына благородного рода никак не может оказаться более достойным презрения, чем вид простого крестьянина, солдата, каменщика или рыбака. Он впервые за свою жизнь почувствовал что-то вроде укола совести. Быть может, если бы он не был такого знатного происхождения, если бы проклятый змей прицепился не к Сареру-шестайе, а к Сареру-сыну дубильщика кожи, тогда этот, другой Сарер без всякой опаски бы ушёл в орден борцов с кошмарами, не волнуясь насчёт последствий своего поступка и как это будет выглядеть в глазах матери, наставника и незримых наблюдателей, вечно ждущих от правителей Края Соснового дурацких реше-

ний и глупых поступков. Никто бы не смотрел на него уничижающе и не шелестел юбками, разворачиваясь, никто бы не спросил: «Ты специально это хочешь сделать, чтобы опозорить нас, да?» Сарер представил себя взрослого, высокого, с могучими мышцами и толстыми руками, как у старика Арраксио, с густой бородищей, как у одного из четверых воителей, с до жути бесцветным клинком у левого бедра, и сам от себя пришёл в неопиcуемый восторг.

– ...ведь ничего не угрожает? – услышал сквозь свои мечтания мальчик конец отцовской встревоженной речи. Видимо, Неист Алвемандский понял, что гостей не слишком интересуе, сколько поколений видали оленьи рога, торчащие из стены над изгибом главной лестницы, и потому стае перешёл к делу. В процессе разговора все присутствующие медленно двигались по направлению к залу, где не так давно отмечали праздник Бесов, и скука от воспоминаний о том пире накатила на Сарера, как ленивая речная волна.

– Не волнуйтесь, князь мой. Не волнуйтесь, выдохните, – отвечал Элрис Арраксио. – Если бы мы услышали о том, что где-то в районе вашего скромного теремочка уррайо заготовили торжественное приземление, немедленно сообщили бы. Уров в округе нет? Ведь так? Здорово-здорово. Всё остальное – забота для братьев-небопочитателей. Пускай прочитают парочку молитв, состояние ваше благословят, чтобы из скромных условий выбраться... Никакой чрезвычайной ситуации, князь мой. Мой отряд здесь только пото-

му, что этот скромный теремок лежит на нашем пути.

– Да, в письме говорилось, что Вы отправляетесь к Горгульям, – торопливо проговорил Неист Алвемандский. – Но, позвольте узнать... Алвеманд точно в безопасности от проделок всяческой... э-э... нечистой силы?

– Что за расспросы?! Уверен ли я? Я разве живу здесь? Спросите у себя, князь мой. Ночью ничего не выходит из ваших стен, чтобы гулять по снам и жрать ваши души? Собаки не воют под вашими окнами с завидным упорством? Дети не плачут, глядя в углы, кошки не кидаются беспричинно наутёк, воя от страха?

– У нас нет кошек, ваша...

– Это нехорошо-нехорошо, – они вошли в главный зал, и старик Арраксио присвистнул, оглядывая высокие деревянные балки, поддерживающие потолочные брёвна. – Скромно, так скромно! А кошек нет. Я бы посоветовал Вам обзавестись кошкой или несколькими. Если Вы волнуетесь о том, что у вас дома ниоткуда появится бес, это не помешает. Как говорят в народе, кошки призывают благословения не хуже небопочитателей.

Брезгливость появилась на лице Неиста Алвемандского. Когда речь заходила о домашних животных, отец Сарера не мог сохранить достойного поведения, будь его собеседником хоть сам Повелитель Небес.

– Поверьте, я сам решу, стоит ли мне держать дома кошек. Недолюбиваю этих тварей, они вечно приносят блох на хво-

стах, одни неудобства их содержать.

Элрис Арраксио не обиделся на нотки раздражения, промелькнувшие в голосе стайе.

– А? Думаю, Ваши дети другого мнения. У мелких особая любовь к животным, что у крестьянских мальчишек, что у...

– Правда! – вдруг пропищала Ольтена.

Сарер удивился. Хотя сестрица его не была из девочек сообразительных, обычно во время важных встреч отца ей хватало ума ничего не говорить и стоять относительно смиренно. Только что она перебила старика Арраксио – ну и влетит же ей!

Стейя Ринетта одними губами угрожающе произнесла имя дочери, и та не могла этого не заметить, но всё же решила не извиняться за своё вторжение в разговор. Элрис Арраксио, впрочем, с улыбкой глянул свысока на юную стейю. Двое войдошей обменялись шёпотками, один из них тоже улыбнулся.

– Извините мою девочку, – сказал Неист Алвемандский и добавил без злобы: – Ей трудно запомнить, что не следует перебивать взрослых.

– Не за что извиняться, храни вас Небеса, она же ребёнок, – отмахнулся войдош. – Если бы я в свои семь лет говорил на Вашем языке – «извольте-извольте» – я бы подох раньше, чем мой вечно хмельной батя, Твердь ему чугуном. А, малышка? – он обратился к девочке, наклонившись и опершись ладонями на колени. – Мучает тебя батька, застав-

ляет приседать, кивать и помалкивать, а? Выдохни, дорогая, что ж ты так волнуешься.

Ольтена восприняла буквально и шумно выдохнула, и яростно замотала головой, размахивая тонкими косичками:

– Да, да!

Неист Алвемандский скованно захохотал, Сарер поджал губы в смутном беспокойстве, а лицо стейи Ринетты было непроницаемым и жутким, как покрытый льдом глубокий омут в сердце тайги.

Пока войдоши посмеивались между собой, Ольтена заговорила тоном, который можно было принять за виноватый:

– Я просто так сказала, потому что вы сказали про животных и что их все любят. Дяденька вош, это правда, я тоже люблю животных и особенно змей, но дома держать никого нельзя.

Услышав про змей, Сарер был немало удивлён, остальные же придали больше значения прозвучавшему в адрес лидера войдошей обращению. Старик Арраксио, посмеиваясь, обернулся к своим:

– Говорите мне впредь не «господин», а «дяденька вош», слышь, ребята!

– Так точно, дяденька вош! – откликнулись остальные.

Неист Алвемандский тоже подключился к веселью, сказав какую-то ловкую шутку и вызвав новый приступ смеха у старика Арраксио, а следом – у остальных воителей, в общем, напряжение пропало. Стейя Ринетта была недовольна. Она

произнесла низким голосом, в котором проскальзывали морозные искорки:

– Господа, как наговоритесь, располагайтесь за этим столом. Я распоряджусь о еде.

И покинула залу. Сестрица Ольтена тоже куда-то исчезла, возможно, убежала следом за матерью. Сарер теперь чувствовал себя совершенно лишним. Кажется, Ольтена с её живыми глазками, пронзительным голоском и «дяденькой вошем» больше заинтересовала старика Арраксио, чем старший Алвемандский сынок, молчаливый, хмурый обладатель взгляда «загнанной лесной кошки», как о нём выразилась его многоюродная тётенька, гостившая не так давно в теремке. Он не слушал больше взрослой болтовни, а просто вежливой тенью стоял рядом, а когда все уселись за стол, то так же молча занял своё привычное место не так далеко от отца, но и недостаточно близко, чтобы привлекать внимание.

Он думал о том, почему Ольтена выделила змей, когда говорила о том, что любит животных. Почему-то он мог связать её фразу только с одной конкретной змеей. У Сарера в голове складывались самые разные вероятные события, которые заставили сестрицу так сказать. Может, ночью он кричал что-то про змея, и Ольтена услышала? Тогда зачем же ей любить змей? Может, Ольтена каждую ночь гуляет по тёплой лесочку под улыбающимся солнышком и собирает цветы в компании добрых змеек-подружек? Тогда почему, чёрт возьми, эта потусторонняя чушь работает таким образом?!

Вероятно, дух-хранитель дома просто ненавидит Сарера. А Ольтена... Вечно ей везёт! Старик Арраксио тоже обратил внимание только на Ольтену, а когда она исчезла, спрашивал нарочито громко и театрально удивлённо: «Где же наша вежливая девочка?» И мать занимается с Ольтенной рисованием, считая Сарера ни на что не годным за одно его равнодушие к кистям, холсту, смешиванию цветных красителей и ежевично-шафрановой вони. Почему бы в таком случае духу-хранителю, если это животное вообще существует, испытывать к Сареру какие-то тёплые чувства, если юный шестайе Аллемандский не нравится абсолютно никому?

Стейя Ринетта появилась ещё несколько раз, в один из которых оба небопочитателя подошли к ней и удалились в её компании. Видимо, мать желала обсудить с ними детали грядущего ритуала по благословению дома и деревни. К столу подали свинину, нарезанную тонкими полосами и посыпанную луком, тушёные овощи, репу с тимьяном, но Сарер даже из чувства долга не прикоснулся к еде, упрямо наблюдая за стариком Арраксио и ожидая, что он обратит на него внимание и можно будет как-нибудь заговорить с ним про кошмар. Войдоши тоже не ели, увлечённые разговором с Неистом Аллемандским. Несмотря на затруднения при первой встрече, простой в общении и смешливый стайе Края Соснового пришёлся по душе и старику Арраксио, и его товарищам. Они обсуждали поход отряда к Туманному морю и то, каким образом они собираются добраться до острова Горгулий, и что

они там хотят сделать. Насколько понял Сарер, лидеру ордена войдошей что-то понадобилось от злобных горгулов – полудиких обитателей острова, и он послал Элриса Арраксио разобраться с делом, потому что очень ему доверял.

– Тётенька! – вдруг воскликнул самый юный из войдошей, вскакивая со стула.

Кухарка Зайхана, лишь на миг выглянувшая из дверей на другом конце зала, громко шикнула, поднося палец к губам. Юноша стушевался и испуганно поглядел на старика Арраксио и Неиста Алвемандского.

– Ну тебя к чёрту, Шейси, – махнул на него рукой лидер войдошей. – Даже не смотри на меня такими глазами. Выдохни, выдохни! Иди к своей тётке.

Голова Зайханы тут же исчезла в дверном проёме, а юный войдош, неловко извинившись перед стайе Алвемандским и пообещав в скором времени вернуться и закончить трапезу, чуть не вприпрыжку ринулся в сторону двери на кухню.

– Мой мальчишка Айсиган, – запоздало представил старик Арраксио покинувшего их юношу. – Такой молодой, а уже неплох, совсем неплох. Все бы так соображали, как он, – войдош с одному ему понятным намёком подмигнул какому-то из своих воителей. – Вижу в нём себе замену. Понимаете, Неист Алвемандский? Сын кухарки, а какой талант. И ничего скромненького!

– Сестра его матери – кухарка, – сказал высокий воитель с бородой по грудь. – А мать его, если я не ошибаюсь, была...

Кхм.

Элрис Арраксио махнул рукой, фыркая, а Неист Алвемандский заговорил с чувством:

– Какой Вы, должно быть, справедливый лидер, господин Арраксио. Я смотрю, для Вас совершенно нет разницы между сыном кухарки и сыном, скажем, зажиточного купца?

Старик Арраксио опять хитро подмигнул своим воинам.

– Скажу даже больше, если мне придётся выбирать между сыном кухарки и сыном стайе, я выберу первого. Чем ниже твой род, тем меньше у тебя амбиций и больше желания заниматься делом, а не играть в княжича Хсена в гостях у облачных леопардов. Я сам, знаете ли, сын шакала и подзаборной шавки, и мне в своё время приходилось доказывать, что явившиеся в орден поразвлекаться обладатели длинных родословных ничем не лучше меня. Можете верить, если в моих рядах появляется кто-то из знати, он оттуда сбегает через месяц-год. А сыновья кухарок и шлюх за неимением альтернативы превращаются в самых лучших и преданных воителей, о которых только мечтать можно. Скажи, брат Сафитон?

Один из бородачей широко ухмыльнулся.

Сарер воспринял всё прозвучавшее на свой счёт. Видать, у старика высокородные не в почёте. Попросись он вдруг в ряды войдошей, тот его примет с насмешливой улыбкой, не веря, что он способен выдержать трудности жизни воина, и через «месяц-год» выгонит взашей.

В этот момент возвратилась сестрица Ольтена. Она, совершенно не стесняя себя формальностями, подкатилась к стулу старика Арраксио и сказала что-то писклявым голосом. Её руки были спрятаны за спиной.

– Оо, кто это у нас тут? – пророкотал войдош, изображая удивление. – Ты же моя вежливая маленькая стейя. Что ты мне там принесла? Показывай-показывай.

– Я принесла змеючку! Скажите папе, что дети любят домашних зверей, и теперь она будет жить в моей комнате! – с этими словами Ольтена резко вытянула вперёд руки. Обвиваясь вокруг больших пальцев девочки, маленький уж с трудом балансировал в воздухе, дёргая тонким хвостиком. У ужа была пыльно-серая кожа, а вокруг головы с круглыми тёмными глазами, как сигнальные огни, желтели два больших пятна. Странная жидкость выбрызгивалась из его пасти, пачкая платье Ольтены, ей же до платья дела не было, она была полностью поглощена своим пленником.

Сарер вскочил на ноги, со скрипом отодвинув свой стул. Он почувствовал приступ удушливой паники, ему захотелось упасть на пол и не двигаться. Серое тельце маленького ужа отчаянно извивалось, – тот пытался вырваться из крепкой хватки Ольтены. Каждое движение змеи заставляло Сарера вздрагивать. Он с трудом оторвал взгляд от безумных узоров, которые вырисовывало своим телом в воздухе несчастное животное, отвернулся и отступил на пару шагов, думая только о том, как бы не свалиться на пол.

– Ольтена, что это ты принесла в дом? – раздался суровый вопрос отца. – Давай сюда, я выкину это.

– Это змеючка, её нашла для меня Эси! Дяденька вош, скажите папе, чтобы змеючка жила у меня.

– Убери её! – закричал Сарер. – Что, не слышала приказ отца? Выкинь её сейчас же!

Все взгляды обратились к нему. Во взгляде Ольтены было полное отсутствие желания подчиниться, в глубоких тёмных глазах старика Арраксио – удивление и лёгкая заинтересованность. В этот момент, как назло, в зале появилась мать.

– Ты повышаешь голос при наших гостях, Сарер? – спросила она, приближаясь сзади. Сарер не хотел сейчас оправдываться. Его сердце бешено колотилось.

– Ольтена притащила змею в дом, – сердито воскликнул он. – Мама, скажи, что её надо выкинуть! Мама!

– Замолчи! – сдерживая гнев, оборвала его стейя Ринетта и быстрым шагом направилась к дочери. – Змея? Ольтена... Извиняюсь, господин Арраксио, – она быстро всё взяла в свои руки, её пальцы сжали запястье девочки. – Я уведу свою дочь. Надеюсь, то, что она принесла сюда эту... этого зверя, не помешало вашему аппетиту.

Брезгливость появилась на лице стейи Ринетты, когда ужик коснулся её хвостом, не бросая попыток вывернуться и спастись. Женщина отдёрнула руку и крикнула:

– Эшлиса! Быстро сюда! Иди к тёте Эшлисе, девочка. Мы с тобой об этом происшествии ещё поговорим. Отпусти

змею!

«Мы ещё с тобой об этом поговорим», – самая любимая из угроз матери. Сарер знал, что Ольтене предстоит хорошая взбучка, но его это не могло сейчас успокоить.

Внезапно старик Арраксио протянул руку и выхватил животное из рук Ольтены.

– Если Вы не возражаете, – обратился он к стейе Ринетте и поднёс ужа к глазам. Его большой палец сжал голову змеи под нижней челюстью, так что та не могла больше брызгаться зловонной жидкостью из пасти. Оказавшись в ловушке у более сильного противника, уж перестал сопротивляться и весь обмяк – притворился мёртвым.

Сарер всё ещё стоял в отдалении. Он вспотел и чувствовал себя дураком. Няньки уводили Ольтену, стейя Ринетта села рядом с мужем и оглянулась на сына:

– Что ты там стоишь? Изволь присоединиться к нашей трапезе, прояви уважение к гостям.

«Не могу», – подумал Сарер. «Я не могу, там змея». Он стоял и смотрел себе под ноги. Наверное, его плечи дрожали или кончики пальцев дёргались, но от острого взгляда старика Арраксио не укрылось то, что мальчика держит на расстоянии не простое презрение к змеям или нежелание слушаться матери.

– Мальчик, – позвал его лидер войдошей. – Как тебя зовут, напомни, мальчик?

Сарер резко поднял голову. Элрис Арраксио смотрел пря-

мо на него. Но Сарер не мог встретиться с ним взглядом – он следил за недвижимым ужом, всё ожидая, когда тот вновь примется извиваться, мельтеша песчано-серой чешуйчатой кожей.

– Его зовут Сарер, господин Арраксио, и мы всё никак не можем научить его манерам, – ответила за сына стейя Ринетта. Неист Алвемандский вздохнул. – Сарер, ты сядешь или нет? В тебе нет ни капли уважения к...

– О Небо, помолчите, – напряжённо прервал её старик Арраксио.

Сарер вздрогнул, как если бы бесоборец ударил мать. Стейя Ринетта замерла с окаменевшим лицом, брови Неиста Алвемандского сошлись у переносицы, но Элрис Арраксио не обратил ни малейшего внимания на чету стайе, всё его внимание было приковано к мальчику, по-прежнему стоявшему посередине залы.

– Ты боишься, Сарер? – спросил взрослый мужчина совершенно серьёзным голосом и поднял руку с безвольно обвисшим змеиным тельцем в ней. – Ты боишься это животное? Ответь честно.

– Боюсь, – почти шёпотом сказал Сарер.

Он увидел, как кончик хвоста ужика медленно загнулся. Наверное, маленький змей решил, что хищник поднёс его ко рту, чтобы сожрать, и заволновался. Одно его движение заставило Сарера сделать половину шага назад.

Так как стейя Ринетта всё ещё не могла открыть рта, Неист

Алвемандский заговорил сухим, но суровым голосом:

– Элрис Арраксио, я вынужден сделать вам замечание. Вы находитесь в моём тереме и ешьте еду с моего стола. У вас нет права так говорить с моей женой.

– Я разве как-то оскорбил вашу жену? По-моему, я просто попросил её сделать одолжение, – не поворачиваясь к стайе, ответил ему войдош. Затем продолжил, обращаясь к Сареру: – Почему ты так боишься? Это же простой уж. Он не ядовит.

Сарер не мог ему ответить. Он закрыл глаза, потому что тело ужа снова дёрнулось. Короткий вздох со странным свистом вылетел из лёгких мальчика.

Старик Арраксио повернулся к одному из своих воинов и что-то шепнул коротко. Тот кивнул, ещё один войдош сказал громче: «Похоже на то. Странно».

– Элрис Арраксио, – возвысил голос Неист Алвемандский, однако он не успел ничего добавить. Элрис Арраксио заговорил сам, опустив руку со змеёй и повернувшись к отцу Сарера.

– Стайе Края Соснового. Давайте ещё раз. В вашем доме есть бесы?

Неист открыл рот, но тут же закрыл.

– Какие бесы? – дрожащим от гнева голосом спросила стейя Ринетта. Её рот был изогнут в злую скобку, она отходила от унижения и была готова броситься в бой.

– Судя по реакции ребёнка, животноподобные, – ответил

ей старик Арраксио. – Змееподобные или что-то вроде того. Дети в доме часто жаловались Вам на бессонные ночи?

Отец медленно покачал головой.

– Нет, господин Арраксио, – произнёс он. – Дети ничего такого не говорили.

В этот момент Сарер как будто очнулся от своего кошмарного сна. Он воскликнул, не глядя никому в глаза:

– Это не так! Я рассказывал об этом!

– Сарер, – сказала стейя Ринетта.

Неист Алвемандский не нашёл в себе сил больше отрицать слова Сарера. Он откашлялся и начал почти виновато:

– Господин Арраксио, прошу вас понять меня. Мой сын действительно что-то упоминал о том, что ему плохо спится и что кто-то выходит к нему из стены и гоняется за ним. Но небопочитатели освящают благословениями Небесными наш терем каждый год, и, вы сами видите, мы с готовностью их принимаем. Кроме того, я в его возрасте рассказывал отцу, что вожу дружбу с лесными духами, которые учат меня летать на облачных львах. Как видите, мне не было причин воспринимать всерьёз его слова...

– Тогда в этом ваша ошибка, – резонно заметил Элрис Арраксио. – Разве вы, отец, не видите в вашем мальчике страх? Я, признаться, удивляюсь равнодушию людей вроде вас. Бесу, захватившему этому месту, и впрямь повезло с хозяевами дома. А вот юному Сареру, как я смотрю, наоборот. Хотя, должен признать, достаточно странно, что один детёныш

испытывает страх перед змеями, а второй – нет.

– И что же это значит? – звонко спросила стейя Ринетта. – Мы должны уничтожить эту тварь, разрушив дом до основания только потому, что ребёнку что-то там привиделось в стене? Вы за этим сюда явились, достопочтенный господин? Или, может, отдать терем вам в личное пользование за то, чтобы вы изгнали отсюда всю нечисть, которая якобы мешает спать моему сыну?

– Вы бы с таким недоверием принимали небопочитателей, которым ежегодно платите, насколько я понял, – огорчённо сказал войдош. – А дерут эти ребята немало, я-то знаю. Впрочем, дело ваше. Я бы посоветовал вам воспользоваться услугами моего ордена, но, видя, как вы настроены... Не думаю, что мне самому охота вам помогать. Но рекомендации дать обязан. Отослать сына к родственникам и не пускать его на порог этого дома хотя бы ближайшие лет пять, чтобы не углублять душевную травму. Унести из его комнаты все вещи и сжечь их. И никому не позволять селиться в его комнате тоже лет пять. Я вижу только одну причину происходящему: бес захватил комнату парня.

– Вы раздаёте приказы, как будто этот терем уже стал вашим, – стейя Ринетта вцепилась в своё предположение насчёт того, что целью старика Арраксио являлось изжить Аллемандских стайе из Края Соснового.

– Господин Неист, успокойте вашу женщину, – попросил Элрис Арраксио, откидываясь на своём стуле. – Я лишь вол-

нуюсь за самочувствие вашего сына. Я видел, что может случиться с ребёнком, попавшим под влияние проклятого места. Уж понятия не имею, откуда взялась в вашем доме эта напасть. Но я знаю, как ведут себя жертвы ночных страхов. Будьте благоразумным человеком, Неист Алвемандский.

Отец долго молчал, не обращая внимания на взгляды-ледышки, которыми кидалась в него сидящая справа стейя Ринетта.

– Сарер, – сказал он наконец. – Сарер, это всё не шутки? Ты правда... видел этого беса? Это правда?

– Правда, папа, – сказал мальчик.

Элрис Арраксио бросил на Сарера пронзительный тёмный взгляд.

– Будь ты сыном псаля или землепашца, малыш, я бы не спрашивая забрал тебя с собой, – задумчиво проговорил он. – Я бы использовал твой страх и знания, которых у тебя накопилось, без сомнений, достаточно. Я бы сделал из тебя безжалостного, отважного, самоотверженного борца с тёмной отравой, пропитавшей нашу Твердь.

– Возьмите меня с собой, – голос Сарера звучал очень тонко и сипло, как некачественная свистулька. – Уважаемый господин, заберите меня отсюда, и я стану убийцей бесов.

Он почти ощутил своей кожей, как мать попыталась укусьить его взглядом. Но Элрис Арраксио только покачал головой:

– Но ты сын стайе. Твоя судьба не в моих руках. И твоё

происхождение помешает тебе, юный Сарер. Лучше будет, если твои родители просто переселят тебя в другое место. Бес отцепится от тебя. Они привязываются к месту, не к людям.

– Извините, но что, если мой бес – не такой? – тихо спросил мальчик с внезапной уверенностью, что старик ошибается.

Войдош покачал головой. Неист Алвемандский заговорил вновь:

– Сарер, если всё так серьёзно, если это правда бес, то мы, конечно, позаботимся о том, чтобы ты стал спать в другой комнате. Прости меня, мой мальчик. Я действительно не верил тебе. Но, если господин Арраксио так уверен...

– Уверен, – пробормотал себе под нос Арраксио, словно бы погрузившись в свои думы.

– ...то, конечно, мы попросим уважаемых небопочитателей с большим пристрастием отнестись к освящению твоей комнаты. Всё будет хорошо. Что бы ни поселилось в нашем тереме, что бы тебя ни пугало, мы с этим разберёмся. Слышишь меня, мой мальчик? Господин Арраксио, всё будет сделано.

Сейчас отцовские заверения не могли удовлетворить Сарера. Внезапный прилив сил, эмоций и давно позабытое, но вернувшееся теперь чувство уверенности в своих намерениях и возможностях – всё это заставило его, вскинув голову, приблизиться к Элрису Арраксио, переборов страх перед всё

ещё болтавшимися в руке мужчины змеиным тельцем.

– Уважаемый господин Арраксио, – твёрдо произнёс он. – Позвольте мне попробовать. Пусть моя судьба будет в ваших руках!

Старик нахмурился, но Сарер горячо продолжал, пока его никто не успел перебить:

– Змей, который каждую ночь приходит ко мне, не отстанет, если я переберусь в другую комнату! Я знаю, он просто появится из другой стены. Я это точно знаю! Мне никогда не жить спокойно, пока он не будет уничтожен.

– Бесы привязываются к месту, а не к людям, – повторил Элрис Арраксио, но голос его звучал серьёзно, как будто Сарер был ему ровесником. – В былые годы уррайо могли насыпать своих вестников на отдельно взятых людей, чтобы смутить лидеров твердынских армий, сломить волю князей и царей, чтобы... но времена уже не те, прости меня Светелица, тьфу-тьфу-тьфу. Если тебе снится один и тот же бес каждую ночь, это значит лишь то, что каким-то образом оказалась проклята твоя комната. Я могу убить беса и очистить это место... но войдош не может действовать без приказа. Стайе Алвемандский, всё зависит от вас.

Но отец не любил проблем. Войдошева охота, конечно, вызвала бы их немало. Да и весь люд бы разбежался в страхе.

– Мой мальчик, – успокаивающе, но виновато сказал Неист Алвемандский. – Мы поместим тебя в комнату Ранмиса. А тот пускай спит со своими братьями. Там тесно, но

тебе понравится, что кровать стоит в углу. Окно выходит на деревню. Пройдёт время, к нам прибудет сын Хеона Тши-рекского, чтобы стать твоим ринтом. А в твоей комнатке наведут порядок господа небопочитатели.

Войдоши смотрели на него – все. Сарер упрямо сжал губы. Ему хотелось плакать, но он удержался перед этими людьми.

– Всё не так, – упрямо проговорил он. – Змей не отстанет от меня.

Видимо, то, что он продолжал настаивать на своём, привело Элриса Арраксио в уверенность, что не стоило говорить с мальчиком, как со взрослым. Он отвернулся от него и посмотрел в глаза Неиста Алвемандского.

– Обеспечьте ему другую комнату. Хотя бы так.

– Да, конечно, – бормотал Неист Алвемандский, всё ещё смущённый и растерянный. Выражение лица стейи Ринетты было, как у высеченной из белого камня девы-Правды – нечитаемое и суровое.

– Мама, – вдруг позвал Сарер – и остановился. Пока она не успела перевести на него взгляда, мальчик развернулся и быстро пошёл к выходу из зала.

Неист Алвемандский окликнул его, и все войдоши, должно быть, удивлённо пялились ему вслед. Сарер перешёл на бег и в дверях оттолкнул прочь возвращавшегося от встречи с тётёй молодого воителя Айсигана. Он выбежал на кухню, оттуда по чёрному входу домчался до второго этажа. Около

своей двери он увидел сестру.

– Братик! – возбуждённым шёпотом воскликнула она. – Няньки заставляют меня спать, но я сбежала. Что там с моей змеючкой?

– Проваливай со своей змеючкой! – прорычал Сарер и, как вихрь, залетел в свою комнату, заперся дрожащими руками и бросился на кровать.

Слёзы одна за одной скатывались по его лицу, и он спрятал их от мира и от себя в подушку с соснами. На улице уже стемнело, холод пробрался в дом. Нерастопленный очаг дышал зимой в левый бок Сареру.

...

Стейя Ринетта и войдоши с небопочитателями долго всеми правдами и неправдами пытались проникнуть в его комнату, чтобы «провести священные ритуалы», пока Неист Алвемандский не прогнал их. Сарер не открыл дверей ни отцу, ни матери с её отрядом шутов и заснул в той же позе, в которой швырнул себя на кровать ранним вечером. Проснулся на следующее утро на исходе часа Приветствия. Змей убивал его, раздавил его рёбра и проглотил его сердце, пока он сам, отчаянно крича, растворялся в чёрной глотке вместе с биением собственной жизни. Утром Сарер встал с кровати, поменял свою мятую одежду и вышел на свет немного другим человеком – злым и серьёзным. Если целому миру плевать, он обойдётся своими силами. Ни мать, ни отец, ни Мирлас,

ни Арраксио – никто ему не помешает.

Глава 7. Юность будущего велле в лучах Солнца

Не считая первого перезвона, на столичных улицах было тихо, как и всегда перед закатом.

Белоснежные облака окрашивались алым, вместе с солнечным диском уползая через западный край мира, оставляя Твердь на милость Тёмных Небес. Край всё приближался, рассекая океан далеко внизу кроваво-красной по границам широкой полосой, и в глубинах его оранжевое, чёрное и белое смешивалось и скручивалось в беспорядочном танце вихрей, сумасшедших изгибов пространства. За Краем начиналось Ничто, а там, в Нигде, блуждал призраком неродившийся день, которому суждено было, как и тысячам, десяткам тысяч его предшественников, зацепившись за краешек Светлой столицы, явиться над Твердью со следующим восходом.

Каждый раз, проходя над горизонтом, Светелица едва ощутимо содрогалась. Дрожь эту ловили золотые колокола над башнями Небесного дворца Лучезара, – уже сейчас, когда до Края оставалось ещё минут пять, в вышине раздавалось пока что слабое, отрывистое «дон-дон»... «дон-дон»...

Лейиди Веллами, вцепившись в мраморные перила своего балкона, глядел вниз с такой пристальностью, будто ещё

несколько секунд – и он туда спрыгнет.

С западного крыла дворца ежевечерние виды на Край открывались потрясающие, неповторимые – каждый закат не был похож на предыдущий, каждый раз узор из растворявшихся в чёрном Ничто розовых, красных и золотых облаков был иным, нежели день назад, и какие бы знаки ни виделись среди раскалённых добела и льдисто-чёрных, словно мёртвое сердце ночи, изломов границ Твердынского океана, какие бы чувства ни одолевали его от созерцания сумасшедшего хоровода красок, это всякий раз было просто великолепно.

Имелась одна неприятность – когда Светелица оказывалась прямо над Краем, для заглядевшегося на безумную пляску сталкивающихся миров эвелламе, не успевшего укрыться за стенами в своём жилище, закат, который он наблюдал, мог стать последним. Губительное дыхание Ничего вредно для всех жителей Небес, что Тёмных, что Светлых. Когда на Твердь приходит ночь, вся Светелица отправляется на боковую – охотников до ночных прогулок за редким числом самоубийц среди эвелламе не бывает.

Оставалось ещё несколько минут до начала ночи. Но юный эвелламе Лейиди всё не мог заставить себя уйти с балкона, оторваться от этого зрелища. Ему казалось, что сердце его бьётся в такт взрывающимся там, далеко внизу, огненным волнам, что шум обрушающегося в Никуда океана веки вечные будет звучать в его голове. Это было настолько пре-

красно, насколько может быть что-то прекрасно под взором этих Небес! День умирал – но он умирал красиво, неистово и завораживающе. Если уж и умирать – то только так. Чтобы, когда жизнь твоя иссякнет у западной межи, твой последний вздох, как первый звон закатных колоколов, прозвучал с величием!..

– Лейиди Веллами! – раздался сзади резкий возглас.

Закатный пейзаж тут же утратил для Лейиди всякую прелесть. Резко отвернувшись от балкона, он напряжёнными быстрыми шагами отправился к колышущимся на слабом ветру занавескам, скрывающим проход в покои. Отодвинув занавески и открыв дверь, изготовленную из чистого облачного хрусталя, прозрачного как слеза младенца, Лейиди вошёл в свою опочивальню и, не глядя по сторонам, принялся развязывать на груди узел, на котором держался его длинный тяжёлый плащ.

– Отлично, он теперь делает вид, что не видит меня. Пришёл потому, что я его позвала, но это не мешает ему меня не замечать! Святые Небеса, дайте мне сил, сил!

Оторвав взгляд от узла, Лейиди посмотрел в глубину комнаты. Кажется, на этот раз бабушка не в настроении. Маловероятно, что причиной тому было исключительно поведение внука. Впрочем, что бы ни скрывалось за порывом ветра, поднявшего эту бурю, разбушевавшейся стихии суждено смести именно его.

– Бабушка Азале, мы и есть святые Небеса, – заметил он,

улыбнувшись. – Стало быть, помощи с дарованием сил ждать неоткуда.

«Бабушка Азале», пожилая женщина лет шестидесяти, которой почтенный возраст не мешал перекидывать через плечо пышную седую косу до талии длиной и говорить отрывисто, как генерал на поле боя, изобразила в ответ улыбку-оскал.

– Видишь сердце облака, Лейиди Веллами! – голос её по-прежнему не сулил ничего хорошего. – Но не видишь того, что тебе кладут на серебряном подносе прямо перед глазами. И упорно не слышишь моих слов. Ты или назло делаешь это, или просто дурак, ещё глупее своих отца и матери. Сколько раз я запрещаю тебе соваться на улицу перед закатом? Сколько раз повторяла, как это опасно, что с тобой сотворит Ничто, если ты задержишься там хотя бы на несколько минут?

– Бабушка Азале, вы же знаете. Я тоже говорил вам не раз, что всегда осторожен и в нужный момент успеваю зайти домой. Мне ничто не грозит, вы всё выдумываете и преувеличиваете.

Старая женщина хрипло рассмеялась. Она сделала несколько резких шагов и сильным движением вырвала из рук Лейиди его плащ, который он только успел снять, затем бросила его в сторону кровати, как тряпку.

– Бабушка...

– Выдумываю и преувеличиваю! – она повторила его сло-

ва, растягивая гласные. – Конечно! Глупая бабка всё выдумывает. Ты-то всегда осторожен. Но какое дело до твоей осторожности тем, кто желает более всего на Свете, чтобы ты оступился?

Теперь она стояла очень близко, и Лейиди почти в упор смотрел в её метающие молнии светло-голубые глаза, что отнимало немалую долю самообладания. Он нашёл в себе силы не шагнуть назад, только опустил голову, как бывало прежде, не в силах вынести взгляда бабушки. «Эх... Опять у неё настроение меня поучать! Но я сам виноват, так глупо попался. Придётся терпеть!»

– Ты сидишь там, как птенчик на жёрдочке, и на тебя любитесь вся Светелица! Все посетители дворца могут видеть тебя из окон главного зала! Когда мелли Алиньо слева и Зильвалли справа смотрят в свои окна, что же они видят – наследник Солнечного трона, будущий владыка Светлых Небес готовится рухнуть навстречу Краю, замечательная картина, несомненно греющая их гнилые душонки! – бабушка всё распалась, но кулаков не сжимала и слюной не разбрасывалась – оставалась подобранной, как львица перед прыжком. – Сегодня у нас ночуют гости с Сизых облаков, их мелль сейчас дожидается владыку Света внизу, в главном зале. И, как думаешь, что они скажут, что они подумают, наглядевшись на тебя?

– Подумают, что мне нравится смотреть на закат, – пожал плечами Лейиди. – Что же они ещё могут подумать, милая

бабушка?

Он знал, что отвечать это – да и отвечать в принципе – было ошибкой, но не сдержался. Колокола трезвонили завершающие аккорды – резко потемнело, последние огненные отблески плясали на белоснежных стенах опочивальни.

– Они подумают, что ты идиот, который жизнь свою не бережёт! Они подумают, что воспитанием твоим занимался один лишь ветер, Лейиди Веллами, и даю тебе слово, они найдут, как бы использовать против нас твою самоуверенность, твою глупость! Святые Небеса...

– Не могут они ничего нам сделать, зная лишь то, что я смотрю на закат. Да и насчёт ветра это... почти правда, не так ли?

Бабушка не мигая уставилась на него, затем отступила, жёстко усмехнувшись. Лейиди был выше её, но, когда Азалелла Веллами так усмехалась, вскидывая подбородок, ему казалось, что он провинившийся пятилетка, которому до неё не дорасти никогда.

– Бедные твои родители, даже будь они живы, ничего бы не сделали с тобой, если я не смогла, если твои наставники не смогли. Тебя и впрямь воспитывал ветер, Лейиди Веллами, а я не уследила, слишком многое тебе позволяла. О Святые Небеса, ты с раннего детства был таким... невыносимым. А теперь уже поздно делать из тебя что-то достойное.

Пусть гнев порой одолевал её, зато, частично обуздав свои чувства, бабушка умела говорить так, что Лейиди при всём

старании не мог воспринимать эти слова отстранённо.

Она уловила острым взглядом бледных глаз мельчайшие изменения в выражении лица внука, и её суровая улыбка растянулась чуть шире. Лейиди покачал головой, Азалелла Веллами бросила резко:

– Будет очень поздно, когда ты поймёшь, что прислушаться к словам старших было бы не лишним. Что ж, дело твоё, однако, пока эти Небеса подчиняются моей песне, я оставлю за собой право положить конец забавам глупого ребёнка когда угодно! Отныне, стоит мне узнать о том, что ты снова перед закатом торчишь там, – она махнула рукой в сторону балкона, – и я тут же заселю в твои покои одного из Зильвалли, – чтобы противный старикашка подавился собственными потомками, – а ты будешь жить в облаке вместе с презренными ммиредами!

Было чуть легче, когда она угрожала и злилась, чем когда вспоминала родителей и говорила с ядовитым укором. Лейиди склонил голову в некотором облегчении, надеясь, что сейчас бабушка уйдёт. «Ну как она не может понять, что я умру, если пропущу хотя бы один закат в своей жизни?»

– Я понял, бабушка Азале, – проговорил он тихо, не поднимая головы. – Меня ждёт суровое наказание, если душа моя по-прежнему будет стремиться к красоте...

– Твоё Солнце ещё не взошло, рано слагать красивые словечки для песенок своих, – она возвысила голос. – Моего внимания жаждут гости с Сизых облаков, а я трачу своё дра-

гоценное время в попытках увещевать того, кто меня и слышать не желает. Но когда-нибудь ты обязательно пожалеешь о своём своеволии, Лейиди Веллами, обещаю тебе.

С этими словами, прозвучавшими внушительно и грозно – как и всё, что когда-либо слетало с уст этой женщины, – единоличная правительница Светлых Небес Азалелла Веллами развернулась, взмахнув толстой косой, и удалилась быстро и величественно, как львица, покидающая поле боя, на котором весь животный мир в очередной раз признал её своей Владычицей.

Лейиди достиг совершеннолетия уже более месяца назад и уже более месяца мог по закону Небес считаться полноправным повелителем Света... Однако так вышло, что, хотя шестнадцатилетие старшего мужчины рода Веллами праздновало с песнями и восхитительной красоты обрядами всё Небо, ни через день, ни через неделю, ни через месяц после этого события ни одна живая душа среди облачных зыбей не позволила себе задать вслух вопроса: «Так где же церемония передачи власти регентом законному наследнику?» Вероятно, никто не заботился этой проблемой потому, что она была из тех, в которые выгоднее носа не совать, чем всё-таки осмелиться сунуть и после оказаться очень глубоко внизу.

Сам же истинный наследник реагировал на ущемление своих законных прав весьма просто: никак. Причины у него на то имелись, и «если воспротивлюсь, бабушка будет недовольна» была лишь одной из нескольких.

Подождав некоторое время после того, как гул шагов Азалеллы Веллами затих снаружи в сводах коридоров, Лейиди поднял с пола роскошный белоснежный плащ из гривы облачного льва, который бабушка швырнула в сторону кровати, аккуратно повесил его на выгнутую спинку стула, изукрашенную огранёнными алмазами, затем опёрся рукой о кроватную стойку и рассмеялся, прикрыв рот ладонью.

– Я чувствовал себя, как чайка под острием топора, – признался он невидимому слушателю. – И всё думал: куда же вы спрятались? Признаться, я и сейчас не могу догадаться. Неужто под кровать?

В ответ ему под кроватью действительно началось копошение, и через минуту, раздвинув полы балдахина, на свет выбрались трое: два мальчика лет десяти крайне перепуганного вида, а чуть спустя – женщина с хмурым лицом. Мальчишки были одеты как последние из ммиредов – прислуга без капли рода в крови, – простые инеевые портянки, выцветшие рубашонки с белыми в золотую крапинку рукавицами, пришитыми к опястям. Наряд женщины сложно было охарактеризовать как-то определённо – платье из качественной дорогой ткани было столь безвкусно украшено странными шитыми символами и торчащими тут и там узелками, бантиками и приштопанными бусинками. Любому, взглянувшему на это всё впервые, становилось интересно не положение женщины в светлом обществе, а причины бездействия местных лекарей, специализирующихся на душевных

болезнях.

Лейиди помог мальчикам подняться на ноги, приложил палец к губам и махнул рукой, указывая, что они могут разместиться в этой комнате где угодно, только шум не поднимать. Женщина же, отряхнув своё чудо-платье, схватила за запястье юного наследника Светлого трона.

– Ты бы хоть предупредил, что Её Светлейшество может ворваться в твои покои без спросу, – приглушённо прошипела она. – Сам вышел полюбоваться на свой закат, а нас оставил одних. Мы едва успели куда-то деться, услышав шаги вдалеке, прежде чем Её Светлейшество влетела сюда и заорала твоё имя так, что стены задрожали...

– Тётя Лоринда, извини меня, – Лейиди вырвался и присел, заглядывая под кровать. – Вам там не было неудобно? А подарки вы куда спрятали?

– Парни всё умяли, пока вы с Её Светлейшеством препирались. Ни крошки не оставили, бедняги. И не думаю, что им могло показаться неудобным подземелье твоих сиятельных покоев после условий, в которых они привыкли жить. Кстати, Лейиди, – женщина нахмурила свой лоб, и без того усеянный морщинами, из-за чего выражение её лица стало ещё более недружелюбным, – слава Небесам, внешность не всегда говорит всю истину о человеке. – И какая чайка тянула тебя за язык всю дорогу? Как будто ты не знаешь, как нужно говорить с Её Светлейшеством. Ты и себе хуже делаешь, с Ней споря, а в этот раз ещё и тянул время. А если бы

мы с парнями не под кроватью расслаблялись, а на люстре покачивались?

Лейиди фыркнул, сдержав смех.

– Ну, это невозможно.

– Я говорю серьёзно.

– Люстра бы не выдержала. Что до моих с бабушкой Азале споров... Мне самому неприятно, правда! – признался он, глядя в глаза собеседнице. – Ты бы знала, сколько я сдерживаю всего, что мог бы сказать! Бабушка... говорит иногда такое, что жизнь немила становится. И потому я всегда рад закончить подобный разговор. Но молчать в ответ на всё просто не имею сил...

Тётя Лоринда покачала головой и вздохнула:

– Надо набираться сил, Лейиди. Ты слишком похож на свою мать, видят Небеса, и её Светлейшество ничего тебе не сделает. Но её воля на всё. Однажды, быть может, память подведёт её. Ты же сам понимаешь, о чём я толкую и чего она хочет от тебя.

– Понимаю, – улыбнулся Лейиди. – Я дам бабушке Азале то, что ей нужно, и тогда ей придётся позволить мне то, чего я желаю больше всего на свете.

– Наивное дитя, – сказала тётя Лоринда. – Впрочем, каждый сам выбирает свой путь, – она тряхнула головой. – Что же, мой велле, решай, как нам быть дальше! Пареньки наелись досыта, – она махнула рукой на мальчишек-ммиредов, которые сейчас молча глазели на высокие напольные ча-

сы, как на величайшее чудо на Свете. – Желудки их будут полны до завтрашнего утра. Но затем? Что затем – будешь ежедневно водить их в царский дворец путями крыс и воров, поселишь их у себя под кроватью? И, раз уж твоя идея не ограничивается благословением парочки-другой несчастных под этим Солнцем, то каким же образом ты выручишь всех остальных ммиредов? Прикажешь дворянам и меллям самим готовить себе пищу, чистить зверинцы и подметать полы, пока их слуги делят меж собой облачные сердца?

– Тогда дворяне и мелли обеспечат мне будущее на плахе, не дожидаясь моего воцарения, – усмехнулся Лейиди. – Нет, тётя Лоринда. Я знаю, что не смогу загнать в льявтни меллей. И не смогу отобрать у дворян их привилегии. Но участь ммиредов я смогу облегчить. Может, не сразу, может, по шапочку, но я сделаю их счастливее.

– Святые Небеса, – тётя Лоринда изначально относилась к этому всему, как к развлечению, и теперь как будто просто потешалась. – Ты будто не понимаешь, что ты один заинтересован в том, чтобы прислуга жила счастливее. Бабушку свою ты уже совсем не боишься.

– Всё хорошо, тётя! И не мне одному это нужно. Бабушка Азале увидит, что народ счастлив моим действиям. Даже она знает, что чем счастливее люди, тем легче ими править. Она, конечно, будет долго ругать меня и пообещает сослать в облако, но потом поймёт, что в итоге никому из нас не становится хуже от моих поступков. Богатств в нашем дворце

много, слишком много, нам незачем копить столько. Одной десятой хватит, чтобы улучшить жизнь беднякам. К тому же, я же говорил: бабушка получит от меня то, что хочет, но в ответ я буду просить только одного, и отказать мне она не сможет.

– В чём же она не сможет тебе отказать? – с ехидством спросила тётя Лоринда.

– Я пытаюсь сделать мир чуточку справедливее, – Лейиди слегка понизил голос, и его слова прозвучали с искренностью, которая может быть лишь в голосе человека шестнадцати лет от роду. – В этом желании мне не откажет ни бес, ни Небесный див, поскольку оно живёт в каждом. Бабушка Азале не помешает мне, и этого довольно.

Тётя Лоринда промолчала – верный знак того, что она посчитала сказанное чушью волчьей.

– Всё идёт, как и должно идти, – проговорила она. – Но Лейиди, у юноши твоего возраста должны быть другие увлечения.

Лейиди улыбнулся, потупив взгляд.

– Может быть, я это перерасту, – он тихо рассмеялся. – Или нет. Узнаем! Сейчас план такой: вывести парней обратно и не помешать бабушкиному банкету с меллями Сизых Облаков. Поможешь мне, тётя Лоринда?

– А куда я денусь? – фыркнула та. – Командуйте, мой велле.

...

Быть может, в стародавние времена эвелламе и были Небесными защитниками Тверди, мудрыми наставниками для детей земных, но потому те времена и зовутся стародавними, что никто толком не помнит, что там было или не было, а зато для фантазии какой простор! Рассказывай что пожелаешь, и никто не уличит тебя во лжи, потому что проверить некому. Если бы в 431-м году от Кары Небесной кому-то взбрело в голову спросить любого из эвелламе: «Живёшь ли ты, чтобы оберегать и направлять народ Тверди?», в ответ ему прозвучало бы искреннее: «Что?» Возможно, кому-то на земле и верится, что дворец на облаке и крылатый лев вместо клячи делает из человека бога, но это неправда. Абсолютно точно...

Места на облаках не так и много, народ эвелламе издревле был немногочислен, как и уррако. Но среди неполного миллиона небожителей за сотни прошедших лет успешно образовалась иерархия, вполне знакомая твердынцам – сиятельному Повелителю, меллям и купцам, разбогатевшим на облачном шёлке и редчайшем слёзном хрустале, подчиняется великое множество ммиредов... Ммиреды – эвелламе, лишённые рода. Их родители были слугами и служанок, охотниками, львиноводами, стряпничими, уборщиками, садоводами, ремесленниками и прочими трудягами, – такими же будут и их дети. Их родители прожили большую часть жизни в унылых трудах, не находя время для наблюдений за игра-

ми Солнца, – то же ждёт и их детей. Пастухи ветра добывали облачные сердца, а отдавали их своим господам, оставаясь без возможности подчинять себе крылатых львов и летать наперегонки со штормами, в восемьдесят лет выглядеть на двадцать, говорить на языке дождей и видеть сны, в которых исполняются самые смелые мечты. Разве не было это несправедливо? Народ – один, кровь – одна, но жизнь пастуха так не похожа на жизнь мелля, как жизнь твердынского крестьянина – на жизнь Повелителя Света.

Лейиди Веллами уже лет в шесть-семь был ребёнком восторженным и легко поддавался очарованию, и красота Родины, необъятных Небесных просторов, пленила его ещё в том возрасте, в каком прочие мальчишки из знати увлекаются в основном фехтованием и львиными гонками. Он рано потерял родителей, рос, почти не имея возможности общаться со сверстниками, в обществе одной лишь царственной бабушки да немногочисленных наставников. Как это всегда бывает у детей, сперва всякое слово Азалеллы Веллами представлялось ему нерушимой истиной, которую не поколебать ни буре, ни дождю, ни всем ветрам Небес, однако бабушка слишком мало времени находила на воспитание своего единственного наследника, перепоручив обучение внука приближённым. Таким образом, была некоторая её вина в том, что Лейиди по истечению раннего детства нашёл себе другие авторитеты помимо старшей родственницы.

Наставник его по воинскому искусству, Гордион Али-

ньо, половину своей жизни потратил на то, чтобы облегчить участь потомственных должников, вынужденных всю жизнь отдавать службе господам своих предков. Большинство ммиредов на Небесах принадлежит к их числу. Условия их проживания, откровенно говоря, отвратны, и Гордион Алиньо, придя несколько раз в ужас после визитов в должницкие места жительства в облачных глубинах, принялся тратить своё немаленькое состояние на помощь несчастным в расплате со своими господами и начинании новой жизни, достойной эвелламе.

Дворецкая сказительница, Лоринда Ледвейго, обучала Лейиди памяти Светлых Небес, письму и чтению, но сама она была родом из тех самых облачных трущоб, которые в своё время так потрясли наставника по воинскому искусству. Когда-то предыдущая сказительница разглядела в безродной девочке талант и приказала взять её во дворец, где юная провидица подружилась с матерью Лейиди. Тем не менее, Лоринда Ледвейго навсегда сохранила память о ранних годах жизни и нередко рассказывала воспитаннику о своём невесёлом детстве.

Проводя юность в обществе этих людей, наследник престола просто не мог оставаться безучастным к судьбам простого народа. Слушая истории про жизнь за пределами дворца, он не мог принять в первую очередь того, что, обитая в сердце Небес, имея возможность первыми во всём мире встречать рассвет, обладая тем, что никогда не получит ни

один житель Тверди – свободой полёта, храня в своей душе память о неистовой красе закатов, народ эвелламе спокойно живёт с тем, что их соотечественники, их братья и сёстры по крови рождаются и умирают, лишённые биения облачных сердец, тратя жизнь на служение тем, кому повезло родиться в семье с именем. Получив по праву рождения жизнь в достатке и довольстве, утопающее в солнечном свете будущее, Лейиди – возможно, унаследовавший склад характера от мягкой, доброй своей матери, возможно, просто уродившийся таким странным, – не мог в полной мере насладиться дарами судьбы, зная, что кому-то под этим Солнцем от них не достанется и крошки.

Он старался не задумываться о том, что рано или поздно придёт его пора занять Светлый престол, потому что знал, что предшествовать этому событию обязательно будет что-то очень неприятное. Он не хотел тратить жизнь на общение с благородными эвелламе, не хотел всё своё время отдавать бесконечным соборам, судам и разборкам меллей, не знающих, чем занять себя, кроме как ещё раз поссориться с давними врагами своего облака. Лейиди Веллами хотел прожить жизнь человека, которого спустя столетия вспоминали бы с теплом и благодарностью. Если он бы он всего себя посвятил другим людям, это было бы высшей наградой!

Начинать всегда нужно с малого. Сейчас он всего-то принялся кормить детей ммиредов и раздавать им осколки светлых сердец, чуть продлевая молодость. Но пройдёт время,

мелли Светлых Небес увидят, что люди с гораздо большим усердием готовы служить тому господину, который делится с ними своим сердцем.

Дальше – больше: рано или поздно, вдохновлённые его примером, другие молодые мелли и вельможи, некоторые из соображений выгоды, другие – из пробудившегося сочувствия, тоже неизбежно озаботятся созданием более благоприятных условий для своих подчинённых... Потихоньку-потихоньку, минуют года, и жизнь на Светлых Небесах станет лучше для всех! Забудутся глупые традиции, сотрутся границы, отпадёт нужда в меллях – зачем каждому крупному облаку свой родовитый военачальник, если войн давно уже нет? Да Небесные торгаши тоже исчезнут, если благословенные блага будут принадлежать всем! Богатства и сердца местным владыкам не занимать, стоит чуть равномернее это всё распределить, и тогда Рай перестанет быть Раем на одних только словах.

Конечно, ограничиваться Небесами Лейиди Веллами не собирался. Ему было бесконечно стыдно за своих современников, за предков, за всех тех эвелламе, что столько лет ничего не делали для своих младших братьев с земли, не помогали им в их бесконечных конфликтах, не давали советов, ничего не давали. Небесный Владыка – Ветер; Небесный Велль-Воевода – Гром; Небесный Жрец-Сказитель – Дождь; сколько лет назад твердынцы в последний раз слышали их голоса среди облаков? Сколько лет назад были утеряны те

священные знания, что подчиняли Небесному народу первозданную силу, таящуюся в лучах солнца и перьях облаков? Как давно забыли Эвелламе секрет управления сердцами стихий?.. Эвелламе и твердынцы отдалялись друг от друга столетие за столетием, но, пока первые теряли божественную свою сущность, последние продолжали и продолжают слепо верить в то, что когда-нибудь к ним придёт помощь. Что они не одни в полном несправедливости мире, что, если долго звать и отчаянно верить, Небеса откликнутся. Пришла пора Небесам откликнуться, думал Лейиди Веллами. Для того ему не обязательно было становиться Повелителем Света и вынуждать свою бабушку оставить трон... Лейиди был бы вполне удовлетворён и званием велля – светлого воеводы.

Сперва Светлое Небо станет Раем, затем придёт пора Тверди. А потом, конечно, обязательно нужно будет заглянуть на Тёмные облака. Не от хорошей же жизни уррайо только и думают, что о мировом господстве и повсеместном воцарении зла!

Естественно, все его масштабные планы, стремления, которые он и не старался скрывать от окружения, получали одобрение лишь в его облачных снах, а в реальности вызывали чаще всего в ответ только улыбки и добродушные смешки. Тётя Лоринда, которую он считал своим самым близким другом под Солнцем, принципиально не верила, что когда-нибудь жизнь станет лучше, чем сейчас, но не отзывалась о мечтах Лейиди с презрением, сдерживала слова. Гор-

дион Алиньо, любимый его наставник, вполне серьёзно выслушивал восторженные речи ученика, с лёгким сомнением покачивал седой головой, хотя не говорил ни слова против. Риндо Аденн – четырнадцатилетний мальчишка, – может, и считал всё это чушью собачьей, но положение не позволяло ему заявить подобное вслух. А бабушка Азале смеялась над внуком с упоением. Лейиди прощал ей её веселье, зная, что разубеждать её в чём-либо бесполезно.

...

Прошло два дня с того вечера, когда владычица Азалелла в последний раз застала своего внука за созерцанием заката.

Уставший, как после долгой прогулки по облачным вязким сугробам, Лейиди Веллами думал о своей бабушке и о том, как бы её задобрить, прислонившись боком к полупрозрачной хрустальной колонне на пороге сказительской залы. Он так тяжело дышал, что его услышали из-за закрытых дверей.

– Лейиди, это ты? – послышался голос изнутри. – Заходи, чего стоишь там?

Он вошёл, аккуратно прикрыв за собой тонкие резные двери из белоснежного дерева. В гигантской комнате с зеркальным потолком пахло цветами и шерстью снежных барсов. Хозяйка сидела спиной ко входу у коротконового милovidного столика, украшенного узорчатыми бутонами роз, заваленного книгами, перед ней простирались зелёные ря-

ды доморощенных кустов алебейю и юных окрапиновых деревьев. Откуда-то издали доносились тихие попискивания: «Миу-миу. Миу-миу!»

– Я после тренировки с дедушкой Гордионом, – поведал Лейиди, налаживая дыхание. – Очень устал, тётя Лоринда. Можно попить?

Лоринда Ледвейго в своём неизменном странноватом наряде дворецкой сказительницы, поправив длинную светлую чёлку, обернулась и отрезала:

– Вода как раз закончилась, я поила Небосводу. Растёт не по дням, а по часам, – она неопределённо махнула рукой в сторону кустов. – К следующему году будет уже как раз тебе по размеру, если ты изволишь стать чуточку крупнее.

Лейиди усмехнулся и сел на уголок длинной мраморной скамьи, смирившись с жаждой.

– Как успехи у будущего велля? – серьёзно спросила Лоринда Ледвейго, одновременно что-то чиркая пером на сверкающем облачной чистотой пергаменте. – Сколько уррайю сможешь забрать с собой в Никуда, если вдруг что?

– Нисколько, вероятно, – честно признался Лейиди. – Смысл владения оружием нынче не в том, чтобы как можно больше совершить убийств, а чтобы красивее двигаться перед восторженной толпой, а то ты не знала, тётя!

– Да что Вы говорите, мой велле?

– К сожалению, так и есть. Ну что же, когда освободишься, поможешь мне?

– С чем? Ещё не отказался от своих походов к мирредам?

– Не отказался, тётя Лоринда. Сегодня мне вновь предстоит поход в нижние обиталища.

– Ну, – она глянула на него косо. – Помогу, бес с тобой. Однако для начала выслушай меня. Знаешь, – она вдруг пристально взгляделась ему в глаза. – Я часто в последнее время думаю о тебе, о будущем твоём, юный мой друг. Мне тревожно за тебя, уж слишком... тяжёлую дорожку ты выбрал.

Лейиди улыбнулся.

– Я ждала тебя, – продолжала тётя Лоринда, – чтобы попросить тебя кое о чём. Для твоего же блага. Это серьёзная просьба. Понимаешь меня?

– Понимаю, тётя Лоринда. Клянусь первым и последним своим рассветом сделать всё возможное, о чём бы ты ни попросила!

Пожилая женщина фыркнула, как фыркнуть себе бы не позволила ни одна Небесная дама. Она не пользовалась дарами светлых облаков и не стремилась сохранить себе вечно молодой вид, и потому выглядела сейчас на свои сорок лет.

– Святое Небо, Лейиди, к чему такие речи! От тебя требуется только одно – сидеть смирно и не мешать мне. Я хочу, – она протянула руки и, смахнув прочь несколько неисписанных листов, достала из-под них небольшую шкатулку из тёмного дерева, – заглянуть в твоё будущее, светлый велле.

Шкатулка выглядела достаточно новой и тускло блестела на косых солнечных лучах, глядящих сквозь прозрачный

потолок. В отличие от Уррэйва, раз в месяц нависавшей над своей Луной, Светелица никогда не поднималась выше Солнца, до Края оставаясь всегда освещённой. Сейчас, хотя время близилось к закату, в столице было светло, как в полдень.

– В моё будущее, – повторил её слова Лейиди. – Тётя Лоринда, будет нехорошо, если я его узнаю. Быть может, сейчас ты мне скажешь, что сегодня в Нижних облаках подо мной провалится снег, и я разобьюсь о Твердынские скалы.

– И что ты тогда сделаешь? – подняла одну бровь сказительница. – Угомонишься и не пойдёшь никуда?

– Не думаю, – Лейиди, прикрыв рот, рассмеялся, – я тогда пойду, но осторожно. Но всё же лучше мне не знать грядущего. Слишком много сказок о том, как, заглянув сквозь время, человек сходил с ума. Вот кто знает, как всё обернётся и что ты услышишь между строк своих песен?

Лоринда Ледвейго качнула головой, встала, со шкатулкой в руках подошла к мраморной скамье и села рядом с Лейиди.

– Ты говоришь верно. Я не буду рассказывать тебе того, что увижу и услышу. Я проведу этот ритуал для себя, чтобы моя душа успокоилась. Нужно же мне как-то спать ночами. Твоя мать, – голос её слегка потух, – твоя мать... Небо, ты так похож на неё. Но она не стремилась к тому, к чему стремишься ты. Я никогда не гадала для неё, и теперь жалею.

– Но, тётя Лоринда, послушай, нужно же разрешение бабушки Азале для того, чтобы провести полноценный ритуал.

ал...

– Чушь это, – оборвала его сказительница. – Должность моя незавидна, ни одного шага не могу сделать без позволения Её Светлейшества, а за жизнь за свою мне было дозволено провести дай Небо пять ритуалов. Проведу один небольшой вне формальной обстановки и без дюжины страховщиков за спиной, по своей инициативе, ничего не случится.

Согласно кивнув, Лейиди уставился на шкатулку. Она была слишком обыкновенная на вид для колдовского предмета, но, когда пальцы Лоринды Ледвейго легли на её крышку, кто-то невидимый словно холодной кистью провёл по лбу юноши, и он едва заметно вздрогнул от неожиданности.

– Дай руку, – приказала сказительница. Он подчинился. Он не любил чужих прикосновений к своим кистям, не любил до такой степени, что его горло всякий раз сжималось, когда кто-то, пусть даже ненароком, дотрагивался до его пальцев или запястья. Но тут выбора не оставалось. Тётя Лоринда прислонила его ладонь к холодному дереву, и в тот же миг в сердце Лейиди что-то не больно, но ощутимо кольнуло.

– Странное чувство, – прошептал он, прикрыв глаза.

– А теперь помолчи, – произнесла Лоринда Ледвейго.

Она запела низким голосом. Лейиди нравились песни, он часто слушал хор юных мелль по Святым дням, жалея о том, что не может оказаться в их строю и возносить хвалу Солнцу под мягкие вздохи рожков. Но мелодия, которую он

слышал сейчас, разительно отличалась от тех, к которым он привык. В ней не было умиротворения и сдержанной красоты безоблачного рассвета, наоборот, полутона минорных однотипных напевов смутной тревогой наполнили его сознание, а невидимая ледяная кисть, проникнув сквозь плоть, вновь коснулась его сердца, но на этот раз на продолжительное время. Лейиди захотелось отказаться от ритуала, но он заставил себя собраться и сдерживать чувства.

Лоринда Ледвейго пела о ручьях, искрах, дождях и молниях. Под её монотонный голос сознание юноши сделалось мягким и покорным, подобно невесомому перу, сорвавшемуся с птичьего хвоста и, повинувшись голосу ветра, мягкими движениями спускающемуся к Тверди. Он пытался думать о чём-то, но не получалось. Словно бы и разум, и душа были не в его власти, а во власти чего-то инородного, вторгнувшегося в его голову и грудь, подчинившего всю его сущность. Это было не приятно и не больно, это не вызывало никаких ощущений, кроме нежелания сопротивляться. Он словно шагнул за пределы своего тела и смотрел на всё со стороны взглядом равнодушным и холодным.

Лейиди не знал, сколько длилась песня тёти Лоринды. Но когда он вдруг ощутил, как воля вернулась к нему, и вновь увидел мир своими глазами, то понял, что его рука, прислонённая к шкатулке, очень сильно затекла. Женщина пустила его, и юноша, уже не сдерживаемый прикосновением невидимой кисти, слегка отодвинулся прочь, схватив сам себя за

запастье.

Губы тёти Лоринды слегка дрожали, и взгляд её забегал, когда она положила шкатулку на скамью.

– Что-то плохое? – заинтересованно, но настороженно спросил Лейиди. – Тётя Лоринда? Что с твоим лицом? Меня ждёт мучительная смерть, если я продолжу не слушаться бабушку?

Она вдохнула, выдохнула и улыбнулась, посмотрев на него. Эта улыбка успокоила лёгкую панику, поднявшуюся со дна души Лейиди.

– Нет, ничего такого, – произнесла женщина. – Если ты продолжишь искать справедливости для своего народа, твоя дорога будет залита солнечным светом. Не волнуйся ни о чём.

Её голос звучал размеренно, без тревоги, но юноше не давал покоя тот странный её взгляд, которым она наградила его по окончании ритуала.

– Да? – тихо спросил он. – Это хорошо. Это хорошо...

Они оба молчали какое-то время – вероятно, потому что оба чувствовали недосказанность, повисшую в воздухе.

– Ты только... помни, ради кого ты строишь все свои амбициозные планы, хорошо? – тётя Лоринда взяла его за руку. – Ради справедливости для своего народа. Ради простых эвелламе. Слышишь, Лейиди?

– Да, – немного удивлённо отвечал юноша.

Он не понимал, зачем она задаёт этот вопрос, когда ответ

на него был вполне ясен. «Да, я хочу справедливости. Для своего народа. Для народа Тверди тоже, и для несчастных демонов урайю, для всех в этом мире». Впрочем, сказительнице было виднее, какие вопросы сейчас уместны.

Тётя Лоринда сказала, тряхнув головой:

– Ладно, светлый велле, иди-ка куда хотел. Я подойду через какое-то время к задним палатам и помогу, если понадобится.

Лейиди встал и вежливо поклонился. Подойдя к двери, он развернулся и искренне проговорил:

– Спасибо, тётя Лоринда! За то, что волнуешься за моё будущее, и за то, что помогаешь! Я так благодарен тебе!

Сказительница улыбнулась ему и махнула рукой. Заменив для Лейиди мать, покинувшую Небеса так рано, она продолжала играть эту роль и сейчас, когда юный наследник престола уже считался взрослым человеком.

– Пройдёт время, и Небо вернёт тебе твою благодарность, если не остепенишься и не решишься податься в Светлый собор.

Лейиди Веллами засмеялся.

– Насчёт этого не беспокойся, тётя Лоринда! Светлому собору долго придётся ждать меня, – и покинул комнату, тихо затворив хрупкую дверь.

Лоринда Ледвейго стояла у своего стола минут пять. Потом села и взяла один из чистых листов, макнула в чернила кончик лебединого пера. Сидела ещё какое-то время, бес-

смысленно глядя куда-то в пустоту.

Наконец, пробормотав сквозь зубы «о святые Небеса», принялась выводить каллиграфически-ровные буквы.

Она закончила только через полчаса.

«Помни об этом, когда встанешь перед выбором», – это были последние строки.

– Ничего не изменилось за столько лет, – вслух сказала Лоринда Ледвейго, и её выдох был горек, как вышинная польнь. – И, видят Небеса, не изменится. Твой сын... ах, может, мне стоило в тот день просто уйти?

Глава 8. Тёмные Небеса. Сын Тёмного Повелителя отправляется в Никуда

Зло, обитающее среди чёрных облаков, – зло живое, чувствующее, готовое огрызнуться в ответ на удар, всегда желающее причинить боль и страдание. Таким его задумал Всевышний Создатель, и таким оно останется до исхода века своего. Посмотрите ночью на Небо, взгляните в узоры созвездий и облачных перьев, и Вы увидите тень этого зла, и сами почувствуете его пристальный леденящий взор. Глаза ночи холодны, как благословение.

Зло, которое заключает в себе Ничто, с одной стороны, сложно назвать таковым, ведь там, в Нигде, нет места жизни, а, значит, нет и тех, кто пожелал бы нанести кому-то вред. Однако, если называть злом всё, что несёт смерть и останавливает дыхание, то нет в этом мире места хуже Ничего. Оттуда не возвращаются. Оттуда не долетают песни. Когда приходит день, и Тёмное Небо летит над просторами Ничего, то горе храбрцу, рискнувшему высунуться из своего облака! – Ничто высосет из него душу и иссушит его тело, оставив только голые кости да пустую одежду, которые тоже рассеются через час или два. Таков закон отсутствия.

В этот вечер отец говорил, сидя верхом на своём роскош-

ном черногривом льве, и слушали его не только воины Тьмы, а сотни и тысячи уррайо, слетевшиеся к столице со всех Небес. Чужа запах близкого возмездия, тёмный народ всё ближе и ближе подбирался к Уррэйва, готовый служить. Отец говорил о Ничём, и, загипнотизированные низким мерным голосом своего вождя, уррайо не могли оторвать от него глаз.

– Братья и сёстры мои, у всех у нас одна цель и одна мечта. Все мы желаем вновь повелевать Небесными стихиями, вернуть себе давным-давно украденное, – Властелин сопровождал речь хозяина недовольным, внушительным порыванием. – Но нам не завладеть Грозой, Дождём и Ветром, если некому будет принять в свои руки вожжи этой могучей колесницы. Настала пора вновь объединиться трём родам-повелителям! Я, Ночной Ветер, и брат мой Айери Лэйо, Повелитель Дождей, – мы не сможем с ним в одиночку взять контроль над силами Небес, когда вновь присвоим себе то, что наше по праву. Пришла пора для Хозяев Гроз Нианорэ вернуться домой! Много лет назад изгнанные за многочисленные прегрешения, они искупили свою вину ссылкой. Я, Повелитель Тьмы, отправляюсь им вослед, и на исходе следующей четверти все три Повелителя будут готовы идти в бой за осиротевших своих детей – за Ветер, за Грозу...

Анэйэ и Эррамуэ сидели верхом на одной из львиц, крепколапой и сильной самке, выращенной в замке. Ноги Эррамуэ свисали по бокам её шеи, над крыльями, а бёдра Анэйэ были крепко привязаны чуть выше львиного крупа. Тугие

ремни стягивали его туловище таким образом, чтобы, расслабившись, он падал ровно перед собой, на закреплённую между крыльев мягкую подушку, а, пожелав выпрямиться, применил некоторое усилие. Этот механизм был изобретён для того, чтобы львиного наездника не смыло порывом ветра в лицо. Для Эррамуэ роль подушки играла шея зверя, и никакой ремень его не держал, только ноги были крепко привязаны к седлу, в свою очередь, надёжно закреплённому на загривке львицы. Эррамуэ неплохо управлялся с ездовыми львами, в отличие от своего господина. Кроме того, везти наследника было его непосредственной задачей. И, хотя Эррамуэ так и не извинился за свои оплошности и ему явно не доставляла никакого удовольствия близость Анэйэ, он не мог убежать от выполнения своих обязанностей.

Нерайэ Уррэйва не любил долго ждать. Вот и сейчас, озвучив сыну свои стремления прошлой ночью, на следующую ночь Тёмный Повелитель уже взялся за дело. Только теперь Анэйэ не оставался тосковать в замке и ожидать возвращения единственного кровного родича, коротая время за обучением и короткими радостями разговоров с Эррамуэ и айэ Алийерэ. Теперь он сам был полноправным участником отцовских замыслов.

Зато Алийерэ оставалась в Уррэйва. Она стояла неподалёку, около Мейорэ Иллийно, и её чёрная коса поднималась на жестоком порывистом ветру. На самом деле, Анэйэ не совсем понимал, почему сестра не летит с ними, это ему объ-

яснил отец. Он сказал, что в будущем, когда настанет пора раскрыть секрет Алийерэ, ей предстоит составить пару Мейорэ Иллийно, если тот продолжит демонстрировать полную преданность Тёмным идеям. Этим двоим стоит сработаться. И сейчас на их совести остаётся благополучие всей Уррэйва. Мысль о том, что айэ будет принадлежать этому старику, которому уже перевалило за двадцать, приводила Анэйэ в полный ужас, но он не мог противиться воле Нерайэ Уррэйва. Отцу было виднее. Кроме того, сама Алийерэ принимала своё будущее с абсолютным смирением.

Они отправлялись в путь небольшим отрядом – Тёмный Повелитель и Айери Лэйо с сыном, а также лучшие дружинники каждого из них. Двадцать человек верхом на девятнадцати львах (только Анэйэ с Эррамуэ делили одного зверя) – сила достаточно внушительная для того, чтобы разгонять на своём пути стаи Небесных хищников и беспрепятственно достигнуть Края. Ночь эта выдалась по-весеннему тёплой, и души звёзд сияли приветливо. Быстрые пуховые облачка обгоняли Уррэйва на лёгких крыльях.

Анэйэ старался не думать о грядущем, рассматривая спину Эррамуэ и не глядя вниз и наверх. Полёт пугал его, и волнение уже давно подтачивало его самообладание. Отец негромко переговаривался с Айери Лэйо во главе отряда. Крепкое упругое тело львицы напрягалось и расслаблялось, когда хищница переступала с лапы на лапу. Стиснув зубы, наследник зажмурился, когда услышал короткий приказ

Нерайэ Уррэйвы готовится ко взлёту.

– Эй, боишься? – негромкий голос риндо.

Приоткрыв глаза и слегка улыбнувшись, Анэйэ стойко встретил взгляд обернувшегося на месте Эррамуэ.

– Нет, – ответил наследник неправду.

Но для Эррамуэ не стоило труда додуматься до истины.

– Не бойся, я буду вести осторожно, – буркнул он и отвернулся, прижался животом к шее львицы и положил руки на её голову.

Хотя Анэйэ было страшно, он не мог не подумать с торжеством: «Уже не злишься, недостойный брат».

Эта мысль скрасила ему первые минуты испытания на твёрдость духа и способность сдерживать в груди вопль ужаса. Когда крик Тёмного Повелителя ознаменовал начало их путешествия, а огромные тени от крыльев упали на наследника, вздымаясь справа и слева, заслоняя от него звёздный свет, осколочек души Анэйэ покатился вниз и замер где-то внизу живота, дрожа и грозя рассыпаться пылью. Юный уррайо крепко стиснул зубы и расслабил тело, уговаривая себя помнить о том, что ремни крепко-крепко держат его на спине львицы, а даже если он и упадёт, хоть один воин из свиты точно успеет прийти на помощь. Анэйэ проговаривал у себя в голове слова «успокойся, твой риндо с тобой, твои слуги с тобой», пока тянулись первые мучительные мгновения взлёта и набирания высоты, затем – пока мгновения перерастали в минуты, и ветер, дующий в уши и звенящий в голове, раз-

вейвал в бесконечно долгое мучение песчинки этих минут.

Ночь раскинулась вокруг, насколько хватает взгляда, и лунный свет игрался в облаках, окрашивая их серебром и платиной. Сквозь узкие щёлки глаз Анэйэ увидел, как хороводом взметнулись звёзды, когда клин из облачных львов понизил высоту и приготовился нырнуть под кучевые облака, плотным слоем скрывавшие от Тьмы дремавшую первым сном Твердь. В следующий миг невидимые силы потянули его назад, и он изо всех сил схватился руками за ремни, сдерживавшие его туловище. Он не смотрел, задержал дыхание и только молился о том, чтобы это всё кончилось скорее. Раздался возбуждённый вопль Эррамуэ, в лицо дохнуло льдом и влагой – они прошли сквозь облачный край. Львы порявкивали.

– Твердь, мой господин! Взгляните! – позвал его Эррамуэ.

С трудом разлепив веки и почувствовав, как мельчайшие сосульки, успевшие образоваться во время полёта через облака, рассыпаются на ресницах, Анэйэ бросил косой взгляд направо и вниз. Прямо под ними простиралась Речная твердь, чёрная тайга и буро-зелёная лесостепь. Всё это тонуло в ночи и выглядело совершенно омертвевшим. Интересно, если какой-нибудь отважный крестьянин не спит в эдакое времечко и вышел подышать свежестью приветственного часа Лёгкого Сна, какие сейчас его охватывают эмоции? Разглядел ли он за ветвями деревьев и туманом ночи девятнадцать летящих чёрных точек, чернее плотных облаков?

– Анэйэ! – голос отца. – Ну не восторг ли, сын мой?

Айери Лэйо отклонил своего льва чуть вправо, позволяя Повелителю, придержав поводья, поравняться со львицей Эррамуэ. Анэйэ выпрямился и нарисовал на лице самодовольную улыбку, чтобы отец не заподозрил в нём страха.

Уррайо отлично чувствуют подобные эмоции – страх, смтение, беспокойство, болезненная тревога, перерастающая в злость, и Анэйэ тоже умел их распознавать. Но его собственные чувства могли различать только несколько человек на всех Небесах, и отец, увы, не входил в их число.

– Отец, в моей груди ликование, в моих ушах песни Ветра, – то, что ему пришлось кричать эти слова, перебивая пресловутые песни, немного подпортило романтику строф известного поэта. – Да будет Тьма... вечной...

К счастью, Нерайэ Уррэйва не стал подробно осведомляться о сыновнем самочувствии и скоро вернулся во главу клина. Анэйэ, выдохнув, вновь сцепил зубы, борясь с тошнотой и приступами паники, накатывавшими на него всякий раз, как львица опускалась, поднималась или кренила размах своих крыльев вправо-влево, ловя потоки воздуха. Он старался думать не о полёте, а о деле.

Отряд уррайо выдвинулся в путь, едва Солнце село, а Луна выкарабкалась из-за восточного горизонта, – чтобы лучи дневного светила не подпалили крылышки львам, и чтобы Уррэйва не успела далеко отойти от Края. Путь предстоял недолгий, это успокаивало. Но что же ждало их там, у самого

Ничего?..

Любовь отца к загадкам, идеям и планам была известна не понаслышке во всей Тьме. Но, упаси Лунный лик, никогда и ни один уррайо даже в самом смелом дневном сне не мог буркнуть себе под нос: «Этот старик Нерайэ только и знает, что обещает и хранит свои тайны, ничего нам не говорит. Значит, либо он ничего не знает на самом деле, либо он просто дурак!», и не только из страха... О, преданность уррайо никогда не была обусловлена одной лишь врождённой беспрекословной верой в своего вождя. Нерайэ Уррэйва на деле доказал своё могущество. Любовь народа, даже такого честного и неподдельно искреннего в своей готовности повиноваться, как Тёмный народ, завоевать не так уж и просто. Но отцу Анэйэ это удалось.

Когда спустя половину часа, на вершине Лёгкого Сна, львиный отряд медленно пикировал к Краю, прорываясь сквозь лёгкую гущу нижних облаков к обрывающемуся в пустоту Длинному морю, Анэйэ в очередной раз в полной мере ощутил бесконечное доверие, сковывавшее отряд – подчинённых и Повелителя, и в очередной раз сердце его укололо странным чувством вины, не свойственным ему...

Он отлично знал, как именно его отец стал самым любимым в народе Тёмным повелителем за многие-многие десятилетия.

До рождения Анэйэ, до появления айэ Алийерэ в семье правителей, случилась первая попытка Нерайэ Уррэйвы вер-

нуть Тьме былую славу. Тогда молодой Повелитель не стремился к господству над тремя мирами, а лишь, обуянный жадной возмездия и ненавистью к несправедливости, желая лучшей судьбы для своего народа, в отчаянии бросил вызов Свету, объявил войну эвелламе. Но, несмотря на то что Нерайэ был единственным живым наследником своего отца и полноправным правителем, Тёмный народ не поддержал его чаяний. Уррайо слишком привыкли бояться, как бы парадоксально это ни звучало, слишком вжились в роль изгнанников. Им было сложно мечтать о том, что когда-нибудь в счастливом будущем они вновь станут наводить ужас на Твердь, держать в унижении и разрухе Светлый народ, править и подчинять. И энтузиазм юного Нерайэ не получил поддержку среди простых людей. Но он не унывал. Он уже тогда знал то, что, будучи разрозненными и разобщёнными, не помня заветов своих предков, уррайо обречены на вечное прозябание в забвении и безвестии, и потому во всеуслышание объявлял о своём стремлении вновь соединить власть в руках трёх великих родов – Повелителей Ветров, Гроз и Дождей. Нерайэ постиг простую мысль – стихии не вернутся в руки своих хозяев, пока сами хозяева не возжелают получить контроль над ними. С большим трудом он склонил на свою сторону Айери Лэйо и Повелителя Гроз, чьё имя Анэйэ узнал только ночь назад. Тогда Нерайэ казалось, что стоит только вновь возвысить три великих семьи-наследницы бывших повелителей, объединить их усилия, и судьба распоря-

дится в их пользу. Молодому уррайю, ведомому своими мечтами, казалось, что теперь, когда трое истинных властителей Небес вновь вместе и вновь готовы сражаться бок о бок, как четыреста лет назад, Ветер, Гроза и Дождь сами устремятся в их лапы.

Объединённое войско трёх облачных замков бросило открытый вызов светлой армии. Но Нерайэ понимал, что просто так павшему народу не одолеть хорошо вооружённых, всем обеспеченных эвелламе. Кроме того, сами светлые узурпаторы не спешили отвечать на агрессию, только укрепили оборону своих собственных владений. Уррайю выгоднее сражаться на своих Небесах, эвелламе – на своих; чтобы атаковать противника, любим из них приходится тратить средства ещё и на снаряжение, защищающее от разрушительного влияния чужой среды на тело и разум. Потому светлый народ мог выиграть эту войну очень простым способом – сидя у себя дома и порой поглядывая в окошко, проверяя – не блещут ли на солнце опадающие перья чёрных львов, кое-как добравшихся до Светлых владений и ещё сохранивших силы вести с кем-то бой? Прекрасно осознавая всё это, Нерайэ Уррэйва пришёл к логичному выводу: без старейшей своей премудрости, не пуская в ход все умения, дарованные Всевышним, уррако не видать и хвоста победы. Кто, как не бесы, кошмары, помогут тёмной силе одолеть светлую?

Несколько лет до начала войны те из уррайю, кто шёл за юным повелителем, обучались мастерству изготовления

кошмаров из собственных жизненных сил, по старинным книгам вновь постигали позабытую науку, делали маленькие успехи и терпели бесконечные поражения. Сам Нерайэ проводил все ночи за тренировками, таким неукротимым был его энтузиазм, с такой силой его вела вперёд горячая мечта. Однако достичь своего не вышло даже у него... Единственным, кто оказался способнее и талантливее Тёмного повелителя, был юный повелитель Гроз. Именно он создал великий кошмар, по силе не уступавший кошмарам мастеров древности, и этого беса три истинных хозяина стихий, подпитывая собственными силами и направляя тремя песнями, послали не на Твердь земную, а в стан своих Небесных противников. Используя Грозового беса, Нерайэ и его сподвижники выманили в ночь тогдашнего повелителя Света, Мариди Веллами, и разгромили его войско, и сняли голову с его плеч. Одна незадача – грозившись привести с собой три камня стихий на бой с нечистой силой, Светлый властелин, тем не менее, не взял ни одной. Потому, одолев светлое войско, понеся огромные потери и лишившись великого числа воителей, уррако только усеяли трупами собственные облака и частично даже Твердь земную, но цели своей не добились. Видимо, слишком невнушительным оказался кошмар повелителя Гроз, слишком мало усилий приложили для полного душевного объединения три властелина Тьмы. Вскоре, мстя за смерть Мариди Веллами, нагрянули войска эвелламе в Хралуну Уррэйва и попортили шкурки чёрным львам.

Сам Нерайэ чудом избежал смерти. Благословение Лунное спасло его. После поражения, которое нанесли Тьме светлые воители в качестве карательной операции, уже ни о каком реванше речи не шло долгие годы.

Однако первая победа, в которой погиб Светлый повелитель, многое поменяла в умах и воззрении уррако. Впервые за долгие четыреста лет Тьме удалось одолеть Свет, хотя бы на короткое время, страшной ценой, но удалось. Ещё не всё было потеряно! Ещё не завтра ночь истлеет в солнечном огне, ещё не завтра! Те, кто прежде не верил в Нерайэ Уррэйва, считал его выскочкой и ни на что не годным юным дураком, изменились во мнении. Да, война проиграна, но Тёмный властелин был жив. В его идеи, план по объединению повелителей никто не верил, но он сделал это – обратил три в одно и создал настоящего беса, и даже успешно использовал его. Не всё прошло гладко. Но то ли ещё будет... Почти сразу же, проиграв, Нерайэ Уррэйва поставил новый срок. Пятнадцать лет – и Тьма оправится, и будет готова вновь нанести удар. А пока предстоит ждать и готовиться. «Мы готовились годы и создали настоящий кошмар. Будем готовиться дольше – создадим погибель Света».

И народ поверил в своего вождя. Верил и теперь, больше десяти лет спустя. Чёрными стрелами львы падали к Краю, и Анэйэ, побледневшими и онемевшими руками схватившийся за свои ремни, отвернув голову вбок, видел сквозь узкие щёлки глаз силуэты дружинников отца – верных и верящих.

За Нерайэ Уррэйва они готовы были отправиться даже в Никуда.

«Когда я стану Повелителем, будут ли они преданы мне так же?»

Если бы Анэйэ поглядел вниз, он бы увидел поделённый пополам мир: справа – чёрное море, на котором сейчас бушевал весенний шторм, волны схватывались, вздымая вверх полчища бледных крапинок-капель, отблески молний плясали в глубинах гремящей стихии, хлеща ливневыми плетьюми по хребту обезумевшего Океан-зверя; слева – бездна ещё чернее моря. Тьма эта не была той Тьмой, что подчинялась песням урайо и царила над Твердью после захода Солнца. Это была Тьма отсутствия, смерти, забвения, пустоты.

Быстро намокнув под дождём, смешивающимся с солёными каплями, взлетавшими вверх от поверхности моря, Анэйэ разлепил глаза, когда почувствовал, что львы остановили своё падение. Он обнаружил, что отряд замер на высоте десяти размахов над водой, недалеко от границы Ничего. Он боялся глядеть в Никуда, и поэтому первое время рассматривал спину Эррамуэ, пока Нерайэ Уррэйва что-то говорил Айери Лэйо, а остальные воители молчали, не желая выдавать своих истинных чувств. Крылья львов уже намокли и отяжелели, наследник чувствовал, как тяжело зверице под ним оставаться в воздухе и выдерживать вес двоих мальчиков. Львица пыхтела, с каждой секундой применяя всё больше сил, чтобы не рухнуть в море. Эррамуэ хлопал её по шее

и что-то говорил ей.

– Недостойный брат, – окликнул Анэйэ своего риндо. Но его тихий голос без следа растворился в буйстве трёх необузданных бесхозных стихий. Эррамуэ не услышал.

Под мерное хлопанье ослабевающих, насквозь промокших крыльев львицы, под рёв ветра, стоны океана и громовые раскаты в мозгу Анэйэ вдруг всплыла старинная песенка, которую в далёком детстве ему пела ещё айэ Алийерэ. Сестрица говорила, что петь не умеет, однако у неё получалось недурно, как казалось маленькому наследнику, и незамысловатые слова первого куплета и припева он запомнил навсегда.

«Спи, малыш, под вопли бурь,

Под стенание дождей.

Брат наш старший

Между башен,

Между призрачных ворот

Часа Бесов ждёт.

Брат наш старший да на крыльях,

Да на чёрных лапах львиных

Спустится на Твердь земную,

Наша Тьма восторжествует,

Наше зло!»

– Наше зло! – протянул себе под нос Анэйэ. Его никто не услышал, слава Лунной матери и бушующим вокруг стихиям. Воспоминание об айэ Алийерэ принесло успокоение.

Он расслабился и выпрямился, чтобы выглядеть собранным, строгим и уверенным в своих силах, как приёмная сестра. Что бы ни ждало их там, в Нигде, смерть или спасение, он встретит своё будущее достойно.

– Братья мои! – голос Нерайэ Уррэйва заглушал и Ветер, и Дождь, и Грозу.

Внимая отцу, Анэйэ вытянулся по струнке, вскинул подбородок, заглушил все ростки волнения, мысленными кликами сжав глотку собственной душе, чтобы та прекратила дрожать и искать способа выскочить из груди, украв сердце.

– Братья мои, сейчас наша цель совсем близко, один взмах крыла – и мы в Нигде! – борода и волосы липли к мокрым щекам и лбу Тёмного Повелителя. – Все мы знаем, какие опасности таит в себе...

Конечно, они всё прекрасно знали. Поэтому Анэйэ и не думал глядеть налево, предпочитая пялиться в затылок Эррамуэ или вспоминать песенки из глубокого прошлого. Если «его зло» было ему знакомо и родно, то обитающие в Ничём силы, подобно самой смерти, не познаны, неподвластны, необъяснимы, страшны отсутствием в них природы и закономерности. Даже собрав всё своё мужество, Анэйэ бы не смог без содрогания посмотреть туда, в сторону конечной точки их недолгого путешествия. И Эррамуэ тоже бы не смог. Он потому уже больше двух минут занимался одним и тем же – увлечённо разглаживал шерсть вокруг ушей несчастной львицы, – не хотел глядеть в глаза отсутствию. И

воины вокруг них, они тоже старались не смотреть налево, Анэйэ успел это подметить. И Свет, и Тьма отроду сторонились Ничего, и вот сейчас они, двадцать отважных уррако, замерли в воздухе на грани жизни и пустоты. Кого бы это не испугало?

– ...Ничего, великое и всепоглощающее Ничего!

– Мой повелитель! – раздался крик. Это не справился со своими эмоциями молодой воитель, летевший всю дорогу сзади и справа от Анэйэ с Эррамуэ. Наследник оглянулся и увидел, как глаза кричавшего юноши осветило фиолетовым всполохом молнии, – они были раскрыты широко, как у ко-та, которому наступили на хвост.

Нерайэ Уррэйва замолчал, но юный воитель не стал дожидаться разрешения заговорить вновь.

– Мой повелитель, это невозможно! – это слёзы заблестели на его щеках или капли от дождя? – Мой повелитель, мы же умрём! Кто бы ни влетел в Ничего, они все умирают! Мой повелитель, отец мой!

– Чего же ты согласился лететь добровольцем, если от одного призрака опасности готов сложить крылышки? – сплюнул слева от него другой воин, пожилой мужчина с длинными волосами, свисающими на лицо. Нерайэ Уррэйва запретил брать с собой всякое оружие, не то бы этот старик, конечно, пихнул запаниковавшего древком копья или боевого топора. – Разворачивайся и лети к мамочке под брюхо, девица нежная.

– Послушай старика Алаэ, юноша! – в голосе Нерайэ Ур-рэйва было весёлое презрение. – В последний миг запаниковать перед вступлением в бой со своим страхом – достойно львёнка, но не достойно льва. Ты львёнок, юноша, и ты можешь возвращаться в Хралуну, нам помощь детёныша без надобности! Как имя твоё?

Ещё один раскат грома последовал за очередной огненной вспышкой, вычертившей на лице молодого уррако отчаяние, сомнение и ужас. О, теперь ему остаётся только два выхода: назвать своё имя и навеки опозорить его в глазах Повелителя или не назвать и улететь молча, послушавшись приказа. Или...

Склонив голову и зажмурившись, юноша резко пригнулся к холке своего льва, такого же мелкого, куцегривого и нервного, как его наездник.

– Отец мой! – прокричал молодой воитель и больше не сказал ни слова, однако и лев его не сдвинулся с места. Анэйэ с интересом вглядывался в темноту, но не мог рассмотреть лица юноши за шерстью его зверя. Видимо, позор страшил паникёра сильнее ужасной смерти в когтях отсутствия, и теперь он, пребывая одновременно в страхе за свою жизнь и за своё доброе имя, не решался вымолвить ни слова, онемев и полностью лишившись воли.

– Нет ли больше среди нас лвят? – перекатывающийся в чёрных Небесах рык грома звучал выше, чем зычный рёв отца. – Если нет, тогда доверьте мне свои жизни! За мной

и Айери Лэйо, не отставая, не отклоняясь вбок, не залетая вперёд, ни ниже, ни выше – лапа в лапу, морду в хвост! Врата Ничего будут открыты для нас ненадолго, они узки и коротки, будьте же осторожны!

«Врата Ничего, – повторил про себя Анэйэ. – Мой отец знает о мире так много. Откуда отец мой узнал о пути за Край?»

Однако то, что Нерайэ Уррэйва известны вещи, не известные доселе никому, давно уже стало обыденностью для воинов уррайо. Ответив нестройным, но смелым хором, они вцепились в гривы своих львов, готовясь к отчаянному рывку меж клыков смерти.

– Анэйэ, мальчик, выше нос! – обратился к нему отец перед тем, как махнуть рукой и молнией ринуться верхом на Властелине вперёд, сквозь вихрь и ливень. Эррамуэ немедленно послал следом их львицу. Крылья бедняги совершенно промокли, поднимались и опускались с трудом, и потому сперва мальчики здорово отстали. По бокам вокруг них в строю никого не было, однако пугливый юноша на куцегривом льве уже через несколько секунд догнал их справа.

Анэйэ увидел, что они летят прямо в огромное чёрное Ничего, в бездонную мёртвую Тьму пустоты; она нависла сверху, раздалась в стороны, разверзла гигантскую ненасытную пасть, и в ушах у Анэйэ зазвучал какой-то утробный низкий вой, хотя он был уверен, что издавать этот вой здесь было некому.

– Назад! – прозвучал сзади оклик старика. – Не обгонять...

Было поздно. Рябь пробежала, размывая границ предметов и искажая все звуки, по воздуху и плоти зверей и людей. Анэйэ почувствовал, как мельчайшие тычинки игл вонзаются одновременно по всей площади его тела, и львиные вопли ярости и боли вокруг говорили о том, что кошки тоже это почувствовали. Наследник сдержал крик, только стиснул покрепче зубы. Сам он бы не мог назвать это болью, это скорее ощущалось как змейки возбуждения, бегающие вдоль позвоночника и конечностей в те мгновения, когда необъяснимое счастье вдруг охватывает непредвиденно и спирает дыхание у кадыка. Только змейки эти были ядовиты и острозубы, и несли не счастье, а растерянность и страх. Они прошли его тело насквозь, напитав плоть ядом, вводя сознание в какое-то пограничное состояние между сном и явью, и глаза Анэйэ закатились к затылку, помешав ему увидеть, как нервный юноша верхом на худом вшивом льве, послушавшийся приказа и обогнавший их с Эррамуэ, зацепился крылом своего зверя за вязкую хищную пустоту и исчез, растворился в мгновение, как капля крови в бездонном море.

...

Было темно и даже уютно.

Анэйэ с трудом приподнял голову, чувствуя, как его черепушка норовит расколоться на тысячи мелких костяшек.

Болезненные тонкие клиночки прорезали его мозг раз и ещё раз, и ещё, – и вдруг исчезли, обернувшись пьянящей пустотой. Ему захотелось подумать о чём-то, о чём угодно. И он не смог. Ни мысли, ни чувства не тревожили его покоя, такого странного, тягучего, успокаивающе тёмного. Анэйэ не знал, сидит он, стоит или лежит, что находится вокруг него, кто рядом с ним, и ему вдруг всё это стало абсолютно неважно. Он будто шагнул навстречу древней бездне, следуя за сотнями, тысячами и миллионами чужих душ, слился с ними в единый бесцветный ток и растворился в забвении и упокоении. Его глаза не видели, уши не слышали, нос не чуял, сердце не билось. Он растворился в Ничём, он стал одним целым с Ничем.

«Анэйэ, постой, – сказала Алийерэ, схватив за руку шестилетнего мальчика. – Тебе пока что нельзя туда».

Он послушно остановился, но глаза его по-прежнему были обращены к узкой чёрной двери клиновидной формы, как будто изготовленной специально для того, чтобы манить своей таинственностью маленьких любознательных мальчиков.

«Почему, айэ?» – спросил он, жадно вглядываясь во мрак и отчаянно желая прикоснуться к гладкому камню, протолкнуть его внутрь, столкнуться с чем-то необыкновенным, удивительным.

«Там живут опасные животные, – твёрдо возразила двенадцатилетняя сестрица и крепче перехватила его пухлую детскую ручонку. – Съедят тебя, пикнуть не успеешь. Всё, ма-

ленький, пойдём отсюда, пойдём».

Анэйэ покори́лся и смиренно потопал за Алийерэ, едва поспевая. «Опасные животные» – звучит и впрямь угрожающе. Но почему тогда оттуда так приятно тянет чем-то неуловимо притягательным?

Эта дверь на первом этаже Тёмного замка многие годы спустя преследовала его сознание, как кошмар преследует твердынского неудачника, построившего жилище на бывшем кургане уррайо. Гладкость камня, морионовые стены, опасные животные. И почему сейчас, когда он не мог призвать в свой мозг ни единой мысли, именно эти воспоминания ожили в его душе?

Что-то зашевелилось под ногами и сбросило его с себя. Анэйэ вылетел из полного покоя, ударившись поясницей о что-то одновременно твёрдое и мягкое. Странность этого ощущения заставила его издать удивлённый звук, и будто в ответ ему мир вдруг зажёгся красками и запахами. Анэйэ словно прозрел и теперь оглядывался по сторонам, полулёжа на чём-то пушистом и изгибающемся неподвижными волнами.

Львица, скинувшая с себя наездника, валялась на боку неподалёку, её бока тяжело поднимались и опадали. Эррамуэ нигде не было видно. Но не это сейчас занимало Анэйэ. Он с удивлением смотрел на поверхность странной тверди, вздымавшейся под ним причудливыми гладкими буграми. Это напоминало землю, покрытую мягкой растительно-

стью... или не растительностью? Анэйэ мог себе представить обыкновенную твердынскую землю, но в его голове она была коричневой и покрытой высокой зелёной травой. Сейчас же он был в полном недоумении, осторожно трогая пальцами мягкое пружинистое нечто, скрывавшее под собой поверхность этого места. Он не знал, что такое мох.

Наследник Тьмы медленно поднял голову.

«Это... пещера?» – подумалось ему. Пещера, как те, что тут и там встречаются на Тверди Каменной. Потолок смыкался где-то высоко, не освещённый ничем, однако Анэйэ отлично видел скалистые выступы, трещины, выющиеся по стенам, и то, что ему не требовалась помощь звёзд, чтобы ориентироваться в полнейшей Тьме, ввергало его в полное недоумение.

Огромная пещера, чей пол зарос мягенькими маленькими травиночками. И это – легендарное Ничего?..

Чувствуя, как страх неумолимо отступает, он поднялся на ноги, слегка шатаясь. Долгий полёт, затем – чудесное чувство покоя, сковали его члены и расслабили сердце, и потому он покачнулся и едва не упал, вовремя успев выставить перед собой руки. Ему показалось, будто что-то мелькнуло совсем рядом, и мальчик резко поднял голову. На первый взгляд ничто не изменилось вокруг, и с обеих сторон по-прежнему уходил в никуда странный мрак, не мешавший разглядывать ближайшие предметы и стены пещеры. Только внимательно осмотревшись, Анэйэ понял, что исчезла его

львица, которая прежде лежала рядом, тяжело дыша и слегка покачивая уставшими крылами.

Почему-то одиночество не испугало его. Ещё раз встав и обернувшись, он обнаружил, что картина вокруг опять поменялась. Своды пещеры слева не обрывались в бесконечно сгущающейся вдалеке Тьме. Там вычерчивались силуэты вполне реальных объектов: деревья, кусты, небольшие камни, видимо, отколовшиеся от стен и потолка. Анэйэ, не особо размышляя над своим поведением, отправился туда, в чудный пещерный лес, неизвестно каким образом образовавшийся в этом месте. Он ступил под кроны редкой тайги и шёл медленно, робко разгоняя мягкий бледный туман, едва заметно паривший у самых стволов сосен и елей.

Ему не было страшно. Мысли, посещавшие его, по-прежнему были медленны и глупы. Анэйэ опять вспомнилась та чёрная гладкая дверь и опасные животные. Затем он подумал о том, что, должно быть, отец уже был здесь когда-то. Ни одна из этих мыслей не задержалась в его голове дольше, чем на пару секунд.

Анэйэ поднял голову и увидел, что угольно-чёрные верхушки самых высоких хвойных деревьев не достают и до середины пещеры. Он с некоторым удивлением обнаружил сову, сидящую на одной из низких сосновых веток. Сова была неподвижна, только её круглые жёлтые глаза по-дурацки моргали: «Луп-луп».

Наследник шёл по лесу до тех пор, пока не наткнулся на

озеро. Вода в нём была бледной и совершенно не прозрачной. Озеро уходило в никуда, смешиваясь с туманом, и проваливалось в бесцветную бездну, поглощавшую и своды пещеры, и водную гладь.

Всё так же не задумываясь о своих действиях, Анэйэ присел у самого берега, и, протянув руку, коснулся воды.

В тот же миг в его голове мелькнула вспышка. Его как будто отбросило назад и ударило спиной о ствол одного из деревьев, и при этом он ясно чувствовал, что в реальности оставался сидеть неподвижно.

...

Анэйэ вновь проснулся. На этот раз не было никакой пещеры, никакого леса, никаких видений. Он сидел, прислонившись спиной к пушистому львиному боку, и справа от него в такой же позе сидел Эррамуэ.

Они находились в большом помещении с низким потолком и слабым освещением, исходившим от пола, сделанного не то из кристалла, не то из стекла. Остальные львы лежали вокруг плотным кругом, и все наездники так же прислонялись к их бокам усталыми спинами – взрослые мужчины, старики и юноши. Их лица, как и лицо Эррамуэ, как и, наверное, лицо самого Анэйэ, были сосредоточенны, будто все они тщательно размышляли над чем-то.

«С каждым из нас случились эти странные сны», – подумал наследник и перевёл взгляд чуть левее, туда, где возвы-

шался силуэт единственного человека, который оставался на ногах. Это был Нерайэ Уррэйва.

– От имени Тёмного Неба я приветствую хозяина Гроз, – тихо произнёс отец.

Анэйэ увидел, как из-за кучи валяющихся на полу обессиленных крылатых львов выступил ещё один человеческий силуэт. Он был так же высок, как отцовский, только шире в плечах, и голос его прозвучал гораздо внушительнее:

– За каким дивом тебя снова сюда принесло, неугомонное ты бесово отродье?

Глава 9. Речная Твердь. Маленький стайе из Края Соснового распоряжается своей судьбой

Он улыбнулся, когда увидел, как на лице матери проскользнуло недоумение.

– Ты? Отправишься вслед ордену? – повторила она, смакуя эти вопросы и как будто обдумывая вселенскую глупость, заключавшуюся в них. – И станешь войдошем? Ты?

– Да, – степенно отвечал Сарер. Он стоял в самой серьёзной и суровой позе, которую сумел принять – пальцы рук скрещены на уровне пояса, подбородок вздёрнут, взгляд излучает превосходство. Если бы он был взрослым, он бы выглядел ещё внушительнее с бородой по грудь. Ему доставляли удовольствие мысли об этом. – Я думаю, что не просто войдошем. Я стану новым лидером после Элриса Арраксио.

– И почему же ты в этом так уверен? – стейя Ринетта даже не пыталась его переубедить. И будто бы совсем не злилась.

– Господин Элрис Арраксио или, как его называют в рядах воинов, старик Арраксио говорил мне при личной встрече, что из меня выйдет храбрый боец. Потому что я лучше многих знаком со страхом от кошмаров и беса. Я встречался с тем, с чем мы ведём войну.

Конечно же, змей никуда не делся. Мать организовала

Сареру переезд в комнату этажом ниже. Поварёнок Ранмис хвастался на весь терем, что он теперь будет жить в «царских палатах» и сражаться с демонами, которые оказались не по зубам шесту. Он спал как убитый в подвергнутой тщательному опустошению господской опочивальне и утром рассказывал своим товарищам о том, как всю ночь воевал с полчищами черноликих солдат-покойников с зубами, растущими на черепашках. Сарер слушал, проходя мимо кухни, о его подвигах, и скрипел зубами, думая про себя: «Окажись у меня в руках пылающий меч, как у тебя, я бы не только орду покойников разнёс, я бы мир захватил. Но в моих, настоящих снах у меня не бывает с собой и ножика!» Он по-прежнему оставался один на один со змеем, засыпая в комнате слуги, которая была гораздо скромнее по размерам, чем его собственная. Просто тварь теперь, вылезая из стены, сразу попадала на его кровать.

Всё стало ещё хуже, чем было. Но встреча с войдошами вселила в сердце Сарера надежду на лучшее.

Послушав о планах сына относительно грядущей службы в рядах борцов с бесами, стейя Ринетта продемонстрировала злую рысью ухмылку, которая вкупе с её тонкими красивыми чертами лица смотрелась почти зловеще.

– Этот сумасшедший старик превратит тебя в мишень для насмешек, когда услышит твои заявления, а через месяц ты сбежишь оттуда сам. В войдоши идут простые люди – чернь, грязь земная, невоспитанные, необразованные, полу-

звери. Ты видел этого старика и его людей. Грязные, вонючие, он сам назвал их сыновьями служанок, крестьян и гулящих женщин. А теперь сам посмотри на себя, Сарер, – она махнула рукой в сторону сына, как будто он был её неудачной картиной. – С твоими хрупкими ручонками, такими слабенькими, что ты держать меч длиннее фвеса не в силах, чего ты добьёшься там? Наставник Тэанес рассказывал мне, как ты роняешь деревянную пику из рук, стоит лошади сделать резкий разворот. Не дури. Успокойся уже, будь взрослым человеком. У взрослого умного человека есть множество способов отличиться и показать себя, кроме как упиваться своим вечным противоречием приказам старших и здравому смыслу.

– Мама, – сказал Сарер, чувствуя себя уязвлённым её словами про хрупкие ручонки. – Главное не то, кто я сейчас. Я чувствую в себе решимость и уверенность. Я смогу доказать Элрису Арраксио, что я лучше всех этих необразованных крестьян, что я...

– Да? – подняла брови стейя Ринетта. – Этим людям ты ничего не докажешь. Они косточки твои пережуют, сплюнут и забудут. Простой народ доказательств не принимает, только грубую силу. Кроме того, я вижу, ты продолжаешь упорствовать. Тебе не пора к Мирласу?

– Не пора, – упрямо сказал Сарер, намереваясь идти до конца. – Мама...

– Ты останешься здесь, в этом тереме, и станешь достой-

ной заменой не лысому уроду, а своему отцу, – начиная злиться, отрезала стейя Ринетта. – Ты единственный сын и наследник. Пожалей свою бедную мать, я не потяну ещё одного ребёнка и не смогу гарантировать, что на Свет появится мальчик. Начинай уже думать головой, Сарер, и думай о чём-то кроме своих глупых прихотей. Ты будущий стайе Края Соснового.

– Пусть Ольтена будет стайе Края Соснового! – разозлившись первым, прошипел Сарер. – Вы все её любите больше, чем меня, она производит на людей впечатление...

– Сарер.

– ...смеётся, как дурочка, а народу нравятся такие как она!

– Сарер!

– Она любит твои вонючие краски, и даже Элрису Арраксию она сразу понравилась! Вот пусть она и представляет всюду нашу семью, пусть очаровывает всех и улыбается, а я пойду куда хочу.

– Ты не пойдёшь куда хочешь, – низким голосом сказала мать. – Ты пойдёшь – сейчас же – к господину Мирласу и передашь ему мой приказ. Я приказываю, чтобы сегодня ты занимался в два раза дольше. Чтобы не тревожить старого человека, пускай он оставит тебе задание, а если не выполнишь то, что он скажет, то я прикажу тебя отдать под кнут.

Сарер сразу закрыл рот, хотя уже был готов дальше препираться с матерью. Стейя Ринетта часто отчитывала его, но

никогда не угрожала физическим наказанием.

– Если ещё раз так повысишь на меня голос, я без предупреждения позову сюда конюха с его кнутом. Ты совсем от рук отбился. Наверное, это из-за того, что теперь ты живёшь бок о бок со служивыми мальчишками. Они тоже отправятся на порку, если я услышу о том, что ты водишься с ними.

Сарер развернулся и быстро зашагал прочь.

– Я тебя не отпускала, – крикнула вдруг стейя Ринетта.

«Ну и пусть. Ну и пусть!» Не побежит же она за ним.

Обида и горечь обжигали ему глаза слезами. Он отчаянно рвался оказаться где-нибудь за пределами терема, пропитанного страхом, давно превратившегося в его темницу. Сейчас он ощущал это невероятно отчётливо. Он всё равно убежит и всё равно станет войдошем. Он не послушается матери. Просто возьмёт и сбежит! Предсказание брата Энрида не сбудется, он не будет покорно ждать десять лет, как стейя ждёт своего мужа у окна, развлекаясь одной только сменой времён года и спицами, уныло качающимися в холодных пальцах.

В коридоре у лестницы Сарер налетел на своего отца. Неист Алвемандский как раз возвращался с весенней охоты, и на его лице была взволнованно-счастливая улыбка. Врезавшись в огромный отцовский живот, мальчик отскочил и тут же учтиво поприветствовал родителя:

– Отец, – и склонил голову.

– О мальчик мой! Твоя мать там? – он махнул рукой в сторону женской части терема и, дождавшись подтверждаю-

щего кивка, заговорил с почти детским нетерпением и жаждой поделиться с кем-то своим восторгом. – Сарер, тебе пора выезжать на охоту с нами. Мы загнали тура, такого гигантского и свирепого, что собаки в страхе разбежались от одного только движения его рогов. Рога, рога! Эти рога отлично будут смотреться вместо тех, надоевших, оленьих. Хочешь глянуть? Почему такой хмурый? Ты плакал, мой мальчик? Опять этот поганый бес?

– Нет, – мрачно отрезал Сарер. Он не говорил отцу и матери, что бес продолжает навещать его даже в комнате Ранмиса, потому что не хотел появления новых поводов для ссор со стейей Ринеттой и боялся её ледяного негодования даже сильнее, чем засыпать. Но теперь, когда она угрожала ему кнутом, чего же ещё оставалось бояться? Рассудив так, мальчик пробормотал: – Я никогда не плачу из-за своего кошмара, – пусть отец считает его храбрым, – не бойся за меня, папа.

Странно, но со своей просьбой отпустить его к войдошам Сарер даже не попытался обратиться к отцу. Наверное, он знал, что этот вопрос немедленно отправится на рассмотрение к Ринетте Алвемандской, а та будет ещё в большем гневе, когда поймёт, что первым делом сын пошёл не к ней. И тогда риск провала будет просто катастрофическим.

Впрочем, провал уже произошёл.

Шелест юбок доносился сзади. Надо было бежать. Как ночью.

– Сарер! – звала его мать.

Он не мог обогнуть отца. Мальчик увидел, как медленно в морщинах лица стайе вычерчивается суровое недовольство. Поймав сына за руку, Неист Алвемандский спросил у жены:

– Он убежал от тебя?

– Убежал. Маленький негодяй. Он нахамил мне и, не дослушав до конца моих слов, просто взял и убежал, – с каждым её словом взгляд отца становился всё более мрачным, и Сарер мог лишь устало опустить голову, чтобы не видеть конечной стадии этой метаморфозы. – Мой стайе, мы потеряем этого ребёнка. Он не просто невоспитанный и своенравный, он уже наполовину потерян. Я никогда не видела таких надменных и вместе с тем бестолковых детей. Я просто не знаю, что делать с Сарером. Ему нужно твоё мужское воспитание. Нужно, чтобы кто-то показал ему, что значит быть мужчиной.

– Ну конечно, – отвечал Неист Алвемандский. – Моя стейя, учи его, но не говори в присутствии мальчика о нём таких слов. Ни один мальчик не превратился в мужчину, слушая из женских уст о себе слово «бестолковый».

– Ты отец, тебе лучше знать, что с ним делать, – было почти слышно, как стейя Ринетта скрипела зубами. Кажется, она была готова разозлиться и на мужа: – Из Ольтены я сумею сделать достойную женщину, и при всей её несобранности я в том уверена. Но я не знаю, что получится из этого... этого ребёнка. Неист, я предлагаю, чтобы он отведал кнута.

– Кнута? – стайе явно удивился. Его сильная рука всё ещё сжимала предплечье Сарера: – Мой мальчик, что ты натворил? – строго спросил он, заглядывая в глаза сыну. – Что ты такое натворил, чтобы мать захотела подвергнуть тебя такому наказанию?

Сарер не успел и рта раскрыть. Стейя Ринетта его опередила:

– Он собрался стать лидером отряда войдошей. Желает проситься в ученики к Элрису Арраксио. Уверен, что там его примут с распростёртыми объятиями и на блюде преподнесут высокий чин. Он заигрался с этой глупой шуткой про беса. Он готов на всё, лишь бы известить меня и не учиться нормально.

Сарер закрыл глаза. Это звучало жалко. Он вдруг вспомнил войдошей, высоких, бородатых, сильных и – что главное – таких спокойных и уверенных. Он подумал о том, что никто из них никогда не подвергался такому позору. Ни о ком из них мать не говорила таким голосом.

Неист Алвемандский, услышав про намерения Сарера, почти неожиданно встал на его сторону:

– Послушай, моя шеле, быть может, это важно для него? Навряд ли про беса – это глупая шутка. Я склонен доверять словам войдошей. Кроме того, Сарер бы не стал бояться собственных фантазий. Так, мальчик?

Сарер поднял голову. Он не хотел никому ничего доказывать больше. Не хотел быть ребёнком или собственностью.

Он хотел спасения и свободы.

– Я стану войдошем, – проговорил он твёрдо, часто моргая, чтобы осушить слёзы. – Я всё продумал. Сотня Элрикса Арраксио через два дня возвращается с острова Горгулий через Эгинковый бор. Это недалеко, я легко доберусь туда верхом с несколькими сопровождающими. Там я так же легко найду войдошей. Он примет меня. Я знаю. Я...

– Видишь, Неист? – перебила его мать. – Видишь, как он обнаглел? Говорит так, будто нас с тобой тут нет!

В этот момент Сарер понял, что он не в силах больше этого выносить.

Обнаглел. Он обнаглел. Действительно! Конечно, его же никто не слушает!

Он глубоко вздохнул, справляясь со стыдом. Потом твёрдо сцепил зубы, глотая слёзы, развернулся и, резко вырвавшись из отцовской хватки, побежал прочь.

– Сарер! – ударил в спину дуэт родительских голосов.

– Отстаньте от меня! – прорычал он на бегу, не заботясь о том, какое придётся принять наказание. Этот день должен был изменить его жизнь, должен был. Сегодня он перестанет быть послушным мальчиком. Он сам изменит свою судьбу! Он сам решит за свою жизнь! Он сам!..

...

День спустя всё было готово для отъезда.

Видя детскую ярость сына, слыша негодование в его сры-

вающемся голосе, Неист Алвемандский, сохраняя спокойствие и понимающее выражение лица, сказал за вечерним столом только: «Хорошо, мальчик». Сарер позднее думал о том, что заставило отца согласиться. Стыд за то, что он не уберёг сына от кошмара и пренебрегал его словами? Усталость и нежелание сопротивляться холодной и чистой ненависти десятилетнего ребёнка ко всему, что стоит между ним и его прихотью? Или вера в то, что Сарер скоро вернётся домой, получив жизненный урок и повзрослев? Стейя Ринетта же стояла на своём ровно до тех пор, пока не услышала решение мужа. После этого ледяной огонь злобы потух в её глазах, лицо расслабилось, и она сквозь зубы проговорила: «Все мои старания потрачены зря», и больше не произнесла в тот вечер ни слова. Сарер тогда задумался, о чём она тоскует, глядя поверх его головы тёмными глазами – о деньгах, потраченных на Мирласа и его занятия, о бессонных ночах, проведённых рядом с без конца орущим младенцем? Сарер был отвратительным ребёнком, как ему часто рассказывали. Пока ему не исполнилось года, он рыдал и вопил сутки напролёт. Пока ему не исполнилось шести лет, он капризничал и хныкал сутки напролёт. В шесть лет он впервые встретился со змеем. С шести лет он стал просто невыносим.

Но теперь его прежняя жизнь должна была завершиться. Никаких больше долгих часов, посвящённых Мирласу и его странным представлениям о воспитании маленьких стайе. Никаких материнских упрёков. Никаких назойливых сест-

риц. И... что же будет с его кошмаром? Будет ли змей так же бесстыдно вползать в его сны, зная о том, что Сарер готовится убивать таких как он? Быть может, когда Элрис Арраксио закалит его дух, когда его тело и воля окрепнут, чтобы принимать вызовы страха этого мира, тогда и змей сам собой пропадёт, исчезнет навсегда, опасаясь трогать сильного, храброго мужчину, в которого превратится запуганный мальчишка? Нет, этого Сарер не желал. Он мечтал сам убить змея. Преодолеть страх, взять дело в свои руки, однажды вместо того, чтобы убежать и кричать, просто развернуться и прикончить врага. Пускай эта тварь увидит торжество в его глазах. Пускай поймёт перед своей гибелью, что отныне Сарер сам – властелин своих снов. Пускай страх смерти расцветёт в её длинном уродливом теле кровавыми лепестками! Да!

Как он уже давно узнал от кухарки Зайханы, Элрис Арраксио возвращался на материк на исходе месяца Ночной Охоты, и путь его пролегал через самую крупную деревню в Эгинковом бору – Пегель. Эта деревня была куда больше Алвемандской, и жила за счёт торговли елью и сосной со стайенем Йотенсу. Сам Святуман закупал дерево у пегельских лесников. Речушка Эгенка, берущая начало в болотах к западу от Пегели, была притоком Резца, исток которого под названием Сетенру, в свою очередь, впадал в Матерь Рек, огромное озеро, дававшее жизнь могучим рекам, на чьих берегах четыре столетия назад выросла славная столица Реч-

ного княжества. Причин для того, чтобы деревня, в которой намеревался остановиться Элрис Арраксио, процветала и здравствовала, было полным-полно. Некоторые называли Пегель городом, однако её жители до сих пор не привыкли к такому званию, так что на всех картах на северном берегу Эгенки значилась лишь небольшая чёрная капелька – крупная деревенька.

Сейчас Сарер и сопровождавшие его двое солдат из личной дружины Неиста Алвемандского были готовы к отправлению в Пегель. Сарер сидел на покладистой старой кобыле Стойке, единственной лошади из отцовских конюшен, которая была настолько спокойна и равнодушна ко всему под этим Небом, что могла безропотно терпеть неумелую езду маленького стайе. Двое крупных жеребцов тащили за собой повозку, где была собрана одежда, провизия на два дня пути и любимые книги Сарера. Никто не собирал его, он приготовил всё сам. Он много раз видел, как отец отправлялся в дальние путешествия для встречи с каким-нибудь стайе или князем, и потому чувствовал себя совсем взрослым, когда по родительскому подобию раскладывал на своей кровати одежду – кафтаны, рубашки, свиты и штаны из пестряди и шерсти – на разные случаи. Он очень ответственно подошёл к выбору и был доволен собой, в одиночку таская переполненные сундуки к выходу из терема. Он чувствовал на себе взгляды Ранмиса, Фатриса и других мальчишек, которые те бросали из кухни, из-под лестницы и из окон, и почти твёрдо

знал, что на него глядят с уважением. Он и сам себя заважал – как же это было приятно.

Стейя Ринетта попрощалась с ним в своём обычае – весьма просто. Она вышла посмотреть, как воины помогают Сареру аккуратно погрузить сундуки в повозку. Мальчик заметил это и какое-то время намеренно держался спиной к терему. Затем, когда прошло достаточно времени, он якобы случайно обернулся – и обнаружил, что матери уже на крыльце не было.

Неист Алвемандский поцеловал сына в обе щёки, и когда Сарер посмотрел на него, ему даже почудились слезинки в уголках его глаз.

– Небо сохранит тебя, мальчик, – прошептал он низко, ласково. – Помни, что ты всегда можешь вернуться. Я не могу запретить тебе выбирать свой путь, но не бойся вспомнить, что ты всё же пока ещё ребёнок. В возвращении не будет ничего постыдного, – улыбку отца омрачал налёт смущения, как будто он ещё винил себя за всё, что происходило с его сыном.

Сарер снисходительно поглядел на Неиста Алвемандского снизу вверх. «Поздно уже это говорить, папа, – подумал он, в душе вздохнув. – Я навсегда покидаю вас».

– Бррратик! – месяц назад выучившаяся произносить букву «р», Ольтена теперь просто обожала все слова, которые отныне стали доступны её языку. В том числе имя брата. – Бррратик Саррреррр! Подожди! Подожди!

– Что ещё? – хмыкнул мальчик, поглаживая по плечу Стойку, которая отзывалась на его неуклюжую ласку полным безучастием.

– Я хочу пррризнаться тебе! Только чтобы никто не слышал!

– Твои крики слышат и на Небесах, – закатил глаза Сарер. Неист Алвемандский усмехнулся и махнул рукой, отворачиваясь. Мальчик склонился, чтобы его голова была на уровне сестриных глаз.

– Давай, признавайся.

Ольтена зачем-то встала на цыпочки и громко прошептала на ухо брату:

– Помнишь змеючку, которую мама запррретила? Я её нашла. Вот она!

Её ручки, которые до этого заговорщицки были спрятаны за спиной, вдруг дёрнулись вперёд. Только сейчас Сарер заметил, как странно стояла сестра – стараясь повернуться спиной и к нему, и к отцу. Он подскочил, как ужаленный, когда увидел, как бронзой полыхнула чешуя маленького ужака в нескольких крысиных хвостах от его лица. После этого он тут же рухнул в снег. Ольтена рассмеялась, и не было понятно, предвидела ли она такую реакцию или нет.

– Ольтена! – взревел Сарер. – Ольтена, убирайся от меня! Отойди!

Неист Алвемандский, охая и ахая, подхватил дочь на руки, вытряхнув из её хватки животное, которое рухнуло в

мартовский снег и тут же скукожилось от холода.

– Дочь моя, что это за игры? Что это ты опять устроила? Прошлого материнского выговора тебе не хватило? – и понёс девочку к крыльцу, коротко извинившись перед воинами и повелев им закончить все приготовления без его участия. Приготовлений оставалось совсем ничего. Сарер, оправившись от ужаса, молнией взлетел на свою лошадёнку и отвёл её подальше от того места, где змея, обездвиженная от холода, валялась в снегу и, очевидно, была на последнем издыхании.

В голове мальчика крутились бесчисленные варианты оскорбительных прозвищ для собственной сестры.

– Бедолага подохнет, – проговорил молодой воин с шапкой набекрень, присаживаясь на корточки у змеиного полутрупика. – Я слышал, у змей кровь холоднее, чем у горгулий. У ней уже всё в венах застыло. Сейчас – спячка, ещё немного – смерть.

– Оставь её, – прокричал Сарер, не приближая Стойку к воину и змее. – Не прикасайся к этой гадине! Оставь её, слышишь, пусть умрёт!

Покорный воле своего шестайе, молодой воин поглядел на своего старшего товарища, прочитал совет в изгибе губ под его усами, и оба телохранителя отошли в сторону повозки.

Неист Алвемандский скоро вернулся. Они распрощались в последний раз. Затем тайга распахнула свои колючие ледяные объятия навстречу путникам. Первыми ехали двое дру-

жинников, затем – Сарер на Стойке, следом два могучих коня тащили за собой повозку.

Так и закончилась первая эпоха жизни маленького надменного стайе из Края Соснового, и начался новый его путь.

В душе Сарера царило подлинное воодушевление во время пути. Тоска по дому ещё не вползла в его детское сердце хитрой дымчатой гадушкой. Он бы чувствовал тогда себя не так хорошо, знай он, что, едва дождавшись того момента, когда все отвернулись и занялись подготовкой лошадей, молодой воин из сопровождения, склонившись над подышающим ужиком, быстро замотал его в собственную шапку и бросил в повозку.

«Бедолага, – опять прошептал он себе под нос нежно. – Не хватало ещё невинной скотинке подохнуть по воле капризного шестика».

...

Время пролетело быстро. Устав, Сарер спал в повозке, накрывшись приготовленным для этого толстым пледом и подложив под голову свёрнутый тулуп. Змей скользил между деревьев, но не пытался убить его, довольствуясь дрожащим зелёным маревом страха, окутывающим душу мальчика и каждое его движение. Спутники юного шестайе ни разу не заснули за всё путешествие.

День спустя их встретила Пегель.

Широкая дорога с расчищенным мартовским снегом по

бокам выглядела приветливо, и люди верхом на конях, мулах, быках, богачи – в каретах, бедняги – с одними лишь шестами в руках, – все они перекрикивались, смеялись, ругались, разговаривали и торговались, ещё даже не войдя в город-деревню. Жизнь бурлила на подступах к оплоту лесоторговли. Всюду стоял запах смолы. Сарер видел купцов и дровосеков, сложенные тут и там аккуратными пирамидами стволы елей, сосен и пихт. Послышался залиvistый детский смех, и на миг мальчику подумалось, что это смеются над ним. Он настороженно оглянулся и увидел несколько ребят своего возраста. Они заманивали покупателей, крича: «Заходите на Неясную улочку, в Косой переулочек! Люди добрые, люди милые, такой крепкой ели, как у нашего батьки, вы днём с огнём не сыщите во всём Алвеманде! Торопитесь, торопитесь, пока батька жив, а как мы лавку возьмём в свои руки, так цены – ого-го! – взлетят к Небесам!» Преисполнившись неясного раздражения, Сарер поёжился.

– Где остановились Элрис Арраксио и его сотня? – спросил один из алвемандских солдат у прохожего юноши-дровосека с топором за спиной.

Юноша понял, что с ним заговорил не обычный прохожий. Его острый взгляд тут же уловил аристократичные нотки в выражении лица Сарера, который мрачно пялился на него со своей лошадки.

– Вона там, – махнул рукой парень. – Несколько рядов – и направо. Господа. Извиняюсь, – он поклонился и тут же

отскочил, давая дорогу.

Сарер проводил его взглядом. Он вдруг вспомнил почему-то племянника кухарки Зайханы, молодого человека, который прибыл в Алвемандский терем вместе со стариком Арраксио. Ему впервые за долгое время подумалось о том, что хотя он и принял это тяжёлое решение, хотя свобода достигнута, он по-прежнему всего лишь никчёмный запуганный ребёнок. Элрис Арраксио может послать его на четыре стороны, сказав, что принял решение не брать больше на обучение детей стайе.

Сарер был мрачен всю оставшуюся дорогу до места назначения.

Элрис Арраксио и его воины расположились внутри и около крупнейшей таверны во всей Пегели. «Лунный Ветерок» трещала по швам, даже с учётом того, что её хозяин выставил вон всех посетителей, исключая войдошей. Один из воинов Неиста Алвемандского остался снаружи сторожить хозяйские вещи и проследить за тем, чтобы конюшата отвели лошадей в тёплые загоны, покормили и почистили, второй зашёл с Сарером внутрь таверны.

– Господа добрые, дай Небо вам долгого здоровья и хорошей жизни, прошу прощения, все места заняты, вам не... – увидев рысью голову, вышитую на тулупе Сарера у правой части груди, и услышав звон золотых цепей на бирюзовых сапогах дружинника Неиста Алвемандского, румяный и толстобрюхий хозяин таверны тут же расплылся в улыбке и

шаркнул ногами в дурацком поклоне. – О господа, кого же я имею честь приветствовать?.. Я, право же, извиняюсь...

– Это Сарер Алвемандский, сын стайе Неиста, – представил своего господина усатый поджарый телохранитель. – Он прибыл не за твоей милостью, а к Элрису Арраксио. Это важное дело. Обеспечь шестайе отдельную комнату, кровать и сытный ужин, – воин подбросил пятак в воздухе. Хозяин таверны проследил глазами за полётом монеты.

– О, конечно, – закивал он, и пятак оказался в его пухлой руке, пахнущей пряностями и свиным жиром. – Прошу, ждите здесь, мой шестайе, буквально одна минута – я вернусь за Вами!

Мужчина исчез в толпе народа. Сарер стоял около своего сопровождающего и оглядывал обстановку круглыми глазами. Войдоши выглядели потрёпанно, но пили и ели с размахом и чувством. Они были просто ужасно громки по сравнению сами с собой, гостившими около луны назад в Алвемандском тереме. Тогда от них не было и звука. Один молодой человек громко рыдал, схватившись за огромный стакан с пивом, как за руку матери. Другие два хлопали его по плечам и хохотали во все глотки.

– Это всё его Величество, это всё царь наш батюшка, – скрежетал совсем близко низкий, угрюмый голос старика-воителя. – Спаси меня Небеса, но ведь ножки его трона давно изъедены древогрызами. Любовь народа тает, как лёд по Приветствию, и его Величеству нужна поддержка с другой

стороны. От нас, от Горгулий да от Небес, о слава. Вот мы и шатаемся чёрт знает где по чёрт знает каким вопросам... Но царя-батюшку понять можно, да, братья, годы неурожайные, с севера страну замучили стражи, с юга – пираты, а срединные земли до нитки ободрали свои собственные господа – князь Речной со стайе Алвемандским и Тширекским братом будто ссорятся, кто из них богаче будет на следующий год. Я уже молчу о том, как тяжело живётся иным деревенькам в горах, что вокруг стольного града – туда не то что лето, весна не приходит, а народ ещё должен платить подать такую же, как и Пегелюшка наша.

– Да помолчал бы ты, дед Хвойный, – фыркнул воитель помоложе. – В кишках нитьё твоё сидит. Ну заелся царь Каменный и заелся. Поставят нового. А не поставят – так наш Старый Волк трон себе в логово утащит, хуже разве будет кому? Разве что кеженам Каменным, ну да мы их быстро – ха! – на место приплющим.

– Говоришь как щенок без тени мозга в башке, – осадил его третий бесоборец. – Всё тебе просто. Во-первых, как бы ни перегрызлись все эти князья да стайенья, нам до того дела быть не должно. Во-вторых, это хорошо ещё выйдет, коль, когда Камень скинут с верхушки, на его место придёт Старый Волк. Митрес Йотенсу – человек порядочный, сколько бы ни драл денег – а всё ж ты посмотри, как народ жирует даже здесь, в глухомани лесной. Стало быть, всё правильно делает. Да и любят его местные, и на западе, и на востоке. А

подумай, как не нужен ему окажется трон. Не нужен и всё тут. Своих дел ему полно. И придёт во главу земной Тверди князь Огненный. Гиена проклятая, зверь дикий.

– Амафас-то Льеффи? О-о, храни нас Солнце!

– Льеффи? Я слышал, он огнегривым волком оборачивался, когда шёл в постель к своей жене, пока та не померла от этого всего безобразия. А ещё слышал, он собственному сыну выгрыз глаз.

– Амафас ещё ладно, я о его сыновьях такие басни подобрал недавно! Отменные. Сыновья все в батьку пошли, все оборотни-колдуны и все до разврата охотники. Старший, который одноглазый, всё жену себе не найдёт – потому что он не до девушек, а до юношей любовник, вот оно как. Средний, говорят, со старыми бабками-гадалками при дворе водится и с ними же любит. А младшенький, совсем ребёнок ещё – из публичного дома не вылезит.

– Ёрш ершистый! Скажешь тоже!

– Вот натянут короны Огненные псы, тут-то мы все сами волками взвоем, если доживём, конечно.

– Братцы, что же это вы говорите? – прошепелявил ещё один воин. – Что за речи толкаете, безмозглые вы кутята? Небо же слышит вас! Да будет правление Камня извечным, да правит род Кирина столетия столетий...

Войдоши как будто не видели Сарера с его спутником или же не обращали на них внимание. Они были полностью увлечены своими байками и перепалками. Заслушавшись взрос-

лыми разговорами, мальчик не заметил, как на него упала тень могучего воителя.

– Ба! Знакомые люди, – пробасил Элрис Арраксио.

Сарер поднял голову. Внезапно на него накатил страх. Он не мог произнести ни слова, только глядел в оценивающе прищуренные глаза бесборца, чувствуя себя рыбёшкой, съёжившейся в водорослях под взглядом кота-рыболова.

Старик не изменился. Он по-прежнему был высок и крепок, как ствол дуба, однако усталость и лёгкое недовольство явственно читались в блеске его глубоко посаженных глаз.

– Шестайе Алвемандский прибыл к Вам, господин Арраксио, чтобы просить разрешения принять его в ряды воинов-войдошей сотни Черногривого Океана, – с коротким поклоном отрапортовал дружинник отца. – Вот бумаги от стайе Неиста.

Лёгким движением руки Элрис Арраксио показал, что бумаги ему не нужны.

– Хм? – не особо торопясь произнёс он. – Глупо. Глупо. Как тебя по имени, юный друг?

Сарер почувствовал себя уязвлённым тем, что войдош не помнил, как его зовут.

– Имя шестайе Алвемандского – Сарер Алвемандский, господин, – ответил за мальчика его сопровождающий.

– Странно. Такой большой ребёнок, а имени своего назвать не может без подсказки. Разучился говорить? М?

Сарер обиженно уставился на Элриса Арраксио. Ему не

правилась эта насмешка. Когда он видел войдоша в последний раз, то решил, что он его друг. Теперь же старик Арраксио вёл себя ни капли не дружелюбно. Кажется, и впрямь не рад его видеть.

– Я Сарер, – тихо сказал он. – Господин, моё имя Сарер.

– Сарер, – старик помолчал, будто припоминая что-то. – Сарер. Хм. Там из окна виднеется твоя скромная колесница?

– Мои вещи, господин. Одежда, еда, книги и... игрушки.

– А, – кивнул Элрис Арраксио. – Игрушки, понятно. А этот достославный воитель будет сопровождать тебя всю дорогу и вместе с тобой пойдёт биться с нечистой силой, так?

Сарер мельком оглянулся на своего спутника.

– Это всего лишь дружинник моего отца, стайе Неиста. Он просто сопровождал меня, он – и ещё один. Они сегодня же уедут...

– О как! А кто же покормит вас с ложечки, юный мой друг?

Сарер надулся и обиженно посмотрел снизу вверх.

– Меня не нужно кормить с ложечки, господин. Я с этим сам прекрасно справлюсь. Я знаю, что здесь мне предстоит трудная жизнь, и я готов сам встретить её вызов.

Он думал, что такой речью вызовет уважение к себе этого человека, но, кажется, ошибся. Брови бесборца поднялись вверх. Он проронил сквозь зубы:

– Как серьёзно вы настроены.

– Господин... – попытался обратиться к Элрису Арраксио

отцовский солдат, но тот перебил его:

– Ваш шестайе сам прекрасно со всем справится, слышали? Ваша задача, я полагаю, выполнена. Давайте же, уходите. Царевна сопровождена ко двору. Торжественный приём окончен, а у меня ещё дел невпроворот.

Слегка замешкавшись, дружинник склонил голову, готовясь подчиниться. Сарер даже не помнил его имени, но, когда мужчина развернулся и широким шагом направился к выходу, ему вдруг захотелось отдать приказ не делать этого, вцепиться в его сапоги и умолять остаться. От этого щемящего чувства слёзы подступили к глазам мальчика, и он, злясь на свои эмоции, стиснул зубы. «Я взрослый человек. Сам разберусь со всем. Сам».

– Ах, постойте! – окликнул Элрис Арраксио дружинника. Тот повиновался. – Эту вашу скромную колесницу тоже, будьте добры, укатите с собой. Я думаю, шестайе игрушки не пригодятся. Если он захочет задержаться здесь.

Сомнение отразилось на лице солдата. Сарер отвернулся от него и возмущённо уставился на войдоша.

– Там не только игрушки! – смущённо и гневно воскликнул он. – Игрушки пусть заберут, но там и важные вещи! Книги...

– Здесь вам книги не понадобятся, шестайе.

– ...А моя одежда?!

– О. Оглянитесь и посмотрите на одежду моих воинов. Не думаю, что нечто похожее есть в Вашем скромном гар-

деробе, – Элрис Арраксио коротко махнул рукой, указывая на чёрные соболевые плащи и вышитые серебряными мелкими буквами воротники кафтанов. – Впрочем, дело Ваше. Можете оставить при себе всё добро, насладиться обедом в моём обществе и по вечеру уехать в свой скромный терем в компании Ваших добрых людей. И любимых игрушек.

Сарер был маленький, но прекрасно понял войдоша. Он сразу же, при первом же разговоре заставлял его оборвать все нити с прежней жизнью. Элрис Арраксио хотел подчинить его себе. Как старик и говорил в тереме, ему не нравились войдоши знатного происхождения. Теперь понятно почему – гордого человека тяжелее сломить.

«Со мной тебе не справиться, – угрюмо решил Сарер. – Можешь тут строить из себя, как Мирлас, я уже привык. Но ты научишь меня убить моего змея. Ты – злой старик, который притворялся добрым».

– Хорошо! – буркнул мальчик. – Забирайте все мои... вещи, но оставьте мне одну книгу. Мою святую книгу о Каре Небесной.

Удивлённо поведя кустистыми бровями при упоминании святой книги, Элрис Арраксио, тем не менее, ничего не сказал больше. «Как же я буду менять одежду? – пребывал в унылых размышлениях Сарер. – Чем заниматься в послеобеденные перерывы от занятий, если не будет книг? У меня только один пояс, и он на мне. Он походный. А на праздники что же я одену?»

– Из-за кошмара, юный друг? – буднично спросил Элрис Арраксио, не глядя на Сарера.

– Да, – коротко и злобно ответил мальчик.

– Понимаю, – кивнул войдош. – Твоя мать – отвратительнейшая женщина.

Больше он ничего не добавил, только развернулся и ушёл вглубь таверны, обмениваясь на ходу короткими репликами с товарищами. Оглянувшись, Сарер не обнаружил подле себя дружинника.

Он остался один среди пьющих, разговаривающих и веселящихся мужчин и юношей. Он давно свыкся с одиночеством, но на эти мгновения оно будто вытеснило из него его душу.

...

Сарер ожидал, что Элрис Арраксио ещё раз подойдёт к нему, поговорит с ним, быть может, извинится за то, что неприветливо встретил его. Но этого не случилось. Когда мальчик робко выглянул в маленькое запотевшее окошко и обнаружил, что ни его людей, ни коней, ни повозки здесь больше не было, он понял, что остался один. Совсем один. На какое-то время страх развернуться и увидеть всех этих людей, его новую семью, был сильнее воли Сарера, сильнее всех его мечт. Он стоял и глядел в окно, радуясь, что никто из взрослых не видит, как слёзы скапливаются в уголках его глаз. Мимо таверны скакали всадники на маститых конях с

пушистыми холёными гривами. Ослы, быки и мулы тянули брички с товаром. Сарер не слышал стука колёс, перекатывающихся через пиленные грубые камешки, отколотые от мостовой, но отчётливо его себе представлял. Его лошадь могла бы так же стучать копытами о гранит, неся его домой. В Алвемандский терем, в родную тёмную тайгу. К родителям, сестре, Мирласу и змею.

– Эй, – сказали сзади.

Сарер не привык слышать к себе такое обращение. Потому даже не подумал оглядываться, решив, что зовут не его.

– Эй, – кто-то схватил мальчика за плечо.

Его и за плечо никогда не хватали, так что он весь встрепенулся и оглянулся резко и затравленно, как будто ожидая покушения на себя.

– Что ты? – мрачно удивился молодой человек на пару лет его старше, уворачиваясь от бестолкового взмаха рук Сарера. – Чего ты дёргаешься?

Сареру понадобилось несколько мгновений, чтобы узнать этого юношу. Он видел его в своём тереме в день визита Элриса Арраксио. Это был племянник кухарки Зайханы. Сарер не помнил его имени. Он не смог придумать слов, которые нужно было произнести, так что его ответ заключался в недовольном испуганном взгляде.

– Чего ты? – спросил, кусая губы, молодой человек. – Ты из того дворца? Ты Алвемандский шестайе? Да?

– Если ты меня знаешь, почему так говоришь со мной? –

спросил Сарер недовольно. Ему очень хотелось кого-то отчитать в те мгновения, так что он был даже немного благодарен этому парню за его бестактность. – Я Сарер Алвемандский, будущий стайе Края Соснового, сын Неиста Алвемандского. А ты чей сын? Кто позволял тебе прикасаться ко мне?

Сначала юный войдош хмуро глядел на шестайе, как будто вовсе не чувствовал за собой вины, а потом на его губах появилась виноватая улыбка.

– Господин, прошу прощения. Привык общаться с людьми своего отряда, как с братьями. Я давно не говорил с такими, как вы. Благородными людьми. Прошу прощения. Просто хотел удостовериться, что это и вправду вы.

– Это я, – кивнул Сарер. Он рассмотрел лицо юноши. – Ты же был в моём тереме? – пробормотал он, слегка смущённый своей собственной резкостью. Этот парень – войдош, и он, конечно, сильнее его и опытнее в бою. Нельзя было говорить с ним так резко. Вдруг он разозлится? Никто тогда не защитит Сарера.

– Я был в огромном тереме Алвемандов, – отвечал юноша, и в его голосе промелькнуло неподдельное восхищение. – В вашем огромном тереме. Это... прямо целый дворец.

– Да, – гордясь, сказал Сарер.

– Моя тётя служит там. Служит вашей семье. Она кухарка. Я, кстати, Айсиган, – с лёгким поклоном представился бесоборец. – Айсиган Сын Рыбака. Моя мать считает, что родила меня именно от рыбака. Она меня научила читать.

Сарер смотрел на собеседника со странной смесью недоумения и благодарности в душе. Ему было сложно придумать, что ответить этому юноше. И ещё Айсиган упорно не желал соответствовать стандартам общения с маленькими шестайе. Но в его серьёзном взгляде и простой манере речи не виделось ничего угрожающего.

– Рад знакомству, Айсиган, – степенно ответил Сарер, решив, что тоже попытается говорить с ним на равных. В конце концов, если требовать от всех отношения к себе, как к господину, то не найдётся ни одного войдоша, который остался бы в праве обращаться к нему без поклона. – А моё имя – Сарер. Сарер Алвемандский. Я уже говорил.

– «Алвемандский» звучит красиво, – заметил Айсиган. – А «Сарер» – не очень.

Решив проигнорировать это, юный шестайе просто раздражённо вздохнул и произнёс:

– Я прибыл сюда, чтобы стать членом славного ордена войдошей. Я... научусь сражаться с бесами и буду выкорчёвывать из Тверди корни зла.

– Корни зла? – поднял бровь юноша.

– Корни зла, – повторил Сарер, не особо понимая, чем это словосочетание удивило молодого бесборца.

Они постояли, смотря друг на друга. Сарер был на голову ниже своего собеседника и младше года на три-четыре. Он подумал об этом и почувствовал себя неловко. Возможно, от активных тренировок он станет выше?..

– А Вы один тут? – вдруг спросил Айсиган Сын Рыбака.

– Совсем один, – честно ответил Сарер. – Мои сопровождающие уже уехали. Я думал, Элрис Арраксио скажет мне что-нибудь. Он уже видел меня и говорил со мной, но не сказал мне ни что делать, ни куда идти. Я жду, чтобы он снова появился, чтобы спросить у него, что от меня требуется.

Айсиган вдруг улыбнулся.

– Ждёте распоряжений лично от старика Арраксио? – с усмешкой спросил он. – Долго будете ждать. Он же всегда занят. Мы только что вернулись из очень сложного путешествия. Нужно доложить обо всём другим лидерам и главе ордена. И старик над этим сейчас хлопочет. Может, – он протянул руку Сареру, – лучше я вам покажу, где вы будете проживать?

– Проживать? – тупо переспросил мальчик. – Покажете мне мою комнату?

– Ну да. Не думаете же вы, что будете спать на псарне рядом со мной и другими простыми оборванцами? – искренне удивился Айсиган. – Наверняка для вас уже готова отдельная комната. Пойдёмте узнаем?

Этот парень вёл себя естественно и по-своему дружелюбно, как будто знал, как Сареру жутко впервые оказываться в одиночестве в незнакомом месте. Мальчик немного подумал и медленно, с некоторой долей величественности кивнул.

– Вы очень добры, – проговорил он, отводя глаза к полу.

Улыбнувшись, Айсиган потряс своей рукой, и Сарер на-

конец положил свою ладошку на его длинные тонкие пальцы. Рука у юного войдоша была очень жёсткой на ощупь. Когда Айсиган повёл его за собой, Сарер почувствовал себя маленьким ребёнком, отчаянно семенящим за нянькой или наставником и всё равно едва поспевающим. Он старался шагать шире и увереннее, чтобы не казаться совсем детёнышем рядом со своим внезапно обретённым товарищем. Впрочем, на них никто не обращал внимание. Они почти незамеченными достигли лестницы в углу главного помещения таверны, которая вела наверх, к спальным местам. Айсиган пустил его руку и пошёл первым. Сарер в волнении карабкался по ступенькам. Он поглядел вниз, на трапезничающих войдошей и вдруг ощутил прилив воодушевления. Скоро он станет таким же, как они. Настоящим воителем, убийцей кошмаров.

Наверху было гораздо тише. В коридорах царил полумрак, а половицы скрипели на каждом шагу. Сареру показалось, что кроме них двоих тут вообще никого нет. Айсиган вёл его, на первый взгляд бессмысленно поворачивая то вправо вдоль замутнённых окон и хлипких дверей с торчащими ключами, то влево. Наконец он резко остановился, и Сарер едва не ударился носом о его спину.

– Здесь моя комната? – заинтересованно спросил он, выглядывая из-за плеча юного бесоборца.

К своему удивлению, он обнаружил, что они не были одни в этом коридоре. В приглушённом сером свете, идущем

от окон, он разглядел ещё нескольких мальчиков возрастом от десяти до четырнадцати лет. Двое из них были здоровяками, каждый выше Айсигана на голову, третий был помельче, помладше и поуже в плечах, но рожа у него была совершенно бандитская. На человека с таким лицом мать бы сказала, презрительно взмахнув рукавом: «Гнусь».

– «Моя комната», – передразнил его брезгливым голосом один из здоровяков, у которого по всему лицу проходил рваный уродливый шрам. Второй, ничем, кроме отсутствия шрама внешне не отличавшийся от первого, захихикал по-гиеньи и положил руку на торчащий из-под широкой просторной рубахи эфес длинного тонкого клинка.

Айсиган мягко поднял руку и опустил её.

– Не надо, – сказал он.

Сарер, нахмурившись, глядел на подростков, чуя неладное.

– Кто это? – спросил он недовольно своего спутника. – Может, пойдём?

Айсиган усмехнулся и поглядел сверху вниз на мальчика.

– Не пойдём, – проговорил он доброжелательно. – Это всё оборванцы вроде меня. Низшие люди. Вам, наверное, среди облаков и не встречались такие.

Здоровяк без шрама опять захихикал, а хлюпик гнусного вида широко улыбнулся, показав выбитые передние зубы на верхней челюсти. Отведя от них взгляд, Сарер злобно посмотрел на Айсигана, чувствуя неприятный страх. Это

не был тот страх, в котором он проводил свои ночи. Это был страх чего-то, что оказалось намного ближе физически, чем ожидающийся ночи кошмар. Страх материальной, видимой, не таящейся во тьме угрозы, и это чувство было ничем не милосерднее ночного ужаса.

– Шейси, нет там никого? – деловито спросил хлюпик.

– Никого нет, его свита вся уехала, – доложил Айсиган, заступая дорогу назад Сареру. – Он совсем один тут.

Сарер попятился, не оборачиваясь, и Айсиган легонько толкнул его сзади.

– Здесь ваша комната, шестайе. А мы ваши слуги. Ваши слуги. Сколько у вас слуг?

– У него их пятьдесят! – с уверенностью пробасил мальчик с большим шрамом. – У всех знатных всегда по пятьдесят слуг.

– Дурак, пятьдесят только у князей, – оборвал его второй здоровяк. – Этот щенок не княжич, это какой-то там стайный.

– Тем лучше! – хлюпик пошёл вперёд. – Если он простой аристократишко, нам и опасаться нечего, – его кулак с совсем неожиданной силой ринулся вперёд и ударил Сарера в грудь.

Он не ожидал удара или, во всяком случае, не был готов к нему. Сначала ему показалось, что рука мальчика пробила насквозь его грудную клетку и вышла со спины, и если сейчас он опустит взгляд, то увидит у себя под ключицами

зияющую чёрную дыру. Целое мгновение он чувствовал себя так, будто все его рёбра сложились и сдавили сердце и лёгкие, и он не сможет вздохнуть, как бы ни старался. Когда это мгновение миновало, вместо простого ощущения внутренней деформации пришла жуткая боль. Он пытался глубоко вздохнуть, широко открыв рот, согнувшись и пятясь назад. Детский смех змейками вползал в его уши, мешая сердцу биться, а воздуху – проникать в лёгкие.

– Шестайе, аккуратнее, – Айсиган взял его сзади за плечи, а потом одним резким ударом под колени повалил на пол. Сарер не успел выставить локти вперёд и ударился головой о торчащую из пола деревяшку. Наконец вздохнув нормально, он тут же ощутил носок чужого сапога, входящий под рёбра в мягкий живот – раз, раз, раз. Мальчишки били его, сначала по груди и по животу, потом, когда он свернулся калачиком – по спине и голове.

– Вот твоя комната! – хихикал один из здоровяков, второй бил молча и угрюмо. Сарер не знал, была ли среди ног, прибывавших его тело к полу, топчущих красивый новый кафтан, нога Айсигана.

Ему часто было больно в его кошмарных снах. Но теперь он наконец узнал разницу между той болью и этой, обыкновенной земной. Та ощущалась так, будто сдавливали, ранили и увечили его душу, его сознание и сущность. Эта была проще. Его просто избили до невозможности подняться, как часто проделывали с различными героями легенд и баллад.

Только герои легенд и баллад находили в себе силы встать, схватить великое своё оружие и броситься на врагов в последнем порыве сил. Для Сарера же спустя минуту осталась только кровь во рту и ощущение гигантского булыжника, сплюсшившего все его внутренности в одну большую истерзанную кашу.

– Ну достаточно! – послышался голос Айсигана. – Вы да же Тарако не так лупили.

– Тарако молил о пощаде и выглядел свински, – сплюнул хлюпик. – А этот не пискнул ни разу и ещё глядит как сволочь. Ты смотри! Глаза свои распырил, ишь недовольная рожа! – сапог ударил Сарера в лицо, и он отключился.

...

Когда бледная пелена сползла с его глаз, он обнаружил себя лежащим в дальнем конце того же коридора, где его поймали и избили его новые братья по оружию. Уже наступила ночь, и мрак разгоняла только одинокая свеча, догрызавшая тонкую восковую палочку. Свеча стояла в простой тарелке на полу недалеко от Сарера. Мальчик лежал на льняных сшитых тряпках и был накрыт колючим тонким пледом. Он попытался было приподняться, но холод и боль придавили его к полу свинцовыми доспехами.

Отовсюду доносились людские голоса, смех и ругань. С трудом приподняв тяжёлые, мокрые ресницы, Сарер рассмотрел коридор и обнаружил ещё две льняные постели на

полу рядом с собой. Они пустовали. Некоторые из войдошей уже заняли свои комнаты, и поэтому гул и мужской бас слышался совсем близко, из-за ближайшей двери. По-видимому, те, кто не успел заселиться или проиграл в кости кровать на эту ночь, спали в коридорах. Сарер понял, что он будет одним из них. Если... сейчас же не уйдёт отсюда.

Страх и паника стиснули его горло, когда воспоминания, чёткие и жуткие, как размах крыльев ворона, встали перед ним. Провалившись слишком резко в собственную память и заново ощутив, как чужой сапог наносит удар по груди, Сарер стиснул зубы, чтобы не застонать. Он, пустив в ход всю силу воли, что наскрёб по уголкам души, поднял правую руку и осторожно положил её на свой живот. Что-то болезненно шевельнулось внутри.

Мальчик полежал так какое-то время, а потом, низко зарывчав, одним резким движением сел. В рёбрах щёлкнуло, и он едва не рухнул обратно, но, крепко схватившись пальцами за плед и упрямо сомкнув челюсти, дождался, когда приток боли иссякнет. Он, не обращая внимания на пробегавшие по всему телу мучительные волны, долго ощупывал свои грудь, живот и ноги, пока не пришёл к умозаключению, что кости его в основном целы, а если какие-то рёбра и сломаны, это не мешает ему подняться. Он встал, шатаясь и хватаясь за стенку, едва не свалив свечу.

Лютая чёрная злость змеиными кольцами клубилась на дне его души. Он не думал ни о чём, кроме руки Айсига-

на, которую тот подал ему с доброжелательной улыбкой. Он мечтал вцепиться зубами в его плоть и пустить яд по его крови. Слёзы текли по его лицу, и это были слёзы ненависти.

Внезапно одна из дверей отворилась, и, отсмеиваясь и почёсываясь, из неё явился Элрис Арраксио. Закончив диалог с одним из своих сожителей, широко махнув рукой и хлопнув дверью, он встал в коридоре, глядя в тьму, из которой, как пробудившееся древнее зло, выходил шаг за шагом вдоль стены Сарер Алвемандский, сжимая кулаки и тяжело дыша.

– А, герой проснулся, – проговорил бесоборец. – Вот так удача, в первый же день, не скажи? Это Хемме с друзьями тебя так отделали?

– Это был Айсиган, – прошептал громко Сарер, почти прошипел. – Господин Арраксио... Господин Арраксио, я прошу, я требую, чтобы его наказали!

– Просим и требуем. Ну-ну, малыш-стайе, – Элрис Арраксио взял его за плечо, и мальчик почти вскрикнул от внезапной грубости этого прикосновения. – На Шейси не наговаривай, я почти уверен, что это были Хемме с близнецами. А тебе всё же лучше полежать. Возвращайся-ка туда, куда я тебя устроил.

– Я... требую наказания для них. Они сломали мне рёбра. Айсиган сказал мне, что покажет мою комнату, но предал меня!

– Тихо-тихо-тихо. Шестайе, никто тебя не предавал. И с рёбрами твоими полный порядок. Всё хорошо, нечего так

волноваться. Или, может, – Элрис Арраксио заглянул в глаза Сареру, помогая ему сесть обратно на его постель, – ещё не поздно отправить коней вслед вашим дорогим слугам? Как насчёт вернуться домой, к доброй маме?

Сарер злобно смотрел на старого войдоша, пока тот натягивал на него колючий плед. Внезапно он дёрнул рукой, помешав Арраксио доделать своё дело, и проговорил срывающимся обвиняющим голосом:

– Это вы виноваты. Вы ненавидите, когда к вам в бесборцы идут люди знатного происхождения, потому что считаете их недостойными тяжёлой службы, в отличие от безродных смердов и бродяг. По-вашему, я не справлюсь. Наверное, Айсиган исполнял ваш приказ, когда привёл меня к этим гнусным разбойникам в пасть! Вы хотите, чтобы я испугался и сбежал отсюда, так?!

Мгновение смотрев в глаза мальчику, взрослый мужчина снисходительно усмехнулся:

– Ну у тебя и фантазия. Никого я не подсылал. Зачем мне кого-то подсылать, если это всего лишь истина – стайные долго не тянут нашу службу.

– Мне постоянно говорили, что у меня просто фантазия. Никто не верил в то, что ко мне ходит змей! Так же и вы сейчас, – с ненавистью выплёвывал слово за словом Сарер. – Только это не фантазия, это правда! Но даже не надейтесь, что вы или ваш помощничек Айсиган сможете меня напугать. Я не боюсь вас! То, чего я боюсь, намного страшнее

вас! – он хлопнул рукой по своему пледу и ударился о деревянный пол. – Собачье дерьмо!

Элрис Арраксио рассмеялся и почти ласково похлопал мальчика по запястью, которое тут же заныло.

– Птенчик из золотой клетки вырвался на волю и тут же заговорил по-вороньи, – пробасил он. – Смотри своей мамочке такое не ляпни. Пацан, мне тебя искренне жаль, но, право, оставался бы ты у себя в скромном теремочке и коротал свой век за письмами и дворцовыми интригами. Твой кошмар исчез бы, выполни твои родители мои рекомендации.

– Вы обещали, что он исчезнет, когда я стану жить в другой комнате. Но он не исчез!

– Друг, такого просто не может быть. Если он не исчез, значит, он привязан не к месту, а к тебе лично.

– Так и есть! – чуть не плача говорил Сарер. – Раз так, значит, он охотится только на меня.

– Тогда это твоя впечатлительность, мальчик, потому что на Тёмных Небесах давно уже не могут создавать таких кошмаров. От тебя совершенно не исходит никакого тёмного духа. Наверное, он снился тебе в новом месте по твоей же привычке, потому что знатно потрепал тебе нервы в детстве. Но это бы точно прошло со временем. Не стоило тебе идти сюда только для того, чтобы опозорить себя, заработать пару синяков и сбежать с поджатым хвостом.

Сарер глядел на Элрису Арраксио, чувствуя, как медлен-

но тает последняя надежда.

– Не верите мне, – с обидой и смирением прошептал мальчик. – Я думал, вы поможете, а вы не верите. Я приехал сюда и терпел, пока эти идиоты били меня. Но даже не надейтесь, что я сбегу, – он дышал тяжело и напряжённо. – Я всему выучусь и сам найду способ расправиться с ним. Вы поможете мне, хотите того или нет.

Видимо, потеряв интерес к Сареру, войдош поднялся на ноги.

– Моя работа – помогать людям. Каждый из тех, кто приходит в мой орден, стремится помогать людям. Другим людям, не себе самому. В этом разница между благородными стайе, привыкшими жить лишь ради себя любимых, и простыми работягами, – войдош стоял, освещённый рыжим пламенем свечи, огромный, взрослый и, несомненно, мудрый, и Сарера бесило то, что Элрис Арраксио был выше его во всех смыслах. – Мальчик, зря ты пришёл сюда. Мне не настолько нечем заняться, чтобы пытаться выгнать тебя. Но у меня и не так много лишнего времени, чтобы разбираться с неприятностями, в которые ты будешь попадать по причине своего происхождения и темперамента. Так что постарайся понять, что ты здесь сам по себе. Мы – братство людей, сражающихся с самым настоящим страхом, с первозданным страхом. Среди нас нет места изнеженным шестайе.

Сарер упрямо смотрел в темноту, сгустившуюся под широкими дугами бровей Элриса Арраксио.

– Выдохни, пацан. Если не будешь вести себя как заносчивый идиот, Хемме с парнями не тронут тебя. Я поговорил с ними и наказал их. Среди младших членов моего ордена должна быть дисциплина, как и среди старших. Тем не менее, я не могу отвечать за то, как они будут вести себя с тобой вне моей зоны досягаемости. Рано или поздно вам с ними придётся отправляться на совместные задания, и только от тебя зависит, насколько плачевен будет итог.

– А Айсиган? – спросил Сарер. – Вы его наказали? Бесоборец покачал головой.

– Ты его с кем-то перепутал, мальчик. Айсиган самый прилежный ученик из всей этой братии, к тому же, прекрасно образован для сына рыбака и шлюхи. Он не мог участвовать в этом.

– Он участвовал! Он сам заманил меня к ним!

– Хорош, мальчик. Не надо обвинять всех подряд, если тебе перешли дорогу. Я разберусь в ситуации и узнаю, кто им назвался. Шейси не при чём, даю своё сердце. А теперь, – бесоборец развернулся. – Спи-ка. Если к утру не решишься вернуться под родительское крыло, то отправишься с нами через нашу деревню в Тширекские земли – есть там одно дельце. Скоро сюда придут Строло и Тшумьитто, будут спать рядом с тобой.

Когда Элрис Арраксио уже был в дальнем конце коридора, Сарер окликнул его:

– Вы научите меня сражаться с кошмарами?

– Сам научишься, – не оборачиваясь ответил войдош, и ни капли дружелюбия не было в его голосе.

Сарер лёг и долго глядел в деревянный высокий потолок, на котором плясали рыжие отблески.

В эту ночь бес не приходил к нему.

...

Мальчик проснулся на рассвете. Отовсюду доносились людские голоса – сонные, бодрые, оживлённые. Перед глазами в неровных серых тенях плыл клочок пушистого колючего пледа.

Чья-то ладонь лежала на его плече.

– Ты в порядке? – спросил обеспокоенный мужской голос. – От тебя веет Тьмой.

Резко подскочив на своей постели, Сарер широко распахнул глаза и увидел перед собой присевшего на корточки мужчину средних лет в сдвинутой набекрень шапке стрелка. Его глаза были настороженно сужены. Наверное, этот мужчина был одним из тех, чьи постели находились рядом с постелью Сарера.

– Я в порядке, – соврал мальчик дерзким голосом. – А вы кто?

– Тшумьитто Быстрая Стрела, сын старика, – представился мужчина и поднялся. Он был строен и высок, и выглядел сильным воином. – Ты Сарер из Алвеманда, так? Тебе, наверное, стоит вставать. Все уже собрались внизу.

– Почему господин Арраксио не приказал разбудить меня? – воскликнул мальчик, быстро вскочив с пледом в обнимку. – Я же не опоздал?

– Почти опоздал, – сообщил Быстрая Стрела. – Советую тебе поторопиться.

Бросив плед на пол, Сарер посеменил следом за войдошем, хромая и вздрагивая. Они спустились вниз и оказались в основном помещении таверны. Сарер понял, что пришёл последним. Если бы Тшумьитто не разбудил его, то, скорее всего, он бы так и остался там валяться, пока не проснулся бы к полудню и не обнаружил таверну пустой.

– Лошади? Овёс? Проклятые бумаги? – резким голосом спрашивал Элрис Арраксио у какого-то парнишки, стоя у выхода. – Здорово, здорово и отлично. Отправляйся в конюшни. Эйет, ты с ним. Вываливаем, парни! Тширекские выхухоли ждут наши души, а постели наших жён – наши тела!

Сарер хотел держаться за широкой спиной Тшумьитто, но тот быстро растворился в толпе бесоборцев. Мальчик пристроился за двумя воинами, едва поспевая за ними, поправляя свой пояс на ходу. Чья-то рука сзади похлопала его по спине. Быстро оглянувшись, Сарер едва не вскрикнул, встретившись глазами с Айсиганом.

– Шестайе, привет, – усмехнулся Сын Рыбака. – Как вам спалось?

Не выдавив из себя ни слова, мальчик развернулся обрат-

но и едва не споткнулся о чужую ногу. Взрослый мужчина оттолкнул его и выругался. Айсиган рассмеялся и шагнул вперёд, обогнув Сарера. Следом за ним, но на достаточно большом расстоянии, шли гнусный хлюпик и два здоровенных облома, и все они оскалились, по очереди проходя мимо своей вчерашней жертвы. Сарер так и стоял, пока весь отряд не миновал его, и только потом пристроился в самом хвосте длинной вереницы воителей.

Новая жизнь встречала его не очень-то гостеприимно.

Его сердце колотилось глухо и болезненно где-то на дне души, отзываясь во всём теле тупыми тяжёлыми толчками. Он ничего не видел перед собой, полностью изгнал самого себя из собственного тела и старался не думать о том, что этот жалкий и слабый мальчик, плетущийся следом за отрядом борцов с демонами – это он, Сарер Алвемандский. Сарер обнаружил, что собственное имя ему противно почти до тошноты. Хотел сразиться со своим бесом, а попал на клыки новых собратьев. Он прекрасно знал, как следует рассуждать в подобной ситуации. Нужно поднять голову, холодно улыбнуться и нести своё бремя позора с достоинством. Но как же это было невыносимо. Может, сбежать прямо сейчас? На свой кафтан купить у первого попавшегося доходяги из местных кобылку любой степени затасканности и помчаться домой, и не вспоминать больше о времени, проведённом здесь, в компании этих людей. Однако, стоило Сареру вспомнить свой терем, зелёные узкие глаза огромного ящера

всплыли в его памяти за компанию с запахом тёплой летней смолы. Дух мальчика перехватило, и ему захотелось упасть на колени и умереть, рыдая от отчаяния и ненависти к бессмысленности своей жизни. Здесь не было спасения, только злые мальчишки, которые явно не собирались давать ему продыху от своих насмешек. И зачем вообще он родился?

Чтобы бороться и проигрывать? Каждую ночь?

Он широко раскрыл глаза, чтобы прогнать слёзы, и поднял голову, едва выйдя на улицу. Небо было свежо, оно сияло как бледная льдинка, глядело вниз ясно и прохладно. И равнодушно. Равнодушнее Небес в мире ничего нет.

Глава 10. Тёмные Небеса. Сын Тёмного Повелителя теряет старого друга и находит нового

– Я не могу раскрыть вам всего, что знаю сам. Думаю, даже под страхом смерти я ничего не расскажу. Только имейте в виду, что вы в безопасности ровно до тех пор, пока в безопасности я и мой отец. Мы поддерживаем это логово, и без нас оно тут же схлопнется, не оставив от вас и косточки на косточке. Ах и да, не советую прикасаться к стенам.

Эррамуэ отдернул руку от гладкого тёмного камня зеленоватого оттенка, недовольно покосившись вбок.

– А к стенам-то почему? – фыркнул он недовольно, но всё-таки отряхнул пальцы, постаравшись сделать это незаметно и быстро.

– Можете потревожить души, – серьёзно сказал Уэлло Нианрэ.

Анэйэ стоял поодаль, скрестив руки на груди, и молчал. Он не желал тратить время на беседы, поскольку всем своим существом чувствовал: что-то идёт не так. Отец говорил, что Айороно Нианорэ сбежал в Никуда вместе со своими подчинёнными, но встретили путешественников только двое – Хозяин Гроз и его сын, Уэлло Нианорэ тринадцати лет от роду. Ни одного человека, кроме них, тут не обнаружилось.

«Что я говорил тебе в прошлый раз?! – выплёвывал при встрече сквозь зубы Айороно Нианорэ, крупный широкоплечий старик с копной седых волос, зачёсанных назад ото лба, и длинным крючковатым носом. Его не смущало присутствие здесь дюжины воителей, верных Нерайэ Уррэйва и готовых защитить господина от любой опасности. – Что ты обещал мне? Что ты обещал ей?»

«Времена поменялись, мой друг, и прошу тебя принять во внимание, что я прибыл сюда не приказывать, а просить, – ничто не могло сломить самообладания Тёмного Повелителя. Он преклонил голову перед Хозяином Гроз, как будто не был его законным правителем. – Ты захочешь обсудить моё предложение, когда услышишь его. Прошу, не бойся, мои братья прибыли сюда не для того, чтобы устрашать тебя и демонстрировать нашу мощь. Наши с Айери дружинники не при оружии и готовы полностью подчиниться любому твоему приказу».

Айороно Нианорэ только и делал, что фыркал. После этих заверений Уррэйва он самолично обошёл каждого из тех, кто прорвался в Ничего, проверил, не припрятаны ли у них клинки и топоры под плащами. Затем сухо похвалил Тёмного Повелителя за то, что тот потерял только одного человека при входе во владения Ничего. И всё же он далеко не благосклонно был настроен ко вновь прибывшим. Анэйэ этого не понимал. Ведь Повелитель Гроз был изгнанником, должен радоваться тому, что его почтили визитом!

«То есть, ты не собираешься мне объяснять, по какой причине вернул в народ память обо мне, – говорил Нианорэ, сверкая глубоко посаженными глазами, и ни капли почтения не было в его сухом низком голосе. – Мне нет дела до тебя, до вас всех, хоть всей толпой нагряньте сюда – передохнут все, едва мне этого захочется, едва кто-то осмелится потревожить покой душ. Вот только твои действия мне не понять. Ты собираешься объяснить мне хоть что-нибудь?»

Нерайэ Уррэйва был спокоен как скала. Он махнул рукой Анэйэ и улыбнулся. Наследник послушно подошёл к отцу и почувствовал, как на его узкие плечи легли кирпичами тяжёлые лапищи Тёмного Повелителя.

«Дивы с тобой, ты ещё и зверят сюда притащил! – округлились узкие глаза Повелителя Гроз. – Сдурел что ль под старость лет?»

«Слишком торопишься, милый друг, – со вздохом сказал Нерайэ Уррэйва. – Мы так долго не виделись. Не кажется тебе, что встречать меня таким образом и с порогу забрасывать укорами – не слишком-то вежливо?»

Анэйэ почти испугался. Старик Нианорэ выглядел не просто угрожающе – по его внешнему виду казалось, что он совершенно не прочь вцепиться в глотку Повелителю Тьмы или Айери Лэйо, который своевременно скрылся за широкими спинами своих бойцов и только изредка выглядывал в течение всей затянувшейся сцены приветствия. Что же будет, если разозлить тигра в его собственном логове?

К удивлению наследника, когда голос Нерайэ Уррэйва замолк, ответом ему был не гнев, а молчание. А после этого Айороно Нианорэ внезапно смягчился, преисполнился учтивости, отдалённо напоминающей ту, что должна быть частью личности любого слуги, и предложил Тёмному Повелителю поговорить наедине, воинам уррайо – отведать его стряпни, а сыну Тёмного Повелителя – развлечься в компании сына самого Хозяина Гроз, чтобы не заскучать и взрослым не мешать.

Развлекались дети на полную – стояли втроём в небольшой квадратной комнате и разглядывали стены да потолок. Было бесполезно спрашивать о чём-то Уэлло Нианорэ, этого сутулого, полноватого мальчишку, отчего-то выглядевшего, несмотря на свой внушительный – тринадцать лет – возраст, младше и Анэйэ, и Эррамуэ. Он лишь твердил о том, что ничего не расскажет лишнего и что они могут даже не пытаться заставить его открыть рот, – ничто на него не подействует. Мальчики пребывали втроём в этой комнате уже больше получаса, и ничего интересного за это время не произошло, так что Анэйэ мог вдоволь наразмышляться. К примеру, почему этот грубый и злобный Айороно Нианорэ сменил немилость на милость, когда Нерайэ Уррэйва подозвал к себе своего сына и положил руки ему на плечи? Старик даже согласился на переговоры, хотя до этого разве только не грозился вышвырнуть отсюда силой всех нежданно прибывших. Хотя ещё ночь назад отец именно так и сказал Анэйэ. Что-то вро-

де «ты – моё знамение победы». Нечто особенное, видимо, разглядел сварливый старик в сыне Тёмного Повелителя.

И где же все остальные подчинённые Нианорэ? Не может же он жить тут в компании одного только своего уродливого и немного на вид туговатого сынули? И Нерайэ Уррэйва говорил про то, что изгнанию пятнадцать лет назад подвергся не только Повелитель Гроз, но и те, кто шли за ним. Хотя, в общем-то говоря, Анэйэ даже не знал, что за вина лежит на Айорono Нианорэ и его людях. И вряд ли кто-то из присутствующих здесь знал, исключая самих Хозяев Гроз и Ветров.

Эррамуэ было гораздо легче, чем его юному господину. Риндо не думал ни над целью их прибытия, ни над причинами поведения старика Нианорэ.

– Эй, тебя зовут Уэлло, так? – достаточно дружелюбно спросил Эррамуэ у сутулого мальчика, который, едва услышав своё имя, дёрнулся так, будто ожидал следом за вопросом получить удар под дых.

Оглянувшись на гостя, он похлопал глазами и нервно пошевелил руками в просторных карманах.

– Да, ну да, Уэлло Нианорэ, так меня зовут, – пробормотал он. Ладони мальчика глубоко провалились в карманы, пришитые к бесцветной котте, выглядевшей так, будто её состряпал кто-то слепой за одну глухую ночь.

– Уэлло, скучно здесь, не находишь? – проговорил Эррамуэ, задумчиво крутясь на носках своих сапог.

Сын Повелителя Гроз уставился на сына Повелителя До-

ждей мрачно, исподлобья, как будто не доверял его спокойному голосу и ожидал какого-то подвоха. Он так и не придумал, что ответить. Анэйэ же следил с некоторым любопытством за их взаимодействием, стоя со скрещёнными руками поодаль. Ему хотелось, чтобы мальчишки забыли о его присутствии и произошло что-нибудь интересное.

Анэйэ не раз видел, как Эррамуэ общался с сыновьями знатных меллей. О, это было то ещё зрелище. Таланта издеваться над сверстниками ему было не занимать. Анэйэ даже представлять не хотел, как бы Эррамуэ насмешничал над ним самим и не давал ему проходу, не обращая внимания на их статусы и положения в обществе, если бы не был его риндо. Видимо, если Создатель по-прежнему управляет жизнями всех живых существ, то к будущему властелину всех уррайо он питает особо нежные чувства, коли распорядился сделать так, чтобы Эррамуэ Лэйю попал к нему в названные братья.

Анэйэ был бы не прочь сейчас развлечься, пусть и в качестве наблюдателя.

– Эй, ты немой, Уэлло? – поинтересовался дружелюбно Эррамуэ, дурацкими движениями подпрыгивая к сутулому мальчишке. – Почему не хочешь ответить?

Тот аж весь нахохлился.

– Отстань, – хмуро бросил он. – Отец сказал мне, чтобы я не позволил вам натворить глупостей.

– Так я и не творю, – поднял брови Эррамуэ. – Я просто

прыгаю. Вот так, – он, соединив две ноги, несколько раз перескочил через прямую трещину, разделявшую собой черно-зелёного цвета огромные плиты пола. – Я придумал игру. Кто наступит на такую трещину, тот умрёт. Поиграем?

Уэлло смотрел на гостя, как на идиота, но болезненное недоверие не покидало его глаз ни на миг.

– Не скачи, – буркнул он. – Потревожишь души.

И Эррамуэ послушно остановился.

Анэйэ ждал, весь в нетерпении. Поскорее бы Эррамуэ устроил что-то весёлое.

– Может скажешь хоть, что со мной сделают души, если я их потревожу? – предложил риндо.

Уэлло долго смотрел на него, надув губы, а потом закачал головой. Он выглядел, как зверёнок, злой, трусливый, но непреклонный.

– Прогневаются, – произнёс сын Хозяина Гроз только одно слово.

Эррамуэ протяжно вздохнул.

– Скука у вас. Туда нельзя, сюда нельзя, это трогать нельзя. Дышать, ещё скажи, нельзя. Поэтому ты такой зашуганный, да? – он говорил почти серьёзно, прямо глядя в большие насупленные глаза Уэлло. – У тебя лицо всё скошенное. Ты боишься, что я что-нибудь сделаю не так, помру и тебя накажет отец за это? Он тебя побьёт? Или что? У вас всегда такая жизнь – ничего нельзя и так далее? Даже иногда не вылезаете из своего Ничего?

Сутулый мальчик зашмыгал носом. Анэйэ уж было решил, что он сейчас заплачет, но Уэлло только сказал низко и злобно:

– А ты можешь не задавать глупых вопросов и не крутиться?

– Хорошо, – пожал плечами Эррамуэ, отошёл и встал смирно.

Сын Тёмного Повелителя был разочарован.

По-видимому, сейчас риндо не собирался его развлекать. Что ж, оставалось развлечься самому.

– Ответь-ка мне, где вы с отцом добываете еду, – сказал Анэйэ, подойдя к Уэлло Нианорэ. Тот поглядел на наследника Тьмы так же затравленно, как глядел на Эррамуэ, только на этот раз ко взгляду примешивалось презрение.

– Я не собираюсь отвечать!..

– Ты ответишь, потому что я – будущий Тёмный Повелитель, а ты – будущий Повелитель Гроз. Ветер впереди Грозы.

Брови сутулого мальчишки сошлись у переносицы, он сердито и обиженно шмыгнул носом.

– Отец запретил мне разбалтывать вам всякое.

Анэйэ вспомнил, как Нерайэ Уррэйва обращался со своими подчинёнными. «Братья мои... Сыны мои...» «Отец!» – кричали ему благодарные воины, вздымая вверх руки с клинками и палицами.

– Я твой отец, – сказал он. – Можешь нарушить запрет и всё рассказать мне.

Мгновение Уэлло смотрел на наследника, а затем неуверенно рассмеялся.

– Ты мой отец? – прыснул он, прикрываясь рукавом. – Ты мой папа? Ты? Ха-ха-ха...

Неожиданно раздался залиvistый хохот Эррамуэ, – риндо аж согнулся пополам, не в силах сдержать веселья. Уэлло тоже смеялся всё громче.

– Отец! – давился воздухом Уэлло, расхрабрившись от поддержки Эррамуэ и уже не стесняясь хохотать во весь голос.

Анэйэ смотрел на них, склонив голову набок, и смущение вместе со злостью бушевали в его груди.

– Ты смеёшься надо мной? – спросил он, сдержав дрожь в голосе, не желая замечать предательства Эррамуэ. – Ты сейчас над моими словами смеёшься?

Уэлло слегка успокоился, услышав злобу в голосе наследника.

– Ну... ты же мне не отец, – заикаясь произнёс он, потом всё-таки смутился. – Вот и смеюсь...

– А это иллюзия! – Эррамуэ внезапно хлопнул Уэлло по плечу, и тот аж подпрыгнул от внезапности. – На самом деле наш всеобщий Небесный отец – господин Анэйэ Уррэйва. Не знал, что ли?

Пока сын Повелителя Гроз пытался что-то ответить на это и, по-видимому, путался в догадках, шутит ли Эррамуэ над ним или над Анэйэ, сам наследник, неожиданно для себя

превратившийся в шута, развернулся и пошёл прочь. У него не было желания возиться с ними. Див проклятый. Они посмеялись над ним. Посмеялись, как над идиотом. По какому праву? Кто разрешал недостойному брату смеяться над своим господином? Это была не просто измена, это было хуже. И после этого он надеется, что Анэйэ простит его и забудет все его многочисленные прегрешения? Посмеялись над ним, посмеялись, как над балаганным шутком, как над солнечной синицей. Он – посмешище для горбатого толстяка и для собственного риндо? Нет уж, они ответят за это веселье.

– Анэйэ! – окликнул его Эррамуэ. – Постой, Анэ...

Что? Постоять? Он совсем идиот или притворяется? Хотя теперь от него можно ждать чего угодно.

– Ещё хочешь позабавиться, щенок смердящий? – выплюнул Анэйэ любимое ругательство Айери Лэйо, не задерживаясь ни на секунду.

– Дверь... Не надо! – проскулил Уэлло себе под нос, даже не пытаясь повысить голос.

В сердцах схватившись за ручку двери, вырезанной в одной из стен квадратной комнаты, Анэйэ почувствовал, как мелкие иглы вошли в его руку. Сквозь туман, наполнивший глаза, он разглядел, что ни капли крови не покинуло его бледную, чистую ладонь, и быстро понял, что эта боль – всего лишь дурацкая иллюзия, как те, что на него наслали сразу по прибытию в Ничего. Понял – и бухнулся на спину, ментально отключившись.

...

От пола исходило мягкое свечение, слегка зеленоватое, зернистое и неровное. Оно напоминало порванный в клочья беспощадным ветром дым. Не доходя и до середины высоты комнаты, свет совершенно рассеивался, выделяя только нижние контуры предметов и тел живых существ.

Анэйэ чувствовал мягкость во всём теле. Он слегка пошевелил рукой и понял, что накрыт одеялом. Под головой у него был свёрнут его собственный плащ. Было очень удобно, очень уютно. Почти так же уютно, как тогда, при влёте в Ничто.

Помимо него здесь были двое – Нерайэ Уррэйва и Айороно Нианорэ. Они сидели на расстеленном длинном ковре, заглушавшем неровное свечение, источаемое полом. Оба пили что-то из широких чаш и говорили тихими, спокойными голосами.

– ... Больше я не мог её найти. Как и в те времена, что ты был при дворе. За всё это время я не нашёл и её следа – ни Твердь, ни Свет, ни Тьма не помнят её сердца. Я думал, у тебя есть...

– Нет, – резко, но тихо оборвал речь отца Айороно Нианорэ. – Здесь её тоже нет. Как я и говорил, у меня для тебя здесь нет ничего, кроме мертвецов, да и те тебе не нужны.

– Очень нужны, друг. Они ещё пригодятся мне.

Анэйэ не понимал, о чём они говорят, но не собирався

задавать вопросов. Одновременно с этим он знал – если бы взрослые боялись, что он услышит их разговоры, то не принесли бы его в эту комнату. Он просто продолжил лежать неподвижно, глядя на мелкие пылинки света, бледной зеленью таявшие над полом, и вслушивался в медленный ток отцовской речи, теперь звучащей не вдохновляюще и воодушевляюще, а задумчиво и даже как будто не совсем уверенно.

– Ты знаешь, друг мой, как я хочу, как я сильно хочу... Я прекрасно понимаю твою обиду и твои мотивы. Поверь, на этот раз тебе не придётся делать за меня грязную работу, и я не собираюсь твоими руками расхищать Ничего во имя своей родной мечты. Если я и возьму парочку мёртвых душ у тебя, то Край не обеднеет. Теперь всё иначе, чем было пятнадцать лет назад. Теперь у меня есть гораздо больше. Я провёл четыре года на Свету и узнал, где находятся настоящие сердца. Но нам не придётся рисковать, вступая в открытую схватку или выманивая врага на свои Небеса, сначала не придётся. Когда они спохватятся и схватятся за оружие, победа будет уже за нами. Мы уже будем наполовину царями мира, когда Светлая старуха услышит отдалённый рокот грома. Всё, о чём я прошу, друг мой – просто будь рядом. Иди за мной, как раньше, верь мне, как раньше. Только мы с тобой и Айери, только три истинных повелителя знают правду, но мой народ следует за мной и кричит моё имя, не зная и половины того, что мы знаем. Как меня воодушевляет их

боевой клич... Как это прекрасно.

– А твои... твой сын? – негромко спросил Айороно Нианрэ. – Он же не знает?

– Он не знает, и я ему не расскажу. Пока что. Он так мал, я... наверное, просто берегу его.

– Сам знаешь, что его ждёт. Хорошо ты его бережёшь.

Анэйэ разглядел, как отцовские усы разошлись в улыбке:

– Ты знаешь, он необычный мальчик. Такого, как он, мир не знал. И этот мир он мне завоюет.

– Пф! – хмыкнул пожилой Повелитель. – Видимо, сынишке-то совсем невдомёк о своём предназначении. Он схватился за дверную ручку, не предупредив малыша Уэлло, и едва не встретился со своей матерью раньше времени.

– Не встретился, – заметил Нерайэ Уррэйва.

Анэйэ слегка нахмурился в темноте. Ему пришлось вспомнить о том, что предшествовало его пробуждению в этой тихой мрачной комнате.

– И со мной моя девочка Алийерэ, – произнёс отец. – Как видишь, ни путей к отступлению, ни шанса проиграть у нас нет. Все звёзды сходятся, все синицы слетаются. Этому миру не избежать воцарения Тьмы. Три повелителя, три священной крови, наша девочка. Горы дрогнут, волны всколыхнутся, огонь запляшет над погибающими городами, и могильные птицы взмоют к Небесам. Друг мой, подними вместе со мной это знамение. На этот раз тебе нечем рисковать.

Они долго молчали. Анэйэ успел задремать. Он очнулся,

когда Айороно Нианорэ договаривал свою речь отрывистым, но мало-помалу смягчающимся голосом:

– ...не признать, что ты и впрямь обрезал себе пути к поражению. Ты проделал большую работу. Но, поверь, мне по-прежнему есть, чем рисковать. У меня есть Уэлло, и, если мы получим стихии, он не сможет мне наследовать. Мальчик болен и слаб. И у меня теперь есть Ничего. Чем больше я живу здесь, тем сильнее понимаю, что это необходимо миру. Да-да, Нерайэ. Ты живёшь настоящим, битвой и войной, захватом и убийством, а я здесь окунулся в прошлое. Моя жизнь не бессмысленна. Моя работа важна. Благодаря моим стараниям сотни и тысячи мёртвых душ обретают покой посмертный. И я не готов бросать своё дело, даже ради твоей мечты.

– Ты можешь вернуться, когда Тьма поглотит Твердь и Свет, – проговорил Нерайэ Уррэйва. – Когда мы захватим всё наследие Создателя, возвращайся и дальше пой мертвецам. Но перед этим сделай свой вклад. Прошу тебя.

Анэйэ увидел, как покачал седой головой старый Айороно Нианорэ.

– Луна с тобой, друг. Я шёл за тобой большую часть своей жизни. Я всё ещё волнуюсь за тебя, как за младшего своего брата, которого у меня никогда не было. Но больше я не отдам свою судьбу в зубы чужим чаяниям. У меня есть сын и дело. Я верю, ты добьёшься всего, что захочешь. Но подыщи себе другого Повелителя Гроз. Я не смогу им стать для тебя.

Ещё одна долгая, мирная пауза.

– Я никогда не найду себе другого Повелителя Гроз, – со спокойной торжественностью произнёс Нерайэ Уррэйва.

– Ну тебя с твоим пафосом! – отмахнулся Айороно Нианорэ. – Я сказал своё слово. Не начинай свои песни, будь так зол. Я знаю, на Тьме найдётся не один и не два достойных мужа, способных принять на себя эту ношу. В конце концов, у меня остались дальние родичи где-то на нижних облаках. Если кровь важна, озаботься и разыщи их. Я отказываюсь идти за тобой, Нели.

– Это твоё окончательное решение? – со вздохом спросил отец.

– Да. Твой сын проснулся. И уже давно.

Анэйэ приподнялся на локтях, почувствовав, как в руке что-то кольнулось изнутри.

– Научил бы лучше мальчика не лезть туда, куда нельзя, – проворчал Хозяин Гроз и, кряхтя, поднялся на ноги.

Он, не оборачиваясь ни на Анэйэ, ни на своего друга, отправился к невысокой двери. Потолок был столь низок, что длинноногий старец чуть сгибался, чтобы не треснуть голову о камень. Вместо того, чтобы сразу взяться рукой, он завернул рукав своей котты и через него, как через перчатку, прикоснулся к ручке.

– Не легче ли жить без дверей? – с любопытством спросил Нерайэ Уррэйва, подставив ладонь себе под подбородок, а локтем оперевшись на колено.

– Я посмотрю, как ты поживёшь без дверей, когда твой полоумный сынок от скуки озверевает, – огрызнулся Айорно Нианрэ.

«Озверевает?» – удивлённо подумал Анэйэ. Это он об Уэло? Да этот сутулый малец и есть – средоточие скуки Небесной.

Но отец только понимающе кивнул.

– Я дам вам время поговорить, – прозвучал из-за закрывающейся двери голос Хозяина Гроз. – Уррэйва, как будешь готов – крикни мне, я услышу. Через полчаса вы все должны покинуть Край. Мне пора за работу.

Камень прогремел о камень, и отец с сыном остались в одиночестве.

– Он не полетит с нами? – уточнил Анэйэ, сев и выпрямившись, как вежливый и серьёзный наследник.

– Не полетит, – вздохнул Нерайэ Уррэйва.

Так странно. Так странно думать, что у отца что-то не удалось. Очень необычные ощущения.

Анэйэ глядел на отца сквозь бледно-зелёную дымку. Он чувствовал себя, как осенний листочек, сорванный ветром. Всё стремился подняться по воздушной лестнице и снова оказаться на родной ветви, но притяжение влекло его дальше и дальше. Через какое-то время мальчик просто отвёл взгляд и притянул колени к лицу.

– Но это не страшно, сын мой, – а в голосе отца не изменилось ничего. – Мы справимся без Грозы. Ведь ты со мной

– это главное.

Анэйэ улыбнулся и кивнул. Да, он здесь, куда же он денется. Вот только...

– Расскажите мне, отец, – попросил он спокойным голосом. – Про нашу цель. Про то, чем Вы были заняты четыре года, что нашли и где. Как мы победим весь мир. Почему я – Ваше знамение победы. И где моя мать.

Нужно чем-то подкрепить свою веру и уверенность. Пусть Тёмному народу не требовались факты, они были готовы идти за улыбкой, жестом и голосом своего повелителя. Но Анэйэ не был так же чист душой. И он совершенно не был хорошим сыном.

Но Нерайэ Уррэйва не разозлился. Он только понимающе кивнул пару раз.

– Ты молодец, – произнёс он одобряюще. – Твои вопросы правильные.

«Но Вы не ответите на них, отец, не так ли?»

– Но тебе следует набраться терпения, – Нерайэ Уррэйва встал и потянулся, как молодой игривый лев. – Ты всё узнаешь рано или поздно. И всё же я понимаю твой интерес и твоё недоверие.

Он подошёл к постели сына, и Анэйэ быстро поднялся на ноги, отчего у него слегка закружилась голова. Но оставаться сидеть рядом со стоящим отцом было нельзя.

– Ты моя священная кровь, – прошептал Тёмный повелитель. Он присел перед сыном, жестом запретив тому дви-

гаться, и положил руку ему на плечо. – Я был на Светлых Небесах, мой малыш Мрак. Я нашёл способ оставаться незамечным и не получать урона от солнечных лучей. На Свету я узнал, где находятся сердца стихий. Я разнюхал всё, что мне было от них нужно.

Глаза Анэйэ округлились.

– Но уррайо никогда не были...

Отец поднёс палец к губам. Пусть тени падали на лицо отца и было не разобрать ни дива, но наследник догадался, что на устах Нерайэ Уррэйва расплылась широкая улыбка довольного кота.

– А я побывал, – шепнул он заговорщицким голосом. – Проворный у тебя папа, а, юный Хозяин Ветров?

Анэйэ молчал. Он действительно не ожидал такого.

– Это секрет? – вполголоса спросил он.

– Секрет, – подтвердил Нерайэ Уррэйва. – Но маленький повелитель Тьмы не проболтается, я знаю. Если мои дети узнают о том, где я был, они примутся на все лады кричать, рычать и выть, восхваляя мои подвиги на все Небеса, а шпионы и хитрецы вроде Эламоно Лэйо обязательно донесут об этом Свету. Ты же не хочешь, чтобы сюда прибыл карательный отряд эвелламейских узурпаторов, сын мой?

Анэйэ покачал головой. О, он никому не расскажет, конечно.

– Ну и молодец, – отец встал на ноги. – Вот ты и узнал чуть больше. Верь мне, маленький Мрак. Всё предусмотрено –

Создателем, судьбой и твоим папкой. Не пройдёт и дюжины лет, а Твердь уже склонится перед нами. И Свету ничего не останется, кроме как погаснуть.

Медленно-медленно Анэйэ кивнул.

...

Урайо собирались в обратный путь. И старцы, и юнцы – все молчали, не отошедшие ещё от приветствия Ничего, переживавшие видения, обрушившиеся на них при влёте за Край. Анэйэ, глубоко задумавшийся, нашёл львицу и скромно встал рядом с ней, вылизывающейся и недовольно ворчащей, в ожидании Эррамуэ.

Отец жил на Светлых Небесах. Но от создания мира и до сегодняшнего дня никто бы и подумать не мог, что такое возможно. Когда эвелламе воевали с урайо, и те, и другие могли находиться на чужих Небесах недолго и только используя специальную зачарованную броню, защищающую тело от дыхания враждебной Тьмы или разрушительного Света. А отец прожил там аж четыре года! Или же он просто сказал так своему сыну, чтобы тот не приставал с расспросами?.. Но в это Анэйэ верилось куда меньше, чем в то, что отец не солгал.

Значит, Нерайэ Уррэйва действительно мог знать, где прячут эвелламе сердца стихий! За четыре года он мог подобраться к ним не раз. Навряд ли он бы в одиночку выкрал их, но узнать местоположение за четыре года было вполне

реально. Выходит, остаётся только нанести удар по Светелице, прорваться к месту, где скрывают артефакты, и...

– Это ещё что за речи?! – слышался возмущённый рёв Айери Лэйо. – Нет, даже не думай об этом!

Мгновенно очнувшись от своих дум, Анэйэ встрепенулся и, пройдя несколько шагов и миновав расступившихся перед ним дружинников Уррэйва, увидел Эррамуэ, который стоял, подбоченившись, перед своим отцом и выглядел неотступным и непоколебимым, как бастион Небесный.

– Отец, какая Вам-то разница? – спросил риндо, фыркнув. – Вы переживёте моё отсутствие, я уверен!..

– А ну замолчи, котёнок молочный, щенок смердящий! – Айери Лэйо попытался отвесить сыну затрещину, но тот увернулся, проворный, как кречет. – Ты принадлежишь мне и пойдёшь со мной. Бесстыжее отродье!

– Что это у вас творится? – поинтересовался Нерайэ Уррэйва, приближаясь к своим воинам. Он закончил разговаривать с Айороно Нианорэ, который сейчас стоял в другой части низкой длинной комнаты в компании своего сутулого сына и молча наблюдал за происходящим в рядах уррако.

Айери Лэйо сверкнул на своего повелителя близко посаженными разъярёнными глазками.

– Ничего, властелин мой, просто разбираюсь со строптивым сынком. Вздумал остаться здесь, экий своенравец! Хочет жить со старым... с Айороно Нианорэ и изучать магию Ничего. Ишь! – будущий Хозяин Дождей опять замахнулся,

но в бессильном гневе смог только всколыхнуть застоявшийся безароматный воздух.

«Остаться здесь?!» – всё внутри Анэйэ будто перевернулось. Эррамуэ решил остаться в Ничего?! Наследник промолчал, только глаза его расширились.

Нерайэ Уррэйва приподнял брови в заинтересованности и хмыкнул:

– Обязанности риндо, видимо, тяготят твоего сына.

– Ничто его не тяготит, он просто совсем взбесился после пропажи этого ублюдка Эламоно, – торопливо заговорил Айери Лэйо. – Прошу, Тёмный Повелитель, только не гневайтесь. Мой сын отправится домой как миленький.

– Я вовсе не хочу, чтобы людей моего народа к чему-либо принуждали, – прервал отец речь друга, которую тот производил голосом, срывающимся от волнения и злости. – Слушай, Айери, если твой сын не желает больше называться братом моего сына, пускай остаётся. Во-первых, нам ни к чему люди, живущие бок о бок с нами не по своей воле и проклинаящие нас сквозь зубы. Во-вторых, в его возрасте не грех испробовать на вкус множество ветров. В-третьих, Айороно Нианорэ – наш общий друг, и только от него зависит, согласится ли он принять Эррамуэ. В-четвёртых, мой Анэйэ справится какое-то время и без риндо, верно я говорю?

На словах об общем друге Айери Лэйо презрительно скривил губы. Анэйэ же, услышав своё имя и последнюю фразу отца, потерял дар речи. Он справится без риндо? Да

как же так?

– Отец, нет! – сказал он излишне эмоционально и тут же понял это, потому добавил уже тише: – Я не хочу отпускать его.

Он даже не поглядел в сторону Эррамуэ. Он не хотел видеть, что отражается в глазах этого наглого глупца! И уж точно не хотел обнаружить там брезгливость, вызванную недостойным наследника воплем, отзвуки которого ещё слегка дребезжали в причудливом закрайном зале.

– Сын мой, – недовольство в отцовском голосе заставило сердце упасть ещё ниже. – Чш-ш, помнишь, что я говорил тебе? Уррайо вольны делать выбор. Айери!

– Он мой сын! – рывкнул Айери Лэйо, опуская вытянутый второй палец руки вниз, как боевой топор, как бы показывая, что принадлежащим ему вещам место у его ног. – Он мой наследник! Он останется со мной!..

Нерайэ Уррэйва покачал головой и цокнул языком.

– Не забывайся, Айери, тем более, в таком месте, как это. Помни своё положение. Мне напомнить тебе, у кого тут есть право повышать голос? – удовлетворившись промелькнувшим в глазах друга постыдливый страхом, отец улыбнулся слегка отстранённо. – И я ненавижу, когда уррайо позволяет загнать себя в рамки чему-то помимо высших сил. Родишь себе нового наследника. Жить тебе долго, – он махнул рукой. – Нам нельзя задерживаться здесь. Айери, решающее слово не за тобой в сложившейся ситуации.

Скрежеща зубами, как лев, старающийся разгрызть кость, будущий Хозяин Дождей отвернулся от своего сына с досадой на лице, которая в этот раз лишь чуточку отличалась от привычных чувств, которые прежде выражал его взгляд при виде Эррамуэ. Чуточку больше агрессии.

Айороно Нианорэ приподнял кустистые брови. Он понял, что имел в виду друг.

– Мальчишка, – бросил он сквозь зубы. – Чего тебе понадобилось? С какого перепугу ты вбил себе это в голову? Чем тебе так приглянулся наш Край?

Эррамуэ, обнаружив, что отец больше не стоит между ним и жителями Ничего, прямо взглянул в глаза Хозяина Гроз.

– О, всё просто! – отрапортовал он. – Вы живёте вдвоём – отец и сын. Вы – Хозяин Гроз, и Уэлло – Ваш наследник. Но ни слуг, ни дружины у Вас нет. Вы сами добываете себе еду и сами справляетесь с ужасами, которые окружают вас за Краем. И Уэлло рассказал мне, чем вы занимаетесь. Помогаете находить покой мёртвым душам! Меня привлекает подобная жизнь.

Айороно Нианорэ расхохотался.

– Думаешь, тут у нас царство независимости и полное отсутствие рамок, в которые нужно себя загонять?! Ошибаешься, малец. Если тебя тяготила жизнь прислуги повелителей на Тёмных Небесах, выживание за Краем тебе ничем хорошим не темнеет.

Эррамуэ залиvisto рассмеялся, как резвящийся в набух-

ших дождём тучах гром.

– Мне всё равно, – отрезал он. – Надоела прошлая жизнь. Буду исполнять все ваши приказы. Буду готов ко всему. Я умею сражаться, читать и вырезать из чёрного дерева. Я принесу пользу, можете не сомневаться. Но, если для вас третий житель станет обузой... – риндо помолчал, пожав плечами.

– О, деревьев у нас тут нет, – проговорил Айороно Нианорэ, не обратив внимания на фразу про обузу. – Как и мечей. Оружие наше – наша же смерть.

Его улыбка была пугающей. Анэйэ увидел, что Эррамуэ тоже слегка смутился после этих слов бывшего повелителя Гроз. В то же время уррайо уже принялись рассаживаться по своим львам, которые были так же встревожены и насторожены, как и люди.

Наследник Тьмы, не обращая внимания на львицу, вопросительно уставившуюся на своих наездников, пошагал к риндо.

– Брат... Эррамуэ, – сказал он, запинаясь, и взял за плечо старшего мальчика. – Зачем тебе уходить? Оставайся. Мы вместе завоюем мир.

– Да сказал же, что мне теперь всё равно, – повторил эту фразу Эррамуэ. – И на завоевание мира, и на тебя. И всегда было всё равно, ясно?

Это была самая обычная его ухмылка, с которой он когда-то принёс обеты своему господину, с которой занимался фехтованием и с которой шутил над Анэйэ. Только несколь-

ко дней в жизни Эррамуэ провёл, ни разу не напялив на своё лицо этой самодовольной ленивой улыбки сытого львёнка – те дни, что белый уродец Эламоно был осуждён на смерть, никем не защищённый.

«Всё равно, значит», – подумал Анэйэ со странным смирением.

Его риндо, его брат и телохранитель, тот, кто был отдан ему в распоряжение, его собственность заявляет: «Всё равно».

– Я убью тебя, – сквозь зубы пообещал наследник Тьмы, потом резко развернулся, но побрёл к своей львице медленно, как подстреленный воробей. Теперь ему самому придётся управлять здоровой зверюгой.

Отец окликнул его, призвав поторопиться.

...

Тёмные Небеса встретили их радостью почти детской. Нерайэ Уррэйва не стал таить правды. Едва подушечки лап Властелина коснулись снега стольного облака, повелитель Тьмы объявил столпившимся уррако, что потерпел поражение. Тем не менее, вид он сохранял столь царственный и убеждал свой народ в то, что потеряно далеко не всё, столь убедительно, что ни одна живая душа в округе не усомнилась: этот проигрыш – ничто по сравнению с тем кулем, что в итоге упадёт в их лапы. Прошное оставим в прошлом, теперь же пора двигаться в будущее!

Анэйэ не желал заниматься, не желал ничего учить и говорить с наставниками. Он взял свой меч, однотонный – чёрный, как старое серебро – и отправился в небольшой внутренний дворик для тренировок. Там никого не было, и только снег мягко падал на расчищенную площадку, внизу покрытую чёрным мрамором. Наследник принялся делать выпады и принимать самые разнообразные стойки, повторять любимые последовательности движений и кувыркаться, уворачиваясь от невидимого противника. Он не любил драться и практиковать умения, полученные на уроках фехтования. Но сейчас отчего-то это было ему необходимо.

Послышался тонкий свист – и маленький метательный ножик чёрной неуловимой струной разрезал холодный воздух прямо перед глазами Анэйэ и воткнулся в сугроб, поглотившись мягким снегом.

Наследнику даже не следовало оборачиваться туда, откуда прилетело оружие, чтобы понять, кем оно было брошено.

– Айэ Алийэрэ, – он улыбнулся, ощутив прилив сил. В груди стало теплее. – Приветствую тебя.

Худая чёрная фигура выступила из мрака, слегка осветившись далёким звёздным светом при входе во дворик.

– Вечер тёмный. Хм. Занимаешься? Непривычно видеть тебя с мечом одного.

Анэйэ всунул клинок в ножны и подбежал к приёмной сестре. В этот момент мальчик настолько расчувствовался, что позволил себе обнять её, прижаться к ней, обхватив сво-

ими короткими ручками. Алийерэ охнула и коротко хохотнула.

– Безобразник.

– Теперь я ещё больше тебя люблю, – Анэйэ закрыл глаза и сделал голос спокойным. – Ты со мной. Всегда. Никогда-никогда меня не бросала.

Айэ никогда не была сентиментальной или снисходительной к проявлениям сопливых чувств. Но сейчас она положила руку на спину младшего брата и проговорила тихо и мягко:

– Что же, полагаю, у тебя что-то произошло.

Это была простая фраза, которую не назвать ни особо ласковой, ни сострадательной. Но, смягчаясь, голос Алийерэ становился необыкновенен.

– Произошло, – шёпотом признался Анэйэ. – Я предан.

– Хм? – девушка, положив длинные холодные пальцы на плечо мальчика, отстранила его от себя. – Кому? Или кем?

Они ещё ни разу не виделись с момента возвращения отряда уррайо из Ничего. Вернее, не виделись наедине. Айэ Алийерэ встречала своего отца и повелителя в толпе народа, и, как всегда на людях, закрывала нижнюю часть лица шёлковой чёрной лентой. И не сказала ни слова никому из отряда, только поприветствовала Нерайэ Уррэйва от имени столицы. Теперь же ей не было нужды ни скрывать лицо, ни притворяться. Анэйэ смотрел на её белый как звёздный свет лик и глупо по-детски улыбался, упиваясь чувством возвра-

щения домой, которое вызывала у него тёмная тягучая смола красивых глаз приёмной сестры.

– Риндо мой Эррамуэ остался в Нигде, – поведал он и закрыл глаза, чтобы уже через мгновение раскрыть их вновь, прогнав прочь невесомые семена обиды и горькой досады. – Он не пожелал больше служить мне.

Айэ Алийерэ задумчиво смотрела на него сверху вниз.

– Что же, – ровно сказала она, – это... и правда предательство.

Анэйэ медленно кивнул. Сестра-то его понимает. Нерайэ Уррэйва не видел ничего такого в том, чтобы позволить волю человеку, которого считаешь братом, и уверял сына, что найдёт ему нового риндо, с этим проблем не будет. Айери Лэйю, кажется, и думать забыл о своём сыне уже через полчаса после отбытия. Кроме того, его лев едва не задел крылом водоворот, через который лежит путь в Ничего, и будущий Хозяин Дождей чуть не отправился в царство мёртвых душ преждевременно, после чего всю дорогу был сам не свой и костерил бушующие в Небесах стихии на чём Тьма стоит. Как будто вовсе не собирался управлять одной из них. Словом, то, что среди них не было Эррамуэ, никому, кроме Анэйэ, интересно не было. И уж чувства самого наследника тем более никого не волновали.

– Но это было ожидаемо, – со вздохом произнесла айэ Алийерэ. – Говоря начистоту, мне никогда не нравился твой риндо. Я ожидала от него чего-то такого.

Анэйэ склонил голову набок, скорее заинтересованный, чем раздосадованный тем, что сестра вовсе не спешит разделить его эмоций по поводу потери Эррамуэ.

– Почему? – спросил он удивлённо.

– Он всегда был своенравен, – проговорила айэ Алийерэ, глядя куда-то поверх головы приёмного брата, сквозь тёмные стены дворика для тренировок. – Ты не был для него авторитетом. Ты добр, и ты спускал ему с рук его поведение.

– Я старался не спускать, – оправдываясь, возразил Анэйэ. – Если он начинал заноситься, я напоминал ему, где его место.

Мягкая улыбка чуть изогнула кончики губ айэ.

– Я видела, как ты ведёшь себя с ним, мой маленький. Люди вроде Эррамуэ не ценят хорошего к ним отношения. А ты, несмотря на собственные слова, относился к нему хорошо, и твоя строгость была напускной. И гораздо больше меня это чувствовал сам Эррамуэ. Видишь, только выпал шанс бросить тебя, он тут же им воспользовался, – лёгкое прикосновение пальцев айэ к щеке айле чуть смягчило жёсткость её слов. – Но не расстраивайся. Жизнь так устроена, и самое хорошее в ней – ненужные люди отпадают сами собой. Это и к лучшему, что он отказался быть твоим риндо. Гораздо хуже было бы, останься он жить при тебе и отравляй дальше твои дни своим присутствием. Предателю – путь предателя.

Анэйэ улыбнулся и ещё раз кивнул несмотря на то, что по-прежнему не был уверен в своих чувствах.

– Ты права, как всегда, айэ, – сказал наследник Тьмы, поклонившись. – Спасибо тебе. Ты многое мне разъяснила.

Айэ Алийерэ прищурилась, улыбаясь.

– Ты всегда можешь идти ко мне за советом. Но на этот раз у меня для тебя есть не только совет. Располагаешь свободным временем?

– Для твоих просьб – всегда.

– Что же. Тогда пойдём-ка в рощу Белосмерти. Там тебя ждёт небольшой сюрприз.

Роща Белосмерти... Они с Эррамуэ так часто убегали с занятий, чтобы порезвиться среди белых крючковатых корней столетних деревьев и толстых шляпочек скользких зимних грибов.

Послушно шагая справа и сзади от айэ Алийерэ, Анэйэ предавался мрачным своим думам. И первая из них кружилась вокруг того, как бы от этих самых мрачных дум избавиться. Наследник Тьмы не любил заикливаться на неудачах и неприятных происшествиях, отбрасывая их и забывая в прошлом до тех пор, пока не понадобится вспомнить, однако теперь десятилетнему мальчику стоили некоторых усилий попытки вычеркнуть из памяти друга, который был у него единственным, не считая наставников, родственников и приёмную сестру.

Пройдя наискосок длинную тронную залу, в конце которой некогда возвышался угрожающий Чёрный трон, ныне перетащенный в зал Истины, потому как суды у уррако со-

зывались гораздо чаще, чем торжественные церемонии, они вошли в один из узких коридоров, ручьями вливающих в главное помещение Тёмного замка, и, не встретив почти никого, кроме надоевшей каждому в столице безумной старухи-сказительницы, свернули к небольшой двери, ведущей на улицу. За окном был обыкновенный ночной пейзаж. Вечная зима. И вечная Тьма.

Айэ Алийерэ шла по запутанным тропинкам Белосмерти, ни разу не сбившись, и Анэйэ, тоже неплохо знавший рошу, всё равно подивился тому, как сестрица ориентируется среди однообразных узловатых стволов мёртвых деревьев и уродливых грибных шляпочек, пугающе светящихся нежной голубоватой дымкой. Станный запах ударил в нос наследника Тьмы, и он невольно насторожился, как учувший неладное зверёныш. Запах знакомый и одновременно незнакомый.

Свернув в совсем глухое место, отодвигая лезущие в глаза ветви и отбрасывая ногами хищно тянущиеся на живую кровь грибные пасти, айэ Алийерэ привела его к небольшой снежной ложбинке, берложке, заботливо выкопанной и покрытой внизу мягкой светлой стружкой, которая едва-едва светилась во мгле. Анэйэ остановился на краю этого маленького лесного домика и с интересом поглядел вниз.

– Они родились от зверицы, которую недавно поймали на охоте, – поведала айэ Алийерэ. – Ты знаешь, как редок их род. В честь возвращения Нерайэ Уррэйвы была устроена охота – в ту самую ночь, когда ты забрался в свою комна-

ту и не вылезал оттуда. Наш отец сам забил тварь, и народ в очередной раз воспел его имя, потому как за многие-многие года это – первый случай удачного умерщвления ночного барса. Шкура животного украсит плащ отца. Ну а этих малышей, – приёмная сестра склонилась над ямой и мягко опустила вниз руку, – обнаружили на облаке, где жила сама тварь. Видимо, они родились совсем недавно. За ними придётся ухаживать. И не приводить к замку, пока они, как облачные львята, не приучатся слушаться человеческой руки и голоса. Иначе люди будут разбегаться в стороны от одного их вида.

– Ночной барс – вестник смерти, – проговорил Анэйэ. – Даже на Тёмных Небесах боятся и уважают их. Они и быстрее облачных львов, и хитрее. Как отец позволил тебе сохранить зверёнышей и притащить сюда?

Айэ Алийерэ встала. Она извлекла из-за пазухи маленькую синичку. Та послушно сидела в её ладони, не двигаясь, но уррако шепнула ей что-то, и звёздочка, запорхав крылышками, спустилась вниз, на дно ямы. Теперь Анэйэ, наконец, смог нормально разглядеть, что же скрывалось там, внизу.

Айэ Алийерэ улыбнулась.

– Отец сказал, что хочет, чтобы мы с тобой оседлали их, – произнесла она. – Если мы вырастим и выучим их, мы будем первыми властелинами уррайо, управляющими не львами, а барсами. Нас запомнят. И нас будут бояться и на Тьме, и на Тверди, и на Свете так же, как боятся вестников смерти.

Синичка проскакала между лап и хвостов и съёжилась, устроившись на возвышении из взлохмаченного вороха стружек. Два маленьких детёныша, чёрные, как ночные сердца, лежали и посапывали во сне. Их мокрые узкие грудки вздымались и опадали, а кончики коротких хвостиков подёргивались – не от холода, а от тревожных сновидений. Один малыш, который был чёрен настолько, что на нём было не разглядеть ни пятнышка, имел на спине два крыла – пока ещё слабеньких, хрупких и совсем смешных. Пройдёт время, и они, раскинувшись над головами твердынцев, будут наводить страх и ужас, подобно разверзнувшейся в Небесах беспроглядной бездне.

Второй детёныш был светлее, на его шкурке явственно прочерчивались пятна, крупные, неаккуратные, уменьшающиеся к брюшку и мордочке. Он проснулся, почувствовав свет, и открыл большие глаза бледного зелёного цвета, которые совершенно не сочетались с его тёмной мордочкой. И у него не было крыльев. Вместо крыльев два коротких розовых шрама светлели между клочков его меха на спине.

– Айэ, – с улыбкой обратился к приёмной сестрице Анэйэ. – Один из них, тот, что поуродливее, бескрылый. Как же можно стать его наездником?

– Отец сказал, что знает целителей-колдунов, которые пришьют ему крылья. Он сказал, что пока нам следует волноваться не о том, как мы будем парить на них среди облаков и наводить ужасов на своих врагов, а о том, как бы малыши

не загрызли никого в замке, окрепнув.

Анэйэ знал, что на всей Тьме не сыщется ни одного целителя, который бы сумел пришить безногому ногу, бескрылому – крыло, безголовому – голову. Но он помнил о тайне, которую поведал отец. Нерайэ Уррэйва был на Светлых Небесах. Что могут целители Света, знали одни лишь эвелламе. И, вероятно, отец тоже знал. Не на Тверди же собрался он вылавливать этих могучих врачевателей!

– И кто же из нас будет владельцем бескрылого уродца? – задумчиво спросил Анэйэ.

Айэ Алийерэ фыркнула.

– Ты всегда называешь «уродцами» тех, кто тебе не понравился с первого взгляда? – спросила она, но тут же посерьезнела. – Крылатый – самка, бескрылый – самец. Это тоже следует принять во внимание. Но, тем не менее, ты – наследник Тьмы, ты – будущий повелитель. Не дело тебе возиться с неполноценным зверёнышем.

А Анэйэ уже решил всё для себя. Сев на корточки у ямы, он протянул вниз руки и поднял за локти зеленоглазого котёнка. Тот не вырывался и не делал попыток искогтить мальчика, только глядел своими огромными зенками, как двумя бледными лунами.

– Этот будет мой, – сообщил Анэйэ, разглядывая мелкие пятнышки на лбу детёныша. – Можно, айэ?

Айэ Алийерэ удивлённо приподняла чёрные брови.

– Почему этот? Он же...

– Пусть он бескрылый, но он самец. Хочу управлять самцом, – тут котёнок потянулся к нему мокрым носиком, и наследник вдруг рассмеялся, ощутив какое-то странное ликование, прилившее к сердцу. – Шучу! Мне всё равно на его пол. Он просто мне понравился!

Такой маленький, дрожащий – не от холода, а от страха, такой короткий хвостик, такие смешные растопыренные пальчики на кривых лапках. Анэйэ никогда не чувствовал прежде странного тёплого прилива, который захлестнул сейчас его сердце через край. Детёныш был очень мил. Он, пожалуй... был очарователен!

Мальчик смеялся, прижимая к груди хрупкую головку, но вдруг испугался, что может что-то повредить малышу. Поэтому поспешно опустил маленькое существо обратно в яму, к сестрице, и ухом не дёрнувшей в течение всего времени, что провели у логова Алийерэ и Анэйэ.

– Я обязательно его выучу, – с энтузиазмом заявил наследник Тьмы, за всю свою жизнь не выдрессировавший ни одного детёныша. – Он не будет нападать на людей, будет послушным. Когда отец сделает ему крылья, он станет грозой всего мира. Я назову его Эррамуэ.

– О, – в голосе айэ Алийерэ были скованы плохо сдерживаемые смешки. – Стоит ли давать такое имя зверю, который должен стать твоим самым верным соратником?

Анэйэ подумал и покачал головой.

– Нет, айэ, не стоит ему давать такое имя. Ты права, как

обычно. Я назову его... – он крепко призадумался. Действительно, как же назвать? И чтобы имя не надоело через несколько лет. – А ты как назовёшь своего зверя?

Приёмная сестрица задумчиво натянула на лицо ленту, выудив её из-за пазухи. Она повернулась в сторону замка.

– Хм. Я уже давно приготовила одно имя... Что же, раз у меня самка, то звать её будут Царица Ночей.

– Царица Ночей, – повторил Анэйэ. – Здорово. Хорошее имя. А моего детёныша, пожалуй, будут звать Черныш.

Какое-то время айэ Алийерэ молчала.

– Чер... ныш? – повторила она, запнувшись. – Анэйэ, ты уверен, что это то имя, которое ты бы хотел дать своему барсу?

Мальчик закивал.

– Да. Большого он не достоин. Он же такой уродливый!

Пожав плечами, айэ снова полезла к себе за пазуху и выудила старый и весьма неприятный на запах кусок мяса грозовола. Ленивым движением отправив его вниз, она щёлкнула пальцами, и синичка поднялась со дна ямы и пропорхала к хозяйке.

– Что же. Дело твоё. Я считаю, что Черныш – имя неподходящее для животного, принадлежащего Тёмному Властелину. Но, в конце концов, ты можешь вырасти и изменить ему имя.

– Не выйдет. Он уже привыкнет к этому.

Анэйэ больше не мог разглядеть дно снежного логова, его

слабые глаза не позволяли ему. Но он смутно видел, где стоит приёмная сестра. Подойдя к ней, он во второй раз за день обхватил её руками и крепко прижался к ней, как котёнок к брюху матери, и зажмурил глаза.

– Ох, осторожнее! – рассмеялась айэ Алийерэ. – Ты из меня сердце выдавишь.

– Спасибо тебе, айэ. Я очень рад твоему сюрпризу. Я очень рад, что вернулся из Ничего, выжил и снова могу говорить с тобой.

– Что же... – айэ позволила ему немного вольностей, а потом мягко, но непреклонно сжала руками его плечи. – Спасибо, маленький. Но тебе следует помнить о том, что я в первую очередь твой айэ, а уже потом – сестра.

– Наоборот, – тихо сказал Анэйэ. – Айэ у меня много, а сестра только одна.

Он разрешил ей освободиться и встал в покорном ожидании.

– Ну, – айэ Алийерэ отряхнула подола ученического айише. – Ну что же... Возвращаемся. Будешь дальше хандрить?

– Не буду, – пообещал Анэйэ. – Буду думать о том, как бы поскорее прийти сюда ещё раз. К моему милому Чернышу.

В конце концов, всё было не так уж и плохо. Эррамуэ остался в Ничего, но быть предателем и отступником – это его выбор, почему нет. У Анэйэ тоже был выбор: помнить дальше предателя и отступника или вычеркнуть его из своей памяти, стереть, как грязь с тренировочного меча. Наслед-

ник Тьмы очень легко сделал свой выбор.

Кроме того, целый мир всё ещё ждал его. Ждал, чтобы склониться и подчиниться.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

О царевиче Тверди

1. Ночь после возвращения

Кетъяро Кирине стоял у дверей в родительскую опочивальню, от всего сердца надеясь обернуться портьерой или слиться со стеной, чтобы его продолжили не замечать.

– Амафас Льеффи присягнул мне дважды, – говорил Калир Кирине. Он стоял у окна, глядя в лик часу Бесов, и его голос был усталым и севшим от холода. – Он склонил передо мной колени и поклялся Огнём, что все эти слухи – чушь и наговоры злопыхателей. Шейна, милая. Моя дорогая, – он не оглядывался. – Ты самая умная из женщин. Ты видишь насквозь всех этих стайных хищников. Амафас Льеффи – фанатик, как и все в его краю. Огонь, поющий Небесам – их девиз, их знамение, их вера. Ни один Каменный почитатель не верен так Камню, как Огненный крестьянин – Огню. Льеффи мог бы обмануть меня, мог бы попытаться напустить пыли мне в глаза, однако он произнёс свои слова перед священной реликвией, своим сердцем Огня и пламя слышало его. Он не мог лгать.

– Пусть так, – ответила ему царица Тверди.

Мать сидела на краю кровати и медленно расчёсывала свои длинные каштановые волосы, локон за локоном. Они струились в её пальцах горным водопадом, и позолоченный гребешок мелькал ленивой рыбкой, играясь с волнистыми

завитками, окунаясь в мягкие тёмные волны. Айнасса Йотенсу видела Кетъяро, но не отдавала ему никакого приказа, не приглашала войти и не прогоняла. Царевич знал: мать хотела, чтобы он присутствовал.

– Пускай Амафас Льеффи фанатик, а Огонь верен Камню, – её низкий голос был спокоен и твёрд. – Я считаю, нам стоит опасаться другого.

Калир Кирине усмехнулся. Он оторвал взгляд от окна и посмотрел на свою жену задумчиво и рассеянно.

– Чего же бояться нам, Шейна, моя шеле? Что ты имеешь в виду?

– Я не сплю ночей не потому, что вижу во снах Огонь, пожирающий Камень-Град. Я вижу наводнение. Вода, шеле. Вода страшнее Огня для меня. Митрес Йотенсу приносил тебе свои клятвы, но я знаю, грош цена его верности. Мой отец – не Огненный фанатик. Льеффи – хищники, кровожадные гиены, волки, но Йотенсу – человек, непредсказуемый и куда более жестокий в своей непредсказуемости. Помнишь, что случилось с Инсе Алвемандским? А Саир Тширекский? Я лишь хочу сказать, что нам следует бояться, но не юга. А того, что ближе.

Калир Кирине протяжно вздохнул.

– О шеле. Ты пуглива, как горная лань. С Митресом Йотенсу я вёл разговоры не раз и не два. Я тесно общался с ним и до нашей свадьбы и во дни после. Я приезжал в Святуман, а он приезжал в Камень-Град. Он умный человек, и в нём есть

сталь, но он не честолюбив. Он стар. Ему незачем посягать на мою власть, ведь... у него даже нет наследников. Ему бы о будущем своих земель позаботиться.

Айнасса покачала головой, вытянув перед собой гребешок.

– Он мой отец, и я знаю его куда лучше, чем ты мог узнать хоть за сотню встреч и деловых переговоров. Я женщина, и не моё дело – смыслить в политике. Но своим женским сердцем я чувствую больше тебя. Йотенсу способен на предательство. Да, он способен. Особенно сейчас, когда положение ухудшается. Эти крестьянские бунты на юге и севере... не дают мне покоя.

Кетъяро переступил с ноги на ногу, и глаза матери поднялись на него.

– Кетъяро, – сказала она. – Ты будущий царь Тверди. У тебя есть мнение? Что бы ты сказал, имей ты власть своего отца?

Калир Кирине улыбнулся на короткое мгновение. Его глаза встретились с глазами сына, и взрослый мужчина кивнул – но без особой уверенности. Кетъяро понял, что отец гораздо меньше матери рад присутствию в этой комнате царевича, но что-то мешает царю отослать его прочь.

Некоторое время промешкав, Кетъяро поднял подбородок и облизал губы, затем сказал:

– Матушка, мне не понравился Амафас Льеффи, когда я увидел его. Он натравил своего гиеноволка на Натианно ра-

ди забавы. Но затем мы вернулись в деревню, и там, в шалаше старейшин, он принёс клятву моему отцу. Он поклялся своей верой и нашей общей верой. Огонь в костре слышал его. И сердце Огня слышала. Ведь вера... существует для того, чтобы скреплять нас, укреплять слова, которые мы даём друг другу. Если мы верим в Огонь и Камень, мы должны верить тому, что говорил Амафас Льеффи, клянясь Огнём и Камнем.

Пока он говорил, Айнасса Йотенсу внимательно следила за ним серо-голубыми глазами, чуть прикрытыми, но не терпящими оттого своей цепкости. Она чуть кивнула, когда её сын замолчал, чтобы отдышаться.

– Митреса Йотенсу я видел очень давно, – обдумывая свои слова, заговорил опять Кетьяро. Он не был уверен в своих мыслях и чувствовал, как уклончиво и не исчерпывающе звучат его речи, понимал, что просто повторяет за отцом, но также понятия не имел, чего ожидает от него мать, потому продолжал. – Я не могу говорить что-то... определённое. Но он же твой отец, матушка, и мой дед. Вряд ли он будет причинять нам зло. Даже сейчас, когда на юге проблемы с делёжкой земель, а север опять терзают неурожай, разве станет он проливать свою кровь? Я думаю... – его детский мозг пребывал в отчаянном напряжении. – Я думаю, что князя останутся верны престолу. Нас – Камень, Воду и Огонь – связывает слишком многое. Проблемы идут снизу, а не сверху. Неурожайные года заставляют крестьян под-

нимать бунты и идти против своих хозяев, неблагополучное положение и бедность южных фирренств приводят к засилью разбойничьих банд. И к войнам между преступными группировками, которые затрагивают и Огненных фирренов... Но... – он слишком разволновался. – Но князя понимают, что пока Кирине, Йотенсу и Льеффи будут заодно, большей беде не случиться...

Сперва оба его царственных родителя молчали, затем Айнасса Йотенсу заговорила первой, улыбнувшись сухо, но ласково.

– Возможно, ты прав, – она встала и подошла к сыну, склонилась, поцеловала его в макушку. – Возможно, всё так. Но время рассудит. Прости свою мать, – она шагнула назад и опять улыбнулась, заставляя Кетъяро почувствовать себя пятилетним младенцем, на потеху взрослым произнёсшим сложное предложение. – Некоторые бы сказали, что тебе пока рано думать об этом.

– Ему не может быть рано думать об этом, – отозвался отец, играя с кисточкой, свисавшей с навеса над кроватью. – Он родился Кирине.

Тон его голоса противоречил его словам, но Кетъяро не стал над этим задумываться.

– Матушка, могу я спросить? – неуверенно проговорил он, потупив взгляд. – Я пришёл сюда, чтобы задать один вопрос...

– Конечно, – мать кивнула. – Извини, что заставили тебя

ждать.

– Могу я поспать сегодня с Гором и Рокотом? – спросил Кетъяро, волнуясь. – Я так долго отсутствовал. Когда мы вернулись, Рокот ревел на всю дубраву. Они очень соскучились, они тосковали. Я должен провести с ними как можно больше времени, чтобы они свыклись с мыслью, что всё хорошо и я не собираюсь больше оставлять их надолго.

Родители переглянулись, каждый из них улыбнулся. Кетъяро потупил взгляд, чувствуя, как его дух становится свободным и лёгким от их улыбок.

– Поспи, – произнесла Айнасса Йотенсу, бессильно вздыхая. – Но только смотри, чтобы шторы и печь не пострадали, как в прошлый раз. Иначе снова сам будешь штопать и оттирать.

С радостью кивнув и поставив тем самым подпись под этим приговором, Кетъяро вежливо попросил разрешения удалиться и, едва дверь родительской опочивальни мягко закрылась за ним, бросился вприпрыжку по гулким сводчатым коридорам к чёрному ходу. Предстояло занятие не из лёгких – провести двух медволков в свою спальню и не распугать всех служанок от винных погребов до чердачных голубятен!

2. Звери Кетъяро

Ходят поверья, что души умерших не могут упокоиться до тех пор, пока на Тверди жив хоть кто-то из их родственников и друзей. Пока человека помнят, он не отправится в зем-

ли вечного отсутствия, будет вынужден раз за разом возвращаться в Нижний мир и проживать жизнь за жизнью, ожидая, когда имя его забудется и память о нём однажды истаёт без следа, как последняя роса поутру. Однако воля Небес не позволяет воскресать умершему в своём прежнем людском облике. Потому почившие души вновь спускаются на Твердь в звериных телах. Если испустит последний вздох сварливая жена ранним вечером, а ночью вдруг примется колотиться в окно чайка с воплями, так напоминающими те, что некогда сотрясали хату от зари до зари, то следует распахнуть ставни и впустить птицу в дом, а ещё лучше – пригреть её и прикормить, но ни в коем случае не стрелять и не обижать, чтобы обозлившаяся душа не обернулась гневным оборотнем, в часы господства Тьмы выклёвывающим глаза допоздна задержавшимся на улице гулякам. Если через день после смерти отца прибьётся к порогу бродячий пёс со взглядом умным, грустным и как будто бы даже родным, то будет такая дворняга лучшим защитником и настоящим членом семьи весь отведённый ей век, и чем более по-человечьи вы будете обходиться с нею, тем покойнее будет загробная жизнь вашего папаша, когда покинет он Твердь навеки. Души же великих царей, князей, стайе, фирренов и кеженов прошлого обречены на вечную память, вечную земную жизнь в облике то одного, то другого зверя. Однако участь такая не считается мучением, ведь единение с природой, с изначальной животной сутью является, и чем дольше бегаёт душа в звериной

шкуре по просторам Тверди, тем крепче срастается её сердце с сердцем мироздания, тем прочнее делается её связь со вселенной, и потому особо чтят в Речных землях волков – духи былых князей Йотенсу, на севере – медволков, символ и герб власти Киринае, на юге – гиеноволков, по чьим жилам течёт огонь чище и горячее, чем в любой из лавовых рек Льеффайского Свягня.

Охота на медволков запрещена в Каменном княжестве. Нельзя убивать и ранить медволка ни при каких обстоятельствах, ведь ты можешь ненароком убить тело души какого-нибудь из великих правителей Киринае, и тогда привяжется его сердце к твоему чёрным проклятием, и данная ему Создателем и Небесам власть над всем живым превратит твоё существование в вечное страдание. Медволк – животное крупное, могучее. Его зубы по-волчьи остры, передние лапы мощны, подобно медвежьим, а сам он ловчее архара и намного сильнее кугуара, поворотливее медведя и крупнее волка. Ежегодно великое множество жителей Нижнедола, Кьерро-Крао, Медных гор и даже далёкого Небесного Стяга гибнут от когтей и клыков медволчьего племени, однако любая самооборона при встрече с представителем этого вида запрещена и карается смертной казнью. Если ты ранил тотемное животное царя Каменного, обороняясь, то сам потом первый попросишься на эшафот, желая поскорее расстаться с жизнью и не успеть отведать мук, грозящих тебе волей Небес за нарушение святейшего из запретов, и любой

палач в первом попавшемся на твоём пути городке с радостью избавит тебя от бремени, потому как проклятый кровью медволка человек несёт за собой несчастье всюду, куда ни отправится, пока его собственная кровь не окропит Твердь.

Кирина с давних пор держали при дворе медволков, надеясь, что души погибших правителей будут возвращаться именно в тела дворцовых зверей и благословлять своим присутствием властвование действующих царей. За четыре века было несколько случаев, когда сошедшие с ума от скуки или просто заигравшиеся хищники ранили, смертельно или нет, жителей Камень-Палат, но приносить с охоты ко двору детёнышей святого зверя после этих случаев не перестали.

Когда Кетьяро исполнялось десять, один из царских псарей, желая выделиться, привёз из долгого путешествия на север Медных гор, куда он отправлялся в гости к семье, двух медволчат редкого чёрного окраса. Как сказал псарь, их мать погибла, сорвавшись в ущелье, и неподалёку от тела мёртвой медволчицы местные пастухи обнаружили логово, где скрывались двое осиротевших зверят. Стоило царевичу увидеть детёнышей, он тут же полюбил их всем сердцем – за сверкающие огранёнными малахитами пронзительно-зелёные глазёнки, за причудливые переливы на их тёмных шкурках, шёлково-мягких на ощупь, благородных окрасом, за удивительный для таких маленьких детёнышей ум. Один из малышей был пуглив, робок, осторожен, молчалив и мехом чёрен, как ночь, склубившаяся на дне ущелья, в кото-

ром затаились остроконечными камнями смерть и Тьма. Когда Солнце касалось тела этого медволчонка, вся его шерсть начинала полосатиться, на лопатках, встававших дыбом щетинках, у изгибов костей делаясь серебристой, как доспехи эвелламе. Глаза его были темнее, чем у брата, цвета летней таёжной чащи. Кетъяро назвал этого детёныша Молчанием Гор за его угрюмый нелюдимый нрав. Второй медволчонок был куда общительнее и любопытнее, любил рычать, вцепившись зубами в мягкую игрушку или, за неимением альтернативы, – в чьи-то одежды, и переговаривался с людьми ворчанием, потягиваниями, скрежетом зубов, выразительным рыком, но никогда – скулежом. Его мех бурел ближе к животу и лапам, а на кончике морды делался почти золотистым, в остальных же местах был таким же чёрным, как и братьев. Зелень его глаз была осветлена у зрачков жёлтым мягким пламенем, делая его взгляд тёплым, как просвечивающие сквозь верхние листья нежные солнечные лучи. Его царевич нарёк Рокотом Камнепада.

Кетъяро страшно привязался к этим двум клубкам меха, которые были, несмотря на все между собой различия, одинаково неугомонными, подобно самой сути жизни! Свободное от уроков и отцовских заданий время он проводил со своими животными, объезжая лошадей, кормя оленьков и кабарог, налаживая дружбу с израненными горными хищниками, отлёживающимися под присмотром царских зверолекарей, и всюду царевича, как две тени – одна гуще, вторая

мягче и светлее – сопровождали два медволчонка, неусыпный конвой, бесконечно верный и неутомимый. И Рокот, и Гор очень быстро привыкли к людям и, всюду неся с собой неприятности, испачканные пол и одежду, порванную ткань, тем не менее, быстро полюбились большинству жителей Камень-Дворца. Служанки постарше без устали визжали, встречаясь с зеленоглазыми сгустками тьмы поздними вечерами, однако молоденькие девушки и юноши просто обожали чесать за холками умных, покладистых зверьков. Братья были настолько умны и проворны, что вскоре стали использовать открытые окна первых этажей, чтобы пробираться в замок, куда им путь был заказан в отсутствие сопровождения в лице Кетъяро. Потому даже в жаркие летние дни все нижние ставни в Камень-Дворце были наглухо затворены, ведь всякий раз оказывалось, что куда проще лишиться весь первый этаж охлаждения и проветривания, чем уговорить Кетъяро посадить медволчат на цепи и запретить им бродить по территории замка.

В конце 430 года Кетъяро исполнилось тринадцать, а Рокоту и Гору стукнуло по три года. (Медволки, как и их южные гривистые собратья, взрослеют быстро, а стареют медленно. Отрочество их завершается к четырём годам, а дряхлость приходит только к двадцати. Прирученные звери могут прожить до тридцати и скончаться спокойной смертью). Кетъяро чувствовал себя одного духа со своими питомцами, которые тоже были сейчас юны, полны сил и надежд на буду-

щее. Он в равной степени любил и робкого Гора, и шепутного Рокота, а щенки чувствовали его искреннюю к ним привязанность и отвечали сторицей.

Увы, страстная любовь царевича к животным, его готовность проводить дни и ночи с клыкастыми братьями, вызывала тёплые чувства не у всех его близких людей.

– Я могу поговорить с тобой наедине? – с раздражением спросил как-то раз Натианно, оперевшись локтем на дверной косяк у входа в библиотеку, где Кетъяро сидел у стола, обложенный книгами и картами. Сзади царевича боролись на полу два чёрных зверя, молотя хвостами по хлипким шкафам, худым и слегка сгорбившимся, как иссохшее старичье.

Этот разговор произошёл между ними тогда, когда каждому из братьев-медволчат было только по половине года. Кетъяро сам был тогда мал и ещё не научился говорить «нельзя» милым детёнышам, так тронувшим его сердце.

– Натианно! – радостно воскликнул царевич, оборачиваясь и поднимая руку в приветствии. – Натианно... Мы тут одни.

– Зверье своё куда-нибудь день, – с брезгливостью и страхом кивнул на сражающихся друг с другом Рокота и Гора юный жеже Якьерро. – Я не подойду к тебе, пока они тут разбрасываются слюнями... Тьфу.

Повздыхав, Кетъяро встал со своего места, закрыл все книги, которые ему поручил разобрать наставник, и потратил минут пять жизни на то, чтобы уговорить братьев сво-

их меньших покинуть помещение и не дебоширить снаружи. Затем, вернувшись, он упёр кулаки в бока перед Натианно.

– Я поговорю с тобой, но потом обещаю, что погладишь кого-нибудь из них, – с ехидной улыбкой произнёс царевич.

– Этих собак вонючих? Ну уж нет.

– Ну Натианно!

– И не проси.

Названные братья глядели друг на друга в упор, и в конце концов старший произнёс, махая рукой и усаживаясь на маленькую табуретку отсутствовавшего библиотекаря:

– Итак, я пришёл за очень важным делом. Давай тоже садись и выслушай меня. Слышишь?

Обиженно пыхтя и прекрасно понимая, что его недовольство останется проигнорированным, Кетьяро угрюмо плюхнулся на своё сиденье.

– Да, старший брат.

– Моя жена скоро родит, – проговорил Натианно голосом равнодушным и спокойным, но если бы Кетьяро был тогда постарше, он обратил внимание на то, как напряглись вены на руках молодого жежена и как его взгляд дрогнул при этих словах. – Врачи говорят, это будет мальчик.

– Поздравляю, – произнёс царевич слегка смущённо. Он уже слышал эти новости, но ему было трудно свыкнуться с мыслью о том, что Натианно, которого не так давно отчитывала Айнасса Йотенсу за неподобающее поведение за столом, ставя в пример своего сына, скоро сам станет отцом.

Будет для кого-то иметь такое же значение, какое имеет для Кетъяро Калир Киринае.

Смущение мальчика не ускользнуло от юного кежена, и он взволновался, сказав резко:

– Благодарю за поздравление! – затем помолчал. И заговорил медленно, стараясь держать себя в руках: – Ты мой названный брат, и когда-нибудь, когда ты сменишь своего отца, я стану твоей правой рукой. Мы будем править горами вместе... Моя мать настояла на том, что ты... должен выбрать имя для моего первенца. Давай. Выбирай. Нужно поскорее закончить с этим.

Кетъяро открыл рот, как килька, осевшая на берегу после беспощадного прибойя. Царевич был послушным сыном и братом, но предпочитал думать над заданием прежде, чем выполнять его.

– Сейчас?!.. – спросил он, подскочив с места от волнения.

– Сейчас, сейчас! – замахал на него руками Натианно. – Я же сказал: нужно поскорее. Осталось меньше месяца до разрешения. Я сперва долго не мог сам выбрать, и потом уже решил попросить тебя...

Кежен Якьерро не обратил внимание на нескладность в своих речах, а взгляд Кетъяро уже просиял. Идея озарила его.

– Знаю! – воскликнул царевич довольно, садясь на свой стул. – Я придумал отличное имя. Просто отличное.

– Ну? – протянул Натианно, приосанившись.

– Эверино! – с улыбкой объявил Кетъяро.

Правая бровь старшего братца поползла наверх.

– Чего? – сквозь зубы спросил он. – Ты в своём уме, бра-тишка? Ещё предложи мне «Пророк-Небесный Алиннези». Эверино – это же какой-то древний эвелламейский царь или что-то вроде того.

– Почти. Это великий облачный лев, который принадлежал Зеланиди, жрецу Дождя и вестнику Небесному, первому, кто спустился на Твердь во время Кары. Небесный Стяг содрогнулся, когда крылья Эверино наслали поток ветра на Твердь! Именно Эверино защищал Небеса над Каменной страной, когда уррайо пытались убить нашего царя. Этот лев был настоящим героем, храбрее многих людей. Просто обожаю главу про него из книги Памяти, – Кетъяро раз за разом перечитывал легенды, где присутствовали персонажи-животные, и это занятие ему никогда не надоедало. – Эверино спас от чёрного льва-убийцы Аноро братьев-близнецов, двух сыновей царя Каменного, Эверино позволил себя оседлать княжичу Огненному, и Форан Льеффи стал первым твердынцем в Небе, Эверино...

– Всё, всё, понятно мне всё! – Натианно встал, скрипнув стулом по полу. – Опять у тебя одни львы в голове. Я же тебя о серьёзном деле попросил, а ты по-прежнему о зверях да о легендах.

– Но... – Кетъяро стало стыдно, он тут же прекратил перечисление деяний легендарного льва. – Натианно, прости,

послушай, ведь Эверино же и так... Просто красивое имя.

– Не «просто красивое». Такими именами назывались эвелламе. Это же будет какое-то кощунство. Не хочу, чтобы над моим сыном смеялись.

– Зато так будет гораздо интереснее, чем если ты назовёшь своего сына каким-нибудь Алексо или Лианеко! Калиров, Кетъяро и даже Натианно много по всей Каменной Тверди, а Эверино будет один.

– Один шут в цирке, – фыркнул Натианно. – Ладно, братишка, не обижайся. Ты же просто ребёнок, я понимаю. Я спрошу у матери совета для имени, а ты забудь. Не твоя вина, что ты ещё молод и не смог ответить ничего умного.

Кетъяро был не рад такому бессовестному напоминанию о разнице в годах между ними. Он недолго подулся, да и забыл на какое-то время о приключившемся. Натианно так и не погладил ни одного из медволчат, и царевич вновь был оставлен наедине со своими зверями и легендами.

Через месяц летописцы Камня записали в свои пыльные книжки о том, что прошла церемония имянаречения юного жеже Кьерро-Крао, сына Натианно Якьерро и Кены Таронийской, Эверино Якьерро.

3. Открытия

Хотя для Кетъяро не было времяпрепровождения интереснее, чем игры с животными и ухаживание за обитателями зоосада, царевич помнил и о своих непосредственных

обязанностях. Как будущий монарх, как надежда всей страны, он обязан быть лучшим из лучших во всём – в учёбе в первую очередь. Кетъяро любили все наставники, а он исправно готовил задания, читал книги, тренировался, постигал сложную науку должного поведения и, что самое главное, учился жизни в благородном обществе, всюду следуя за своим отцом. Он был хороший, послушный мальчик, готовый внимать взрослым и учить тех, кто младше. И он всегда хотел, чтобы отец мог им гордиться. «Молодец, Кье-Шеро», – самые вожаделенные слова, которые он желал услышать из уст Калира Кирине каждый миг своей жизни, думал о них перед сном, во время учёбы и на групповых занятиях по фехтованию. И отец хвалил его так часто, как мог. Кетъяро чувствовал себя счастливым. Ему, тринадцатилетнему мальчику, ничего не нужно было – только иметь право называться хорошим царевичем. Когда он чувствовал, что в роли царевича он предельно хорош, то понимал, что жизнь его удалась.

Но в тот год оказалось, что царевич и царь – совершенно разные фигуры, и чтобы перейти на ступень выше, нужно миновать какую-то опасную границу, покрытую туманом и неизвестностью. Кетъяро и прежде знал, что власть – в первую очередь ответственность. Калир Кирине любил это повторять, когда они ехали в карете по узким улочкам Камень-Града и видели в окошках грязных худых детишек, женщин и мужчин с осунувшимися длинными лицами, сторбленных стариков, от которых веяло слабостью

и прижизненным разложением. «Ты должен чувствовать ответственность за жизнь каждого из них, наша цель – править им во благо». Однако впервые Кетъяро столкнулся лицом к лицу с этой самой ответственностью только в возрасте тринадцати лет, вернувшись с отцом после долгого путешествия в деревню Нижнедола и ненароком став свидетелем разговора Амафаса Льеффи и царя Каменного.

И тогда в голову Кетъяро закралась странная, доселе незнакомая мысль. «А что же я делаю? Чем я занят целыми днями?»

С ранних лет он играл свою роль исправно, делал всё, что от него требовалось, подчинялся, не задумываясь, поскольку знал, что отец всегда защитит его и направит, если что пойдёт не так. Кетъяро был счастлив своей жизни, счастлив расти умницей, любимым сыном, перспективным наследником. Но он никогда по-настоящему не понимал, что же это такое – быть человеком, который рано или поздно сядет на трон. Он всерьёз, искренне задумался об этом только после того, как в бедной деревне, кое-как пригладившей шерсть перед прибытием царя, князь Огненный отвергал клевету на себя. Кетъяро задумался над причинами, видя последствия. И для мальчика приоткрылся другой мир, более взрослый, чем тот, в котором он жил. Это было подобно внезапно распахнувшейся живой устрице.

Юный царевич по-прежнему проводил вечер за вечером, крутя в пальцах длинное перо и подчёркивая в своих учеб-

ных записях самые важные факты, которые требовалось хорошенько заучить, но он больше не мог сосредоточиться на занятиях и даже перестал быть отдушиной учителей, радостью всех наставников, потому как принялся терять концентрацию на уроках и готовился к ним абы как. Он думал теперь не только о домашних заданиях и о том, что раненому волку-переварку, недавно приволоченному с неудачной охоты на кабана, следует сменить рацион на более щадящий. Он, не зная о том, что подобный этап рано или поздно наступает в жизни каждого из подростков, будь он крестьянским сыном или наследником престола, задумался о будущем и о смысле своей жизни...

«Что я делаю и что я должен делать?» – размышлял Кетьяро. И понял, что в его силах изменить гораздо больше, чем от него сейчас ждут. Ведь... он уже почти взрослый человек. И к ответственности ему давно пора привыкать.

Отец и мать говорили об опасности, исходящей от Амафаса Льеффи и Митреса Йотенсу. Царевич видел, как князь Огненный приносит торжественную клятву царю Камней и Гор в своей верности, в том, что все слухи о готовящемся предательстве Огня – просто наговоры злопыхателей. И всё это могло значить только одно: приближается какая-то опасность. Как слышал Кетьяро, неурожаи на юге, жестокие зимы на севере, растущая распущенность стайе и мелких землевладельцев, промыслы разбойников – всё это крепко пошатнуло стабильность в стране, и теперь люди готовы обви-

нить кого угодно в своих бедах. Кто-то наговаривает на князя Огненного и обвиняет его в том, что он позволяет бесчинствовать бандитским группировкам на своих землях. Кто-то точит клыки на Митреса Йотенсу и сказочное богатство, которым славятся его стае, утверждая, что хитроумный Речной князь пользуется бедностью соседних регионов и спонсирует злодейские банды, чтобы портить репутацию другим князьям. Ну а кто-то возлагает все беды на хвост Царя Тверди и шепчется по тёмным углам о том, что де Калир Кирине совершенно не обращает внимания на то, что происходит у него под носом...

Никогда прежде Кетъяро не прислушивался так к разговорам простых жителей, слуг и случайно проходящих мимо благородных особ, как во дни, проведённые им во дворце по возвращению из горной деревеньки. После окончания занятий он убежал не в свой зоосад, а в город, брал с собой в сопровождение нескольких отцовских дружинников и прогуливался по торговым рядам, вдоль главной улицы, извилистой и горбатой, как змеиная туша, по дальним закоулочкам, где день и ночь смердело, как на скотобойне. Мирные жители с уважением относились к появляющемуся на их территории царственному гостю. Старухи предлагали ему выпечку, старики – деревянные мечи и луки, заботливо выстроганные из самых мягких сердцевин, бедные детишки кланчили милостыню, и Кетъяро давал им всё, что у него было, и дарил только что купленные пироги и мечи. Но он ходил без шума,

просил сопровождающих его воинов всегда ступать на пару шагов дальше, чтобы не привлекать внимания, и потому часто успевал услышать сокровенные тайны мирской жизни прежде, чем простой люд замечал его присутствие.

Сперва он кормился одними только слухами, которые подбирал там и тут во время своих путешествий по жизни истинного Камень-Града, не царских палат, а горного городишки, живущего за счёт наплыва любопытствующих путников, желающих взглянуть на великое чудо – дворец, выросший из чистой скалы, и бесконечной циркуляции благородных господ и их свит. Но время шло. И город раскрывался перед ним всё искреннее.

Калир Кирине порой организовывал путешествия в отдалённые и не совсем места жительства своих подданных. Он сообщал о конечной точке маршрута заранее и никогда не шёл туда в одиночестве, выбирая лучших людей себе в сопровождение. Кетьяро ходил тихо, незаметно, одевал самую простую одежду, которая была у него в гардеробе, сократил свой почётный конвой до одного человека. И уже через полгода он понял одну простую вещь: отец никогда не видел свой город таким.

Дом сирот на юге Камень-Града, там, где копыто породистых краосцев, столь любимых у знати, не ступало отродясь. Чудное место, бесконечный плач младенцев, ругань и драки мальчигов постарше. Огромные глаза девочек, предпочитающих не вылезать из своих каморок на десять человек. Ес-

ли высунуть нос наружу, то можно попасться на глаза ежедневно навещающему приют мужчине с широкой улыбкой и жёлтеньким медальоном-удостоверением владельца борделя. Все те, кто работал в этом сиротском доме няньками и смотрителями, как быстро понял Кетъяро, либо выбирали себе дело ради денег, которые можно драть с подрабатывающих обитателей дома и владельцев борделей, либо же начинали с благородных помыслов, а заканчивали с ненавистью к детям, вечно злым, голодным и грязным. Несколько раз Кетъяро заглядывал в этот огромный, но перекосившийся по всем этажам деревянный дом, где было холодно зимой и душно летом. Он тайно пронёс хозяину заведения одну из брошек, которые крепил по праздникам на свой кафтан. Ночь царевич спал с чувством выполненного долга, ведь за эту брошку можно было не только накормить всех сирот, но и на месяц-другой отвадить от дома сутенёров. Но, вернувшись поутру, он обнаружил хозяина дома и всех смотрителей напившимися до смерти в главной комнате, в том же состоянии были несколько старших мальчишек-сирот, один из которых тихо плакал в углу, прижимая к груди сломанную руку.

После этого Кетъяро уже не мог отмалчиваться перед родителями о своих отсутствиях и требовать хранения тайны от верного телохранителя, сопровождавшего его во всех путешествиях по скрытой жизни столицы Тверди.

Он пришёл к отцу, полный праведного гнева, и попросил

отослать людей, чтобы те разобрались с ужасным состоянием главного сиротского дома южного района.

Калир Кирине пообещал сделать всё возможное, но, как и опасался Кетьяро, после этого упрекнул сына в глупости и напрасном риске и запретил отныне уходить в город. Кетьяро стерпел это, ведь ценой его затворничества, которое, несомненно, продлится недолго, будет нормальная жизнь для сирот и наказание для взрослых, превративших жизнь бедных детей в ад.

Но, когда ещё полгода спустя отец позабыл о промашке Кетьяро и царевичу удалось улизнуть в город, на этот раз в одиночестве, обнаружилось, что в плачевной ситуации в южном сиротском доме изменилось ровным счётом ничего. Отец ничего не сделал.

Кетьяро не понимал этого.

Хороший царевич должен рано или поздно понести ответственность. Продолжая сбегать из дома раз за разом, он посетил дом смерти для больных стариков, несколько борделей, в одном из которых стал свидетелем самоубийства пятнадцатилетней девушки, выбросившейся из окна после первого своего сеанса, бродил по базару для бедняков, наблюдая, как мужчины приставляют ржавые клинки к горлам лавочников и требуют «на лапу», заходил в общежития, где ютились иммигранты, со всего мира пришедшие в столицу в поисках заработка или службы, но обнаружившие только занятые «своими» людьми места на торговых рядах и в го-

родской страже. Больше Кетъяро не повторял своих ошибок, не давал никому ни денег, ни золота, не сообщал отцу или кому-либо ещё о своих похождениях. Он понимал, что рискует. Он хранил в тайном углу своего зоосада грязную одежду, которую надевал, чтобы пробираться в город, и там его легко можно было спутать с очередным бессмысленно скитающимся по улочкам сыном работяги или бедного торговца. Несколько раз с ним обошлись подобающим образом: скачущий мимо всадник стегнул кнутом по спине, лавочник, раздражённый видом собственных карманов, опустошённых местными авторитетами, швырнул бутылкой за то, что слишком долго и раздражающе стоял рядом.

Это было как странное, не поддающееся осмыслению увлечение: наблюдать настоящую жизнь. Кетъяро стал учиться хуже. Его бесконечно прикрывал верный телохранитель и по совместительству наставник по мечу – молчаливый Кендо. Но долго так продолжаться не могло. За год царевич узнал столько, сколько ни узнал за всю свою предыдущую жизнь хорошего мальчика и прилежного ученика. Теперь он знал, почему люди по всей Тверди обозлились на Амафаса Льеффи, Митреса Йотенсу, царя Каменного. Камень-Град – это же столица. А что происходит в провинции? Что творится на юге страны, в Огненном княжестве, знаменитом не только нравом своих жителей, но и бесконечно творящимся там беспределом? Для Кетъяро перестало быть неинтересной тайной столь многое. Вежливость, общение с благо-

родными господами, ссоры князей, стайе, кеженов – всё это меркло по сравнению со зрелищем медленно закипающих подземных вод. И Кетъяро теперь казалось, что он знал о жизни этих подземелий гораздо больше, чем любой из его наставников... чем даже отец.

В конце концов он твёрдо вознамерился покинуть свой дворец.

О детях Тёмного повелителя

1. Что таится за гладким морионом?

За этой узкой дверью отец хранил какие-то свои секреты.

И, конечно, не рассказывал о них своему маленькому шестилетнему сыну. Айэ Алийерэ, скорее всего, тоже ничего не знала о том, что же скрывается за непроглядным морионом, однако она была большой умной девочкой и никогда не задавала лишних вопросов. И учила должному поведению младшее поколение.

– Если на что-то ставится строгий запрет, запрет этот подлежит тщательному соблюдению, – строго говорила она, хмуря свысока чёрные брови. – Так что всё. Отвернись от этой двери и иди к Нериани.

– Нериани заставляет меня вырывать перья у лебедей, – пожаловался Анэйэ, послушно отворачиваясь от влекущей как улыбка Луны двери. – Мне жалко лебедей.

– Они заслужили.

Жаль, что в те времена любопытство было сильнее Анэйэ. Он старался слушаться во всём любимую сестру. Но он ещё не был так умён, как четыре года спустя, позволял побеждать дисциплину простым детским желаниям. И простым страстям.

Так что он снова был у этой двери несколько часов спустя, попросившись у Нериани отойти по нужде и незамечен-

ным миновав отряд юных айэ, по приказу Алийерэ полировавших чёрный гранит ледяных полов замка. Запрет делал морион чернее, гладче, притягательнее, чем он был на самом деле. Анэйэ прикоснулся к нему ладошками и постоял так немного. Ах, как интересно, что же там.

Дверь не поддалась. Она была заперта или даже зачарована. Ручки у неё не было. Наследник Тьмы ощутил непередаваемую печаль неудавшегося приключения.

И даже уже хотел развернуться и ни с чем возвратиться на занятия.

– Анэйэ, – произнёс голос девушки.

Он удивлённо поднял голову, посмотрел, откуда звучал голос, и увидел, что из верхней части двери на него глядели два чуть блестящих глаза. Он раньше не замечал, чтобы здесь были какие-то рисунки, но теперь отлично видел даже в полной темноте еле белёсые полосы, обозначающие силуэт девушки, искусно выполненный по всей высоте двери. Анэйэ был ей ростом чуть выше пояса.

Ему стало очень страшно, когда белые точки глаз обратились на него. Наследник Тьмы закусил губу, чтобы не заплакать.

– Анэйэ, – повторила она, как будто пробуя на вкус это имя, как будто давным-давно хотела его произнести, и ей впервые выпал шанс это сделать. – Не бойся меня, – её голос был тихим, далёким, как шёпот бурной реки внизу, на Тверди. – Хочешь пройти за дверь? Просто обведи контуры

моего тела рукой.

Что будет, если не сделать как она велит? Она отдаст его злым животным, которые живут за дверью?

Анэйэ не произнёс ни слова, только медленно протянул руку к плечу девушки, потом опустил. Ещё немного помолчал.

– Я не дотянусь Вам до головы, – тихо сказал он. – Не достану.

Белые полоски губ среди пронзительно-чёрного не двинулись.

Анэйэ понял, что сам должен разобраться с этим вопросом. Он деловито пошагал прочь и, свернув несколько раз, вновь беспечно миновал отряд уборщиков, без усталости натравивших гладкие полы.

– Ваше Мрачество, – окликнул его не совсем дружелюбным голосом один из мальчиков-айле. – Смирненно вопрошаю, куда вы отправляетесь? Наставник Нериани ищет вас повсюду.

– В свою комнату, – не оборачиваясь, произнёс Анэйэ. – Мне нужно сменить одежды.

Чтобы не попасться на лжи, наследник по прибытию в свою ученическую комнату действительно стянул с себя простую чёрную робу и напялил праздничный кафтанчик, единственную из присутствовавших вещей, которую здесь можно было одеть на себя. Затем взял маленький стульчик с квадратным сидением без спинки и вновь невозмутимо прошёл

мимо работающих в коридоре учеников. Тот мальчик, что прежде обратился к Анэйэ, проводил наследника взглядом, но ничего не сказал.

– Вот что я принёс, – сказал девушке наследник, ставя перед ней невысокий стул.

Она в безмолвии приоткрыла нарисованные неизвестно кем губы, но не сказала ничего. Мальчику показалось, что она улыбнулась. И ещё что грубоватые, но сделанные с большим старанием зазубринки-полоски, источавшие бледный свет, стали чуть ярче.

Недолго думая, шестилетний наследник Тёмных Небес водрузился на четырёхногую подставку и, став теперь ростом с нарисованную девушку, довольно протянул руку к её макушке.

Он сам не заметил, когда именно страх исчез вовсе. Он усердно повторял аккуратными движениями пальцев контуры её тела, провёл подушечками вдоль каждой складки её чудного, чересчур вычурного платья, осторожно обрисовал овалы больших глаз, с вниманием отнёсся к каждой ресничке. Он даже забыл бояться того, что Нериани найдёт его и накажет за прогул занятия и повышенную заинтересованность к загадочной двери.

Как раз когда вдалеке загредел гул приближавшихся шагов – возможно, шёл один из наставников, но точно не айэ Алийерэ – Анэйэ закончил своё странное дело, убрав руки от тонкого пояса на талии девушки, который он обводил по-

следним. Мальчик спрыгнул со стула и отодвинул его, слишком громко скрипнув по каменному полу. И откуда всё-таки здесь эта говорящая картинка? Когда он был здесь с Алий-ерэ, дверь была чернее чёрного. При всей своей тугости зрения Анэйэ не мог не заметить этого рисунка в прошлые разы.

Он встал перед дверью, во все глаза глядя в белые точки чуть призрачных зрачков причудливого изображения. Ох, нет. Тот, кто идёт сюда, уже совсем близко, а путь в таинственную комнату ещё не открыт! Неужели девушка обманула его?

Не успел Анэйэ подумать об этом, как дверь начала медленно отворяться. Без звука, без скрипа камня, отходящего от камня. В полном безмолвии, не колыхнув ни единой частицей холодного стоячего воздуха. Анэйэ как заморожённый глядел в медленно открывающуюся пасть неизвестности. Там было черно.

На Тёмных Небесах всё черно, кроме снега и деревьев. И Край, каждое утро пожирающий Тьму, по-пустому чёрен своим отсутствием. Внутренности распахнувшейся перед наследником темноты были черны, как львиная глотка. Где-то там билась жизнь. И это чувство, чувство страха перед притаившейся во мраке чужой, враждебной жизнью, заставило Анэйэ замешкаться и позабыть о своём любопытстве.

А шаги тем временем стали ближе. Это точно был Нериани. Пошаркивание, пошаркивание, стук посоха. Как же сло-

жен был выбор, представший перед мальчиком – вернуться на занятия или отправиться навстречу неизвестности.

Анэйэ, оглянувшись, шмыгнул за дверь, и она резко захлопнулась, едва он успел миновать порог. Чернота поглотила его сердце.

Не было ни единого источника Света. Другой уррако бы на его месте хоть згу-то разглядел бы, однако Анэйэ не мог. Он стоял, вытянув руки вдоль тела, и слушал звук собственного дыхания. Ему казалось, что он оказался в какой-то маленькой комнатке, похожей на погребок. Вот только, протянув руки в стороны, он не наткнулся ни на дверь, ни на стены. «Неужели я попал в Ничего?!»

Не желая пугаться неизведанного, он пошёл вперёд – и споткнулся обо что-то, рухнув на четвереньки. Протянув ручки и нащупав на полу то, что сбило его с ног, Анэйэ обнаружил, что это были какие-то длинные твёрдые штуки разных форм, скреплённые между собой. Одни были поменьше, другие побольше. Недолго поизучав наощупь обнаруженное, Анэйэ, весьма неплохо освоивший первые уроки по строению живых тел, умозаключил, что он споткнулся об чей-то скелет.

– Ах! – вырвалось у него.

Где-то заваял ветер. Наследник Тьмы, вдруг преисполнившись ужаса, резко отскочил от скелета и упал, оказавшись в сидячем положении с согнутыми в коленях ногами. Странный ветер пришёл из ниоткуда, принялся шевелить волосы

Анэйэ, змеистыми движениями опутывать его тело, сковывая холодом. Вой ветра походил на шипение какого-то разъярённого зверя. Анэйэ вдруг очень разозлился, осознав, что позволяет этому призрачному ветру дотрагиваться до себя и по-хозяйски рвать его за волосы. Поднявшись, боясь выпрямиться, он на память бросился туда, где должна была находиться дверь. Он почувствовал, что наступил на какую-то маленькую косточку и раздавил её, но несколько прыжков позволили ему быстро и успешно миновать страшный скелет, разместившийся здесь на полу, и врезаться протянутыми руками во что-то твёрдое. Внезапно перед ним зажглись белёсые контуры тела девушки, чьё изображение, оказывается, было зеркально отражено и внутри комнаты.

– Нечестно, – Анэйэ не понял, кто сказал это – девушка полушёпотом или, быть может, дух зловещего ветра, облизывавший затылок и волосы перепуганного мальчика. – Как же нечестно, несправедливо.

– Я хочу обратно, – попросил он. – Выпусти меня!

– Конечно, – в тихом голосе не было и тени недружелюбия. Даже как будто наоборот – робкое тепло. – Всё как ты скажешь.

Анэйэ забарабанил кулаками по изображению девушки, когда ему почудился сзади скрежет меняющих своё положение костей.

– Пойдём, милый, – шепнуло нечто.

Дверь резко растворилась, и Анэйэ вылетел в коридор,

приземлившись на ладони и колени. Сзади взвыло прохладой, и наследник, вскочив на ноги, тут же пробежал несколько лисьих хвостов, развернулся и врезался спиной в стену, противоположную страшной двери. Ветер зашелестел, отдаваясь эхом в потолке, и пронёсся куда-то налево, и когда отзвук его шипящей песни исчез, тогда же исчез и лютый ужас, стиснувший в когтях сердце Анэйэ.

Ужас исчез, но страх остался. Мальчик медленно сел на пол. Его нижняя челюсть вдруг задрожала, как пугливая синичка, потерявшаяся без света Луны. Он крепко зажмурился и пальцами обеих рук вцепился в собственный кафтан.

– Анэйэ! – послышался из конца коридора строгий голос айэ Алийерэ. Видимо, Нериани, не найдя мальчика, обратился к ней за помощью. – Что это ты тут натворил?!

Разревевшись, Анэйэ бегом бросился к сестре и упал в её объятия. Она отчитывала его мало-помалу смягчающимся голосом, а он всё плакал, размазывая по лицу слёзы об ткань её одеяний, и радовался тому, что Алийерэ была живая, тёплая, а её сердце билось совсем-совсем близко – буквально над ухом.

2. Белый уродец

В ту безоблачную, тёплую летнюю ночь Эррамуэ опять потащил своего господина на встречу с белым уродцем. Дождеоблако встречало их привычной своей туманной серостью. Стены замка, покрытые сетью нарисованных дожде-

вых струн, как и всегда, давили со всех сторон влажной тяжестью. Анэйэ не очень любил облако Лэйо. Тёмный замок – при всей своей громоздкости и могучести – был воздушнее, изящнее, легче, как порыв безумного ветра. Дождеоблако было подобно набухшей дождём туче – такое же бестолково-угрюмое и тоскливое. Слава Тьме, они только заглянули в замок для того, чтобы принести традиционные поклоны его хозяину, и тут же его покинули.

Мосты в роще Белосмерти соединяли резиденцию Лэйо со столичным облаком чёрными деревянными хребтами, перекинутыми через бесконечную высоту. Мало кто ими пользовался, предпочитали обходить рощу с востока, по мостам, уложенным камнем и кирпичом, а не хрупким старым деревом. Так что незаметнее всего было пересекать провал между двух облаков через рощу. Мальчики вернулись на Уррэйва парадной дорогой, а потом незаметно вышли к Белосмерти, прошмыгнули чёрными тенями через чёрные мосты и углубились в чёрный ночной лес, петляя хорошо знакомыми тропками и не сбившись ни разу, опытные, как тигры в своих владениях.

Заброшенная беседка, некогда неизвестно кем использовавшаяся для неизвестно чего, встретила их привычным молчанием. Молчание сохраняла и белая низкая тень, прилившая к одной из тонких колонн, поддерживавших крышу беседки. Белый уродец не отличался ни разговорчивостью, ни пониманием правил приличия. Он молчал как чеглок в

засаде, пока к нему не обращались лично.

– Эламоно, – сказал Эррамуэ, подбежав к братцу и пожав ему руку. – Вот и мы.

Анэйэ даже немного радовался тому, что уродец был бел как благословение Света. Ведь его было разглядеть гораздо легче, чем Эррамуэ, даже когда он был в чёрных одеждах.

Наследник прошагал в беседку и, разбросав в стороны снег, наваливший на стол, бесшумно и аккуратно разложил в ряд несколько книг. Из некоторых торчали рыжие от Тьмы листы пергаментов.

– Шестой дар, – произнёс он. – Сегодня я выучил теорию по шестому дару. Садись и слушай.

– Садись напротив, – мягко подтолкнул за спину младшего брата Эррамуэ. Тот послушался, не издав ни звука, даже не кивнув.

Дождавшись, когда белый уродец слегка заторможенно подойдёт к сиденью и сядет по другую сторону стола, Анэйэ откашлялся и начал тихо и равнодушно рассказывать, сверяясь по тексту книг. Он едва различал очертания букв, но зато видел пометки, которые оставлял сам для себя на специально заготовленных пергаментах – большой кистью, светлыми чернилами серого цвета, который он долго получал, смешивая обычные чёрные и соскабливая краску с задней стены Дождеоблака.

– У всех у нас от природы есть пять даров, – повествовал он. – Это глаза, уши, нос, язык и руки – а у зверей ла-

пы. Но в каждом живом существе скрыт ещё один, шестой дар. Это умение видеть бесов, чувствовать присутствие чужих сил, говорить с умершими, получать пророческие сны. Мудрецы считают, что в былые времена каждый из уррайо мог использовать шестой дар, не только чувствуя и призывая бесов, но и управляя ими, открывая шестое чувство у своих жертв с Тверди и заставляя видеть то, что видит сам насылающий кошмары. Нам были доступны все грани шестого дара, мы видели всё и управляли всем – и потому нас боялись и внизу, и наверху. Силу свою мы черпали из могущества, данного Создателем и, пока с нами были сердца стихий, мы были всесильны. Увы, когда узурпаторы эвелламе похитили то, что принадлежало нам по праву, сила оставила нас. Теперь мы можем только забрать своё по праву или остаться веки вечные прозябать здесь в безвестии и бесславии.

– Получается, сейчас мы не можем призывать бесов, потому что сердца – дар Создателя – находятся у эвелламе? – едва слышным голосом спросил белый уродец.

– Получается, так, – ответил Анэйэ.

– На прошлом уроке Вы рассказывали мне о последней войне. Ваш достопочтенный отец смог призвать кошмар и даже успешно использовать его против Светлого Властелина. Как ему это удалось, если наши сердца по-прежнему нам не принадлежат?

Анэйэ поморщился. Белому уродцу нравилось показывать себя умным и задавать нежелательные вопросы.

– Во-первых, сердца наши и принадлежат нам, даже если они находятся на другой стороне мира. Во-вторых, мой отец пытался найти способ создавать бесов без использования силы сердец, и вся Тьма совершенствовалась в древних искусствах вместе с ним, чтобы открыть ещё одну возможность призывать кошмары. В-третьих, не твоё дело, как отцу удалось всё-таки создать того беса. Этого не знает никто, не знаю я и ты не узнаешь, пока не придёт время. Ну а в-четвёртых... никто сейчас не знает, существует ли на деле шестой дар. Ведь им называют любые мистические способности, а сейчас и ныне ими никто не наделён.

– Хорошо, – кивнул спокойно уродец. – Я понял.

Анэйэ вздохнул. Он перелистнул несколько страниц и, откашлявшись, произнёс:

– К сожалению, почти ничего неизвестно о том, как призывали кошмары уррайю прошлого. Они говорили какие-то заклинания и пели какие-то песни. Тексты заклинаний часто встречаются в старинных книгах, но к ним никогда не идёт инструкций. Нет ни одного точного пособия по призыванию бесов, как будто четыреста лет назад это дело было таким привычным для любого рождённого Тьмой, что описывать процесс пером никому и в голову не приходило, как нам сейчас не приходит в голову сделать учебник для потомков о том, как правильно есть ястребову тушёнку. Мы точно знаем, что говорились определённые слова – эти тексты, к счастью, у нас сохранились. А вот о песнях, которые нужно

было петь после произнесения слов, увы, ни я, ни кто-либо ещё не знаем ничего. Возможно, все книги с их содержанием были уничтожены перед захватом эвелламе Уррэйва, чтобы важные записи не попали в лапы к врагу.

– Тексты заклинаний остались, а тексты песен – нет, – тихо проговорил Эламоно. – Правильно, господин Уррэйва?

– Именно так, незаконнорождённый уродец.

– Господин Уррэйва, можно задать вопрос?

Анэйэ раздражённо постучал пальцами по стулу.

– Ну задавай.

– А если уррайо слышит голос Создателя? Если чувствует его присутствие, знает его мысли, видит его глазами? – белый уродец долго думал над каждым словом. – Что это такое? Может, именно это уррайо прошлого назвали шестым даром?

– Я думаю, – отвечал Анэйэ, – что, если уррайо вдруг слышит голоса у себя в голове, ему стоит отправиться вместе с безумной старухой врезаться носом в витражи и звать на помощь летающих лисиц.

Он насторожился. К чему бы уродец вдруг сменил тему и заговорил о каких-то странных вещах? Неужели он о себе говорит?

Так как подопечный замолчал, то наследник Тьмы сам решил задать вопрос:

– Что это? К чему ты меня об этом спросил? Ты сам это видишь и чувствуешь? Слышишь голос Создателя?

Белый уродец долго сидел неподвижно, а потом слегка поёрзал на своём сидении.

– Нет, господин. Нет, я говорил не про себя.

Что ж, от этого типа можно было ожидать чего угодно. Быть может, Эламоно Лэйни и впрямь слышит что-то, что нормальному человеку слышать не положено. В любом случае, это ничего не значит, только то, что у уродца, как многократно предполагалось, нет царя в голове.

Хмыкнув, Анэйэ проговорил:

– Ладно. Ладно, мы отвлекаемся. Продолжим наш урок, уродец...

Он говорил ещё около получаса, а маленький белый полукровка не записывал и не смотрел в книги Анэйэ, просто сидел и запоминал, изредка скованно кивая. У него или была отличная память, или он просто был большой дурак. Во всяком случае, успеваемость уродца не особо волновала Анэйэ, ведь он занимался этим только ради своего риндо. Затем, закончив вещать, наследник уступил место Эррамуэ, который поведал братцу то, что сегодня учил сам, и показал несколько боевых приёмов, взяв сам короткий меч, замотанный тряпками, чтобы не было слышно звона стали, и дав такой же уродцу. Анэйэ не наблюдал их тренировочное сражение и не слушал их слова.

Два мальчика возвращались в столицу медленно и лениво, наступая на мариновые шапки грибов и ради веселья по очереди проваливаясь в снег по пояс.